

Михаил
ДАДАШЕВ
**МАКОВЫЙ
СЛЕД**

**Михаил
ДАДАШЕВ**

МАКОВЫЙ СЛЕД

Москва 2002

ISBN 5-93273-114-1

Михаил
ДАДАШЕВ

МАКОВЫЙ СЛЕД

РОМАН

Михаил Дадашев

Маковый след

РОМАН

Михаил Дадашев — член Союза писателей СССР, автор ряда романов, повестей, рассказов, притчей и пьес. Родился в древнем Дербенте — втором по величине городе Дагестана и вот уже несколько лет живет в Москве.

Литературная деятельность в семье Дадашевых традиционна: известным дагестанским поэтом был его дядя Манувах Дадашев, а далекий предок, Хизгия-эми Дадашев — первым сказителем своего народа.

От автора

В основу этого романа лег известный исторический факт разгрома еврейского селения Аба-Сово, о котором вскользь, в нескольких строках упоминается в двух-трех весьма запутанных сочинениях, появившихся по прошествии более века после случившегося рокового события. Лишь несколько лет назад Хизгил Авшалумов — народный писатель Дагестана, в прошлом научный сотрудник Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы в «Очерке истории рода Ханукаевых» путем сопоставления ряда разрозненных данных, изучения значительного исторического материала и логического их осмысления по поводу этой трагедии пришел к выводу, близкому к мнению автора этих строк.

В настоящее время от селения Аба-Сово не осталось ничего, даже руин, оно, что называется, исчезло с лица земли. Лишь надгробные камни и надписи на них, некоторые из которых сохранились почти в первозданном виде, другие же — упали и разбились сами или были варварски свалены кем-то, на никем теперь не посещаемом кладбище все еще напоминают, что когда-то здесь жили евреи, в очередной раз в своей истории обживали эти каменистые земли и сколько раз из-за неожиданного бедствия, оставляя не только дом

и все нажитое, но и могилы близких, спешно убегали прочь, чтобы не оборвалась навсегда полная трагизма нить жизни этого удивительно упорного народа.

В одном малоизвестном анекдоте рассказывается о том, как четверо азартных игроков, увлекшись, забыли, что в это самое время Бог раздавал народам предназначенные им земли. Первый выбывший из игры, представитель какого-то народа, побежал и получил у Бога землю. Второй, после многих извинений и просьб, все же уговорил Всевышнего и тоже не остался без земли. Третий игрок, выслушав отрицательный ответ Творца о том, что земли больше нет и что тот опоздал, стал Ему льстить, ни единым словом не обмолвившись о цели своего прихода. Наконец Создатель, не выдержав потока восхвалений и лести в свой адрес, сказал:

— Оставил себе один райский уголок, да ладно, забирай!

Последним пришел еврей.

— Ты где был, сынок? — спросил Бог у него.

— Ждал, чтобы придти последним, Отец...

— Почему?

— Моя земля Тобой, Всемогущий, предопределена давно, — ответил еврей.

— Да... — в задумчивости произнес Бог и спросил: — Ты знаешь, где она?

— Да, знаю, — ответил еврей.

— Ну, иди и возьми!

И пошел еврей, и взял эту землю. Правда, вслед за этим, словно в наказание за непослушание, этот клочок земли не раз разоряли и многих, многих евреев уводили в плен, оторвав от родного очага. На долю этого народа выпало столько, что

можно было бы искупить все грехи земли. Но никогда, ни в какие лета земля эта не оставалась без еврея! Ни один народ в течение столь долгого времени не выражал своей привязанности к конкретному кусочку земли так эмоционально, как еврейский. Примером тому может служить Хеврон, где покоятся останки великих предков этого народа от Авраама и Сарры до Иосифа. Он отражает долгую трагическую историю евреев и их беспримерную способность переносить невзгоды. Вначале Хеврон стал еврейской усыпальницей, затем синагогой, потом здесь Давид был помазан на царство, вслед за этим Хеврон был захвачен Грецией и Римом, оттоманские турки устроили резню его жителей, христианские паломники заставляли евреев изменить своей вере и, наконец, события 1948 года.

В истории еврейского народа было много «кровавых закатов», но создание еврейского очага — государства Израиль, бесспорно, является началом долгожданного рассвета после долгой ночи. Что же касается событий, описанных здесь, то они имели место задолго до этого рассвета.

Глава 1

Теперь уже, по прошествии времени, есть основания считать, что примерно шесть веков назад на отрогах Кавказа, у подножия Джалганской возвышенности, в трех верстах от южных ворот ханской цитадели Нарын-Кала, которая, словно папах, по сей день украшает «голову» древнего Дербента, на огромной поляне, к выравниванию которой, видно, было приложено немало усилий, расположилось большое, примерно в шестьсот-семьсот душ, еврейское селение Аба-Сово.

Восточной, лицевой стороной село обращалось к Каспийскому морю, и здесь поляна, на которой стояло селение, обрывалась крутым, непреодолимым откосом, от основания которого на много верст к юго-востоку, по всей Мюшкюрской равнине и еще дальше, к буйной Самур-реке, раскинулся черный лиственный лес.

С правой, южной стороны село граничило с глубоким ущельем Дерей-мар, на верхнем крае которого молодежь двух сел — Аба-Сово и соседнего Джалгана у огромного тутового дерева устроила площадку для игр. В обычные дни по дну этого ущелья, мурлыкая, ручейком стекала вода из родника Бере-ов, а в дождливую, ливневую пору по нему стремительно неслись потоки, увлекая с собой каменные горные глыбы и выдернутые с корнем стволы деревьев. Вот по этому

ущелью жители горного селения Джалган, которое было на три версты дальше и выше Аба-Сово, спускались порой к соседям или же еще ниже, через лес, к берегу моря за рыбой.

На западе селения заняло место кладбище, камни которого, словно стелы, стояли во весь рост, образовав своими телами естественную изгородь, словно предохраняя от незваных гостей. Сюда жители Аба-Сово молча приносили на своих плечах усопших, возложенных на мидо, и, прочитав, по обычаю, молитву, предавали их земле.

А с северо-запада из села уходила в горы единственная дорога, которая через несколько верст разделялась на две: одна уводила влево — в Табасаран, край искусных мастериц по коврам и многочисленных овечьих отар; другая же — прямо — в Кайтаг, где нашли себе приют мужественные наездники, свободолюбивые даргинцы, не знавшие страха и беззаветно преданные своим уцмиям. Вместе же эти земли назывались Кайтаго-Табасаранским ханством. Правда, за право владения второй его частью между ханами и кадиями не прекращались распри, а иногда и жестокие схватки.

Была еще третья, узкая извилистая тропа (жилга), которая через версту приводила путника к наезженной дороге, ведущей к цитадели и ее крепостным стенам, к так называемому фонтану Шах-Салах, о чудотворной силе которого из уст в уста ходили легенды. Фонтан этот представлял собой подпорную стенку с арочной нишей и открытым прямоугольным водоемом у основания, куда из горных родников по водоводам — каменным желобам длиною примерно в метр — стекала вода. Прямо к водоему примыкала вымощенная камен-

ными плитами площадка. Располагался фонтан у юго-западной части крепостной стены, в ста локтях от ворот Орта-Капы, которые и сегодня, спустя многие столетия, поражают своим великолепием и монументальной строгостью. Вот сюда городские женщины, иногда за полверсты, с разрешения внутренней стражи, прикрыв лицо концом шали (калагаи), так, чтобы были видны лишь одни глаза, забросив за спину медные кувшины, приходили за живительной водой, слушали или передавали друг другу очередные сплетни и, завидя бешчи — жителей окрестных сел, приносивших на своих натруженных плечах большие вязанки дров для растопки и мешки с легким древесным углем, торговались с ними, а сговорившись в цене, пользовались услугами вездесущих извозчиков с осликом, которые доставляли приобретенную поклажу к ним домой.

Бешчи же, получив за свой товар небольшую плату, покупал в ближайшей лавке дешевую одежду или кое-какую провизию, чем и поддерживал свое нелегкое существование. Иногда в праздничные дни или в дни молитвы — джума ворота Орта-Капы открывались и на большой городской базар, где шла бойкая торговля, пускали приезжих купцов, да и других торговцев, нашедших приют в многочисленных караван-сараях. В такие дни среди шумной разноголосицы базара, а еще больше — на грязных, постоянно сырых улочках города слышались глухие, с хрипотцой усталые выкрики того же бешчи: «Эй, кому дрова?! Есть уголь! Кому уголь?!» Или же звонкие детские голоса, предлагавшие холодную родниковую воду из глиняных кувшинов: «Соуг су вор! Шах-Салах суи вор!»

Базар Дербента конца XVIII столетия представлял собой уникальную площадь, напоминавшую говорливую реку, на берегах которой бок о бок разместились десятки невероятно каким образом сооруженных легких, разборных и стационарных лавок, закрытых у одних торговцев сверху и с боков тонкими бумажными тканями, у других же — спрятанных от горячих солнечных лучей изобретательными зонтами, под навесами которых на палках-основах навешаны нарядные платки, шелковые шали, разноцветные косынки и прочий товар.

В лавках сверкают шелка, пестрые тонкие ткани, серебряная и золотая парча, разнообразные меха, алмазы и яшма, янтарь и кораллы, слитки серебра, олова и меди.

— Есть шали, жасминовая вода и амбра из Индии, — не умолкая предлагает свой товар укутанной в чадру женщине словоохотливый торговец. — Прекрасные платки, не пожалеете, ханум, берите...

— Кому мускатный орех! — слышится голос из соседней лавки.

— Ковры персидские! Покупайте ковры! Дешево, не дорого! — раздается из другого конца торгового ряда.

— Берите, ханум, шелк китайский... королевы покупают, и вы станете в них королевой! — уговаривает продавец шелков подошедшую к его лавке женщину.

Здесь же рядом странствующий дервиш обращается к богатому торговцу:

— Севдегер! Говорят, ты великий мудрец, из песка и из глины ты строишь дворец.

Дам совет тебе: будь осторожен, купец, с прахом предков твоих и влюбленных сердец.

В одной из лавок степенный хозяин с красивой черной бородкой и белой чалмой на голове, вежливо уводя покупателя вглубь палатки, за немалые деньги предлагает оружие: кремневые и капсульные пистолеты с золотыми и серебряными инкрустациями, не менее красивые кремневые ружья с замком, а также кинжалы и шашки искусных дагестанских мастеров с кубачинской насечкой.

На открытых полках красовались ковры и полотна, красители и минеральное сырье, рядом же — виноград, персики и дыни, пряности и сахар, овощи, фрукты и зелень.

А в западной оконечности базара, у самых знаменитых ворот южной крепостной стены Баят-Капы, через которые имеют привычку входить и въезжать на своих издававших виды вьючных осликах странствующие дервиши и путешественники, ашуги со своими эпическими сказаниями и народными песнями и свадебные музыканты с кеманчой, тарой и бубном, в свободное время развлекающие досужий люд, — все они находят приют в размещенной здесь чайхане знаменитого на весь город чайханщика Гасан Кули-заде.

Завсегдатаи — любители чая иногда шутки ради спрашивают хозяина:

— Ай Гасан-эфенди, почему у тебя чай лучше, чем на всем белом свете?

— Да потому, хитрец ты этакий, что я заварки не жалею! — в тон отвечает чайханщик, и все смеются.

В это время по базару раздается клич чауша:

— Эй, расступись, народ, расступись! Наиб едет!

Толпа расходится в разные стороны, и на базар въезжает шикарный фэтон наиба Надыр-хана.

Фазтон наиба, крытый искусно приделанным большим зонтом из белого шелка, спереди и сзади сопровождают по два аскера на гарцующих сытых скаковых лошадях. Фазтон останавливается у широкой, украшенной гирляндами лавки с шелками и парчой, и наиба тут же приветливо встречает хозяин лавки:

— Салам алейкум, уважаемый Надыр-хан! Добро пожаловать! Моя лавка в вашем распоряжении! — и вводит дорогого гостя вглубь лавки. Чувствуется, что наиб здесь частый гость.

— Алейкум салам, эфенди! — с не меньшим уважением отвечает наиб знаменитому купцу. — Давно вернулся? Что хорошего привез для нашей ханум?

В изящной каракулевой папахе, черкеске из ярко-белого сукна с плетеными галунами из золотой тесьмы, в высоких сафьяновых сапогах, с темными, как спелая вишня, глазами и под цвет им черными, как смоль, усами наиб выглядит молодцевато.

— Все, что душа пожелает, дорогой Надыр-хан, — ответит купец любезно, — вот, посмотрите, шелка китайские, парча персидская...

— Да, хороши, хороши... — разглядывая товар, хвалит наиб. — Беру, беру, как всегда...

И по мановению руки хозяина юркий продавец разворачивает рулон и быстро, словно фокусник, отмеривает покупателю шелк и парчу и тут же, пока наиб и хозяин в дружеской беседе пьют чай, относит товар в фазтон.

А на другом конце базара, у ворот Орта-капы, приспособив под полку свалившийся с крепостной стены большой камень, стоят два еврея из селения Аба-Сово: Авшалум — отец многодетной

семьи, трудолюбивый виноградарь, который каждую пятницу — джума приносит на базар своими умелыми руками изготовленные из дерева ложки, каталки для раскатки теста на хинкал и расчески всевозможных форм и конструкций, и сторбленный старичок Шумин с неухоженной белой бородкой, тонким, срывающимся голосом зазывно предлагающий живую курицу или петуха, невесть каким образом выращенных до чувствительной тяжести.

Несколько месяцев назад старика и его больную жену постигло страшное горе: их единственный сын и его еще молодая, редкой красоты жена были найдены сельчанами мертвыми недалеко от дороги в Аба-Сово. Однако никаких следов насилия над ними обнаружено не было. Приглашенный из города лекарь утверждал, что скончались они от какой-то отравы, но как это могло случиться, где и кто мог совершить подобное злодейство, установить так и не удалось. Беспричинно и бесследно ушли из жизни два сравнительно молодых, полных сил человека, оставив старику и его жене троих маленьких внуков, и теперь все они влачили жалкое существование, вынуждая старика продавать на базаре живность, подаренную соседями. Сейчас старик представляет собою некое воздушное, жалкое создание, невольно вызывающее сочувственную улыбку.

Тем временем к старику подходит веселый молодой человек, известный городской балагур, который, подмигнув вставшим в круг друзьям и стоящему рядом Авшалуму, берет в руки курицу, пренебрежительно разглядывает ее и обращается к старику:

— Почем ваш цыпленок, дедушка?

— Где цыпленок? — подняв голову, востропел старик и протянул руку к своей курице.

Балагур убрал курицу подальше и снова, подмигнув друзьям, продолжает:

— Вот он, твой цыпленок... так сколько же он стоит?

— Ах ты, биж, харамзаде! — с неожиданным рвением вскакивает старик, хватая трясущимися руками курицу и обиженно добавляет: — Я тебе дам «цыплёнок», нечистая сила!

Раздается дружный смех. Сделав вид, что испугался угроз старика, артистично убегает балагур. Весело гогоча, расходятся и остальные. Этой незлобной шутке улыбается и Авшалум.

Ни старик, ни Авшалум еще не знают, что в скором времени их ждут события, которые окажутся для каждого из них роковыми.

И в этой духоте, под палящим солнцем, в разноголосой, шумной толчее продавцов и покупателей, разодетых кто в белое, кто в пестрое платья, среди разнообразия товаров, которые продаются и покупаются, где весело и приветливо, с шуткой и смехом, а где тихо, шепотом, втайне от посторонних глаз, снуют шустрые мальчишки с кувшином родниковой воды и медной чашкой в руках, предлагая за гроши каждому встречному свою освежающую жидкость или же крепкий ароматный чай из фарфоровых чайничков в армуды-стаканах. И базаром, и обилием редчайших товаров со всех концов света, и «ожерельем с янтарным кулоном» в виде южных и северных крепостных стен с цитаделью Нарын-Кала в изголовье — всем этим Дербент обязан своему расположению.

Дело в том, что на месте, где стоит нынче Дербент, — в узком проходе между Кавказскими хреб-

тами в районе Джалганской возвышенности и Каспийским морем, — лежала единственная, самая тревожная граница земледельческого Ирана, которую часто и не без основания беспокоили кочевники, стремившиеся к благодатному югу с его великолепными пастбищами. Этим путем неоднократно проходили полчища скифов, сарматов, аланов, гуннов, савиров, аваров, хазар и многих других обитателей степей Предкавказья, Северного Прикаспия и Причерноморья, Приуралья и Южной Сибири. Прекрасные наездники и неутомимые воины, они внезапно появлялись, нанося неожиданные удары, и легко уклонялись от невыгодных сражений с противником. Опустошающие вторжения степняков наводили ужас на земледельцев, порождая разнообразные мифы и предания о свирепых пришельцах с севера, диких кентаврах — существах с головой человека и туловищем коня.

Неудачи в борьбе с ними вынуждали землевладельцев искать способы защиты от них. И поскольку особую уязвимость своей оборонительной линии иранские цари видели именно в районе Дербента — главного пути продвижения степняков на древний Восток, царская династия Сасанидов решила в начале VI века начать, а в 579 году завершить строительство невиданного по своему размаху оборонительного комплекса, включавшего цитадель Нарын-Кала на вершине крутого холма — крайнего отрога Джалганского хребта, северную и южную крепостные стены, тянувшиеся параллельно друг другу от цитадели через приморскую равнину до берега Каспия, и горную стену Даг-бары, представлявшую собой сплошную линию мощных укреплений с башня-

ми и фортами. Она начиналась от юго-западного угла цитадели и тянулась в глубину Кавказских гор более чем на 40 км, перекрывая все обходные дороги через горы к западу от Дербента и став, таким образом, надежной преградой на пути кочевых варваров.

Однако своему расположению Дербент обязан и многочисленными выпавшими на долю его жителей бедами, страданиями и бесконечными нападениями теперь уже оснащенных орудиями вооруженных армий. По образному выражению средневекового арабского поэта, защитники Дербента называли его «городом, откуда ушел покой».

Уже в 652 году у стен Дербента появились арабы, первые отряды которых не сумели причинить защитникам города особого вреда и были разбиты. Однако вскоре арабская армия во главе с полководцем Масламой захватила Дербент, жестоко расправилась с его защитниками и силой заставила граждан принять ислам. По приказу Масламы город был разбит на семь магалов и в каждом была построена мечеть. И если еще до VIII века в городе шла служба в синагоге, в храмах зороастрийцев поклонялись огню, а из церкви раздавались молитвенные возгласы, то есть господствовало многоверье, теперь же при религиозном вожде Абу-Муслиме истово распространялся ислам.

После распада арабского халифата Дербентом правит эмир, и хотя жители города и тогда не благоденствовали, все же они жили в относительном мире. Но в XI веке город захватывают турки-сельджуки, которые не преминули воспользоваться своей победой и приказали муллам Дербента во время своих проповедей провозглашать в первую

очередь имя сельджукского султана, а затем уже — местного правителя.

Последующие века принесли встречу с монголо-татарами, от которых во дворе Джума-мечети, как зловещая память, остался врытый в землю конусообразный камень, под которым, как гласит легенда, покоятся выколотые завоевателями глаза защитников города. Видели жители Дербента и знаменитого Тамерлана, и золотоордынского хана Тахтамыша. И так век за веком: завоевания, небольшие передышки и снова битвы.

В начале XVIII века к стенам Дербента впервые с мирной миссией подошел со своим войском русский император Петр I. Уставшие от кровопролитных войн дербентцы нуждались в сильном покровителе и поэтому встречали императора торжественно, наибы преподнесли ему ключи от города, а у ворот Кырхляр-Капы выстроилось население и мусульманское духовенство.

И хотя Россия ликовала, что император, подобно легендарному Самсону, с дерзновенной смелостью перекроил карту Европы и Азии, все же до полного покорения Дербента и превращения его в южный форпост России, как об этом мечтал великий Петр, оставалось еще почти целое столетие. Мало кто, оказавшись в эйфории того времени, мог предположить, что завоевывать Дербент-Ключград придется военной силой и что это событие станет трагическим в судьбе соседнего с ним селения, ни сном ни духом не ведавшего о своей участи.

Но все это будет потом, а пока с усилением Русского государства и выходом его к Каспийскому морю интерес к Дербенту, ставшему «окном» России на Восток и открывшему ей доступ на восточ-

ный рынок, значительно возрос. Ибо Дербент волею судьбы и опять же — благодаря своему расположению оказался важнейшим звеном в цепи Великого Шелкового пути — торговой караванной дороги через страны Закавказья, Средней и Передней Азии в Китай.

Торговля России с Востоком в эти годы приобретает постоянный характер и отличается большой интенсивностью. Почувствовав простор, знатные купцы из Москвы и Малороссии, Новгорода и Астрахани через Дербент и знаменитую Шемаху, Исфаган и Фергану и дальше в Индию и Китай шли по Великому Шелковому пути, предлагая меха, выделанную кожу, железные, медные и деревянные изделия, олово, оружие, нефть и покупая различные восточные товары. Надо полагать, что многие из них становились добрыми друзьями, в течение долгих лет поддерживали связи, посещали друг друга и, конечно, в Дербенте и Шемахе имели свои караван-сарай.

Глава 2

В начале мая одна тысяча семьсот девяносто пятого года, когда солнце, покинув глубины Каспийского моря, поднялось к своему зениту, в северные ворота Дербента Кырхляр-Капы, названные арабами «воротами священной войны», въехал караван российского купца Исаака Мейлина, известного в торговых кругах как Мелин-мудрый. Разместив своих людей в услужливом караван-сараяе, сам он и его верный помощник-единоверец, вопреки ожиданию, здесь не задержались, а пересекли город и выехали из него через южные ворота Орта-Капы. И, опять же в нарушение традиций, направились не по большой торговой дороге, ведущей к Мюшкюрской равнине, а сразу повернули коней направо, в сторону фонтана Шах-Салах, к предгорной тропе, безошибочно ведущей в селение Аба-Сово. Дело в том, что накануне своей торговой миссии на Восток Исаак Мейлин решил воспользоваться приглашением своего друга и единоверца Хануко бен Шолума, не менее известного в этих краях родовитого купца, погостить у него день-другой и заодно решить ряд важных вопросов.

Исаака Мейлина мудрым называли не только за то, что он до тонкостей знал ремесло торговца и за короткое время уже дважды ходил по Великому Шелковому пути через Дербент, Шемаху, Ис-

фаган и даже Фергану, изучил, чем торговать на Востоке и что покупать на обратную дорогу, нет, не только за это. Исаак еще два года назад, живя в многострадальной Польше, когда часть представителей оппозиции разлагавшейся Речи Посполитой, вопреки воле императрицы Российской Екатерины Великой, добились принятия Новой Конституции, направленной, по существу, против деспотии России, что, в конечном итоге, привело к жестокой расправе над страной — ко второму, а потом и третьему разделу Польши, чутьем почувствовал, умом осознал, что Польшу необходимо немедленно покинуть. И в тот же 1793 год по известным ему дорогам увез в центр России семью и все накопленное богатство. А не последовавшие его примеру соплеменники уже через год испытали на себе тяготы войны, грабежи и были выдворены в ту же Россию.

Образованный для своего времени человек, знавший не только польский, русский, персидский, а и язык Торы, обладавший обширными сведениями о событиях во многих странах мира, а также аналитическим умом, Исаак был к тому же весьма коммуникабельным и ценил это качество в других.

В то время как Исаак со своим помощником подъезжали к Аба-Сово с северо-запада, на противоположной стороне села, у огромного тутового дерева, на большой площадке молодежь играла в лапту. Игровая поляна, о которой идет речь, была старательно выровнена, расчищена от камней и от корней и служила не только для игры в лапту. Здесь устраивали соревнования по борьбе среди молодежи соседних сел, а также играли в чехарду, в альчики и другие доступные сельским

юношам игры. И каждый раз после игр их участники спускались по небольшому склону в ущелье Дерей-мар, к протекавшей в нем речушке, мылись, надевали снятые прежде обувь и верхнюю одежду и расходились по своим селам.

Вода родника Бере-ов, которой в низовьях пользовались для стирки и мытья, давала жизнь не только всему живому на несколько верст кругом, но и сочной зеленой траве, что росла по обоим склонам ущелья, целительному боярышнику, кисловато-сладкому кизилу, мягкой душистой ежевике, абрикосу и миндалю, невесть каким образом занесенным и росшим здесь, небольшим дубкам и буйной любвеобильной виноградной лозе, безразборчиво нежно обнимавшей стволы всех без исключения деревьев. В этом красочном общежитии находили себе место и черноглазый терн, и хмурый шиповник.

Игра молодых шла к завершению, когда неожиданно откуда-то из укрытия, надо полагать, из-за тутового дерева, раздался звонкий девичий оклик:

— Давид! Юсуф! Вас срочно зовет отец!

Затем, подняв с земли подкатившийся тряпичный мяч, хозяйка звонкого голоса стремительно вышла из своего укрытия и бросила его в стоявшего невдалеке Фархада. Удар был настолько неожиданным, что юноша вначале онемел, а затем, увидев озорно смеющиеся глаза девчушки-смуглянки, бросившей в него мяч, кинулся ей вдогонку. Однако та бежала быстро, и догнать ее было нелегко даже такому ловкому, не по возрасту крепко сложенному парню. А догнать ее Фархад устремился еще и потому, что девчушка эта в игре не участвовала и мотивы ее поступка были ему непонятны.

Сперва она пряталась от Фархада за спинами болельщиков, стоявших вдоль игровой поляны, где не было ни одной девочки, а тем более — ни одной девушки, ибо не велят им адаты играть вместе с юношами-сверстниками. Затем, продолжая бег, она все же поняла, что скрыться от преследователя ей не удастся, ибо Фархад ее стремительно нагонял, — и тогда она вдруг оторвалась от болельщиков и бросилась вниз к основанию ущелья, где созвучно весне буйно расцвели миндаль, ранняя дикая вишня, терн и полевые цветы.

— Да оставь ты ее, Фархад! — смеясь, крикнул ему Давид и, живо прихватив с земли одежду, направился домой вслед за братом. — Не догнать тебе эту стрекозу, она ведь — как ветер...

— Эй, Фархад, ты куда? — крикнул ему вдогонку один из игравших. — Может, поиграем еще?

— Нет, я уже домой... — повернувшись на ходу, ответил он товарищу и бросился догонять беглянку.

— В следующую пятницу, ты не забудешь?.. — спросил вдогонку все тот же голос.

— Я помню... — уже из глубины ущелья донесся его ответ.

Тропинка, по которой устремилась девчушка, вела мимо только что оживших кустов шиповника и ежевики да небольших дубков, за которые она изредка проворно хваталась. Но коварные корни некоторых деревьев, словно ползучие змеи выставив напоказ свои спины, могли причинить неосторожным бегунам серьезные неприятности. Так бы оно и случилось, поскольку, мчась без оглядки от настигавшего ее Фархада, девчушка споткнулась об корень и, потеряв равновесие, упала бы на него, если бы преследователь молниеносно

не схватил ее за болтающуюся за спиной великолепную черную косу и тут же не поддержал за плечо.

— Ах ты, чертовка, попалась?.. — радуясь победе, в сердцах воскликнул Фархад и повернул ее лицом к себе.

На него смотрели два сверкающих синью миндалевидных глаза, в которых были удивление и какое-то тревожное ожидание чего-то неизведанного, а уголки губ вздрагивали от волнения. Сердце юноши непривычно замерло.

— Ты почему бросила в меня мяч? — чуть помедлив и уняв волнение, спросил Фархад.

Девчушка по-мальчишески подняла плечи — мол, сама не знаю, что это мне вдруг взбрело, и стыдливо опустила голову, настороженно наблюдая из-под полуопущенных ресниц за дальнейшими действиями юноши.

— Ты в самом деле Давида и Юсуфа сестра? — снова спросил Фархад, желая продолжить беседу. — Не бойся, я тебя не трону...

— Да, — утвердительно ответила смуглянка, смело взглянув на него, — я не боюсь... я тебя знаю, ты из Джалгана, тебя зовут Фархад...

— А как тебя зовут?

— Истир, — ответила она без утайки.

— Я у вас раза два бывал дома, но тебя не видел, да и братья твои не говорили, что у них есть сестра, — несколько удивленно говорил Фархад. — Сколько же тебе лет?

— Через месяц будет четырнадцать... — ответила Истир и неожиданно с удивлением спросила: — И ты каждый раз идешь туда, наверх? — она показала рукой на вершину горы, где располагалось селение Джалган. — Не боишься?

— А чего бояться? — спокойно ответил юноша. — Волка или шакала здесь редко встретишь, а больше и бояться некого. А для них у меня сук здесь спрятан, хочешь, покажу?..

— Это далеко?

— Да нет, здесь рядом, пойдем... — и, заметив движение девчушки в свою сторону, Фархад пошел вперед по тропинке чуть вверх.

Истир шла за ним. Долина вся утопала в зелени и разноцветье деревьев.

— Здесь осторожно, — вдруг остановился Фархад, предупредив Истир, — видишь, корень торчит, не споткнись...

— Долго еще? — выражая нетерпение, спросила она и остановилась. — Я дальше не пойду, меня отец ждет...

— Вот мы уже дошли, — Фархад пробрался в заросли шиповника и ежевики, обвивших могучий дуб, и, улыбаясь, вышел из них с большой суковатой палкой в руках. — С такой дубинкой никто не страшен...

— А что там, шалаш? — с интересом спросила Истир. — Когда ты ушел туда — будто скрылся...

— О, это мое тайное место, — с загадочной улыбкой ответил юноша. — Но тебе я свою тайну открою — с условием, что о нем больше никто знать не будет, хорошо?

— Я никому не скажу, — пообещала Истир.

— Тогда пойдем, — решительно сказал Фархад и пошел вперед.

Истир несколько секунд в нерешительности раздумывала, но любопытство взяло верх, и она двинулась за Фархадом.

Нет, это не был шалаш в полном смысле этого слова. У подножия огромного дуба в радиусе од-

ного метра земля была очищена, но застлана сухими листьями с таким расчетом, чтобы можно было узнать о посещении непрошеного гостя. А вокруг, кроме узкого, незаметного для глаз входа, буйно, до двухметровой высоты, переплетаясь между собой, росли виноград, вьюны, ежевика и шиповник, которые вкруговую обхватили дуб и образовали естественный шатер. Но секрет этого укрытия заключался еще и в том, что ствол дуба, начиная от основания, метра на полтора вверх то ли от удара молнии давнего времени, то ли от недоброй руки человека был так поврежден огнем, что внутри него сгорело все, кроме тонкой, в несколько сантиметров, ствольной части и коры дерева. И потому можно было только диву даваться, каким неведомым путем этот великан обеспечивает себя жизненной силой.

Фархад показал Истир, как он по сохранившимся внутри ствола твердым выступам, словно по лестнице, взбирается вверх и через небольшое боковое отверстие незаметно выходит наружу, обеспечивая себе, таким образом, защиту от возможного преследователя.

— А там, на вершине ствола, я смастерил удобный висячий лежак, — завершил свой рассказ Фархад, — с него местность вокруг видна как на ладони...

— Да, действительно, все здорово, — искренне призналась Истир, поразившись мастерству и умению Фархада. — Но мне уже надо бежать, а то меня будут искать...

Истир и Фархад вышли из укрытия.

— Да, чуть не забыл, на всякий случай знай, что если моя суковатая палка здесь, в тайнике, — значит, я где-то рядом.

— До свидания, — согласно кивнув, попрощалась Истир и торопливым шагом двинулась к своему селению Аба-Сово.

— До свидания! — ответил Фархад и, захватив свою суковатую палку, неторопливой походкой умеющего рассчитать свои возможности путника направился домой, в соседнее село Джалган.

— Где тебя черти носят? — возмущенно встретил вернувшуюся дочь Авшалум. — На твои поиски я уже Ихиила отправил, а тебя все нет. Поспешь к раби Шолуму домой, твои братья уже там, поможешь им накрыть и подать на стол, к ним гости приехали...

У Авшалума было пятеро сыновей: 20-летний Давид, 18-летний Юсуф, 16-летний Илову, 12-летний Ихиил, болезненный 9-летний Шемей и одна 14-летняя дочь Истир. Сорока лет от роду, Авшалум — сухопарый, выше среднего роста, крепкий и, независимо от выпавших на его долю тягот и семейного бремени, здоровый мужчина во время родов последнего сына потерял свою красавицу жену Гюльбоор, верного друга и помощницу, вот уже десятый год ходил в трауре и почти каждую ночь был преследуем одним и тем же сном, в котором к нему приходила Гюльбоор и, протянув свои нежные, ласковые руки, звала его к себе, а когда он тянулся к ней навстречу, она тут же отходила от него и исчезала; не решался он нарушить эту сладкую идиллию и привести в дом другую женщину.

Будучи единственным оставшимся в живых сыном в семье (в те времена болезни часто уносили детей), Авшалум получил в наследство четверть десятины виноградников, на которой работал в поте лица своего почти весь световой день, а

в перерывах, когда находил в соседнем лесу обрубок орехового или дубового дерева, изготавливал из них всевозможные изделия, чтобы заработать на одежду и обувь детей денег, которых всегда недоставало.

В отличие от большинства земледельцев в округе, использовавших полученную в собственность землю под горох, чечевицу, овощи и зерновые, Авшалум не изменил делу своего отца, который много лет назад, когда еще и Авшалума не было на свете, пять лет (до плодоношения) отказывал себе во всем, иногда даже голодал, но все же разбил виноградники и, несмотря порой на непосильный труд, сохранил их и ежегодно, уже надежно, оправдывал свои физические и материальные затраты. Авшалум понимал, что отцу одному в свое время было во много раз труднее, чем ему с сыновьями сегодня.

Кроме того, Авшалум всегда вспоминал рассказ отца о том, что землю эту в районе Дерей-гуш — Долины орлов в собственность всем сельчанам поровну раздал в недалеком прошлом правитель Кубинского ханства Фатали-хан, присоединивший в период своего расцвета к своим землям и все прикаспийские, в том числе и селение Аба-Сово.

В народе ходила молва, что подобная щедрость по отношению к жителям еврейского селения Аба-Сово была проявлена ханом якобы в знак благодарности ко второй, любимой жене, горской еврейке из Кубы, которая сделала его счастливым — родила ему единственного наследника Шихали-хана. Так ли это или нет, но доброе отношение Фатали-хана и его сына к жителям этого селения служило предметом немалых пересудов, в конце концов послуживших причиной трагедии.

В последние несколько лет Авшалуму стали помогать подросшие сыновья. Особой сноровкой отличались Давид и Юсуф, которые своим умением обрабатывать виноградники, делать их обрезку и зеленую обломку превзошли даже отца. И хотя расположены были виноградники на богаре, все же урожаи приносили неплохие, гроздья же отличались величиной и сладостью. Отец гордился сыновьями, которые выглядели сильными и рослыми. Теперь Авшалум все больше ловил себя на тайной мысли — в этом году или в следующем женить старшего, а потом уже и Юсуфа.

В конце осени, собрав урожай винограда, они большую его часть обменивали на пшеницу, стараясь обеспечить семью мукой, а из другой, малой части, давили вино, которое, в конечном итоге, тоже направлялось на базар.

Предметом особой гордости Авшалума росла дочь, красивая, расторопная, весьма неглупая, заменившая в семье мать и удивительно на нее похожая. Он питал к ней нежные чувства, можно даже сказать, баловал ее, хотя не в обычае горцев выказывать детям свое особое расположение. Потому окрик отца вызвал у Истир удивление, а особенно насторожило ее известие, что надо идти в дом раввина. Истир боялась признаться себе в этом, но после сегодняшней встречи и разговора с Фархадом ей еще больше не хотелось туда идти.

— Отец... этот их младший сын, Сави, на меня пялится... я боюсь его... можно, я не пойду?.. — с мольбой в голосе обратилась Истир к отцу.

— Что ты говоришь, дочка? — удивился Авшалум. — Как можно обидеть отказом таких уважае-

мых людей? Во всей округе это самая богатая купеческая семья, дом раввина и ковхо... — продолжал рассуждать Авшалум, — они все время намекают, что ждут, когда вернется с учебы Гаврил, их старший сын, чтобы взять тебя невестой в свой дом... — Авшалум мечтательно вздохнул. — Радуйся, дочка, такое счастье выпадает не каждой... — и затем уже строго закончил: — Нам оказана честь, дочь, иди сейчас же, не заставляй людей ждать!

Раби Шолум, он же ковхо (староста) всего еврейства в округе, пользовался всеобщим уважением. Человек большого ума и мудрости, за что был прозван «Хохомом», он не только обучал детей основам Торы и разрешал споры прихожан своей маленькой, построенной в селении за счет средств своей семьи, синагоги, где ежедневно утром, после восхода солнца, по заветам Торы, читалась молитва «Шахарит», после полудня — «Минха» и вечером — «Арвид», — он выполнял еще и роль справедливого судьи, если кто-либо из иудеев совершал грех перед Богом и людьми, а порой и преступление.

В отличие от своих односельчан и других единоверцев, у раби Шолума, его сына и его детей была светлая кожа лица и ярко-голубые глаза, невольно выделявшие их среди смуглого большинства братьев. Одни объясняли это тем, что раби и члены его семьи большую часть дня находятся в помещении и прячут себя от палящих лучей солнца, другие же были склонны думать, что такова их природа, имеющая прямую связь с неизвестными далекими предками. Как бы то ни было, но их облик говорил о благородном происхождении и вызывал особое уважение.

Не раз и не два раби Шолум приглашался для разрешения каких-либо трудных вопросов и в мусульманские храмы, когда тамошние служители не могли найти на них ответ сами. Мудрые советы и обширные познания приносили раби Шолуму большую славу и авторитет даже среди иноверцев. Можно было без преувеличения сказать, что и раби Шолум, и его сын Хануко бен Шолум служили опорой и поддержкой для жителей селения Абасово и единоверцев из других близлежащих сел.

Своего единственного сына, известного купца и хозяина обширных виноградников Хануко бен Шолума раби учил терпению и благородству, уважению к людям любой веры, умению ценить друзей и дружбу, не нарушать заветов Торы. И Хануко бен Шолум никогда не кичился своим богатством, считая его божественным даром, по-своему осуществлял в жизни проповеди отца, не унижая их достоинства, помогал бедным и немощным, особенно семье попавшего в беду старика Шумина, хотел в ближайшее время привлечь к торговому делу Илову — шестнадцатилетнего сына Авшалума, а красавицу дочь его, Истир, взять в жены старшему сыну Гаврилу, которого три месяца назад вместе с матерью, Довро, отправил в Москву на учебу.

Да, таковы были желания и мечты Хануко бен Шолума. Людям свойственно желать и мечтать! Хорошо, когда эти мечты и желания ложатся на скрижали судьбы, согласуются и совпадают, в таких случаях говорят, что человеку повезло, ему улыбнулось счастье! Когда же мечты и желания идут вразрез с предначертаниями судьбы, не согласуются с ними, человека ожидает разочарование, крушение надежд, катастрофа.

Между тем с Гаврилом случился казус... Дело в том, что до описываемых событий Московское купеческое общество обратилось к императрице Екатерине II с жалобой — «приговором» на своих московских коллег-евреев, что они-де все прибрали к рукам, живут в Москве вольготно, «казне ничего не платят», т.е. пользы от них ни на грош, продают дешевле, чем остальные, ибо товары их контрабандные, и всякое другое. Екатерина же, опасаясь неблагоприятного впечатления на православных подданных, в 1791 году издает высочайший Указ «о недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», т.е. в Москве и Санкт-Петербурге «жидам жить не разрешается». Приставы, «воодушевленные дарами» того же «общества», кинулись на поиски жидовского элемента и в течение 3—4 лет почти выдворили его из этих городов. Кстати, с этого времени в России вновь ожила «черта оседлости» и просуществовала более века — лиха беда начало.

Отправленный на обучение Талмуду в московскую закрытую синагогу, Гаврил был крайне разочарован, ибо здесь его ничему новому не научили — в течение последних десяти лет раби Шолум дал своему внуку-любимцу хорошие знания. Поэтому Гаврил заявил приехавшему по поручению отца в Москву Исааку Мейлину, что он хочет вернуться домой, отчего купец оказался перед трудной задачей. Однако решилась она с помощью тех же приставов, которые, обнаружив «жидовского» отпрыска на улице и узнав, откуда и кто он, потребовали, чтобы он немедленно покинул город. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Зная о стремлении своего друга Хануко бен

Шолума непременно дать сыну высшее духовное образование, Исаак Мейлин отвез Гаврила вместе с матерью в Вильно, определил в солидную по тем временам иудейскую духовную семинарию и устроил жить у своих близких родственников, удовлетворив, таким образом, все его желания.

Получив недавно от Гаврила восторженные известия, что тот очень доволен учебой и жизнью в Вильно, Исаак Мейлин, с чувством исполненного долга, решил совместить свою поездку на Восток с пребыванием у Хануко бен Шолума и заодно передать ему письмо сына.

Поднявшись на вершину, Исаак справа увидел крепостную башню селения Камах и, вспомнив объяснения Хануко бен Шолума, повернул коня влево, в сторону Аба-Сово, где в гостеприимном доме друга шли радостные приготовления.

Раби Шолум, держа в правой руке широкий, блестящий, острый, на конце словно срезанный под прямым углом нож, подошел к связанному Давидом и Юсуфом барану, взял его другой рукой за изогнутый рог, приподнял малость и, прочитав молитву: «О, Господь! Бог Израиля! Перед оком Твоим я совершу убой этого животного, чтобы поесть его кошерным. Благословенно имя Твое!», — один раз провел ножом. Затем последовали куры и жирный, выращенный на воле индюк. Давид и Юсуф стали быстро свежевать барана для шашлыка и плова, а несколько женщин общипывали кур для хинкала.

Приготовление шли полным ходом, когда в широкие резные ворота постучали, и Хануко бен Шолум вышел со двора встречать дорогих гостей. Гости спешили, а хозяин, приветливо обнимая их, приговаривал:

— С приездом, дорогие! Благодарю Господа нашего за радость, которую сегодня нам даровал! Прошу вас, проходите... прежде всего, умыться с дороги...

Исаака и его молодого помощника провели на широкую, устланную коврами веранду, где на тахте располагались два блестящих, покрытых оловом медных таза с кувшинами, наполненными родниковой водой. По обычаю здешних мест гостей попросили разуться, и приглашенные женщины помыли им ноги, затем они же стали поливать им на руки воду, чтобы те могли умыться. После долгой, под палящим солнцем, дороги гости мылись с удовольствием, обливаясь обжигающе холодной водой по пояс. Затем, насухо вытершись новыми льняными полотенцами, посвежевшие, они были приглашены к шилхону — низкому, по колено, столу, за который садились, поджав ноги или облокотившись об удобные подушки.

Во главе стола сидел раби Шолум, напротив него — Хануко бен Шолум с сыном, пятнадцатилетним Сави, а гостей усадили с двух боковых сторон. Шустрая и сноровистая Истир сервировала стол: положила перед каждым расписанные балхарскими мастерами керамические стаканы и тарелки, рядом с раби Шолумом поставила редкой красоты, довольно дорогой кувшин с вином работы кубачинских златокузнецов, в центре стола оказался свежеиспеченный тандырный чурек из «сары бугда», а рядом с ним, с двух сторон, на небольших подносах, всевозможная зелень: сельдерей и укроп из поймы Гюльгери-чая, анис-шельбах, растущий в изобилии в низовьях Бере-ов, нежная и пахучая кинза со своего участка, наре-

занный ломтиками с луком и обильно политый виноградным уксусом каспийский залом и только что из казана аппетитно сваренные куры.

По указанию деда Сави разлил в стаканы виноградное вино.

— Шобот шолум! — приветствовал всех раби Шолум.

— Шобот шолум! — хором ответили сидящие за столом.

— Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, Который творит плод виноградной лозы! — начал раби пятничный вечерний кидуш. — Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, Который освятил нас заповедями Своими и благоволил к нам, и святую субботу Свою с любовью и благоволением дал нам в наследие, — в память о деле миробытия. Ибо этот день — первый среди нареченных святыми, память об исходе из Мицраима.

Вслед за раби Шолумом все подняли стаканы с вином и дружно запели молитву: «Ибо Ты избрал нас и освятил нас из всех народов, и святую субботу Свою с любовью и благоволением дал нам в наследие. Благословен Ты, Господи, освящающий субботу! Барух ата адоной, элоэну мэлах аолам, борэ пэри агэфэн. Саврэ маранан».

И все вместе: «Лэхайм».

Выпили вино и приступили к трапезе. И поскольку вслед за шашлыком и пловом подали хинкал, приправленный чесноком и уксусом, с отменно сваренными кусками мяса, старшие решили выпить еще по стакану вина. Прием пищи сопровождался разговором. Говорили на языке Торы или же на татском, поскольку Исаак и его помощник неплохо владели тем и другим.

— Поверьте мне, реби, — говорил Исаак главе семьи, — без всякой лести говорю. Я объездил много стран, где живут наши единоверцы, но здесь, в этой глуши, законы Торы соблюдаются весьма ревностно, я бы сказал даже, истово. Меня это очень радует — значит, жив народ Израиля...

— Да, дорогой Исаак, — отвечал раби Шолум, — Тора — это древо нашей жизни, она — наше единство, вера, сила, защита, успех и удача. Мы в своих молитвах просим у Владыки Мира, чтобы Он защищал жителей нашего и других близлежащих сел от всех бед, помог им в делах, исполнил их желания... Кстати, дорогой Исаак, спасибо Вам за моего внука, как он там?..

— Ах, совсем забыл, — Исаак слегка ударил себя ладонью по лбу, — видно, старею. — Он полез в карман и извлек конверт. — Вот Вам письмо от него... почитайте, потом я расскажу...

Сперва прочитал раби, потом Хануко бен Шолум. Затем оба взглянули друг на друга и удовлетворенно улыбнулись.

— Спасибо тебе, дорогой Исаак, за заботу о нашем сыне! — поблагодарил друга Хануко бен Шолум. — Мы перед тобой в неоплатном долгу!

— Я уверен, ты бы поступил так же, — скромно заметил Иссак. — Вильно — маленький городок, где живет немало наших единоверцев, а Гаврил — парень умный и весьма благородный. Пользуется там уважением и учителей, и товарищей. Мой же дядя, у которого он живет, — тот в Гавриле души не чает. Я был у них два дня, с Гаврилом не раз беседовал, Бог даст, весной следующего года он будет уже дома...

— С именем Бога! — поглаживая уже седеющую бороду, ответил раби Шолум. — Кстати, до-

рогой Исаак, знаю, что вы объездили много стран, немало видели. Интересно, как там живут наши единоверцы?

— Что сказать, реби? Бог милостив нынче к своему народу, да благословен Бог наш и отцов наших! Освободитель наш и отцов наших, Твердыня наша и Оплот наш! И нет над нами никакой небесной силы, кроме Бога нашего, милостивого! После двух великих катастроф, событий восемнадцативековой давности на долю нашего народа выпала, наконец, капризная и изменчивая удача, по всему миру в стенах гетто стали видны первые трещины...

— Неужели, дядя Исаак? — удивился Сави.

— Да, сынок. Можете себе представить, в Германии утратила свое значение так называемая «Еврейская улица», сыновей богатых евреев начали принимать в университеты и допускать в «благородное общество»...

— Благословен Бог наш! А как в Италии? Слышал я, что жизнь наших единоверцев там крайне трудна, так ли это? — спросил раби Шолум.

— Да, реби, так и было до недавнего времени. Но теперь, благодарение Богу, все изменилось. В ее города пришли французские республиканские войска, они разрушили ворота гетто, — Исаак оживился и продолжал: — А в некоторых из них евреям вообще разрешили селиться вне гетто, да и ворот этих пресловутых там уже нет...

— Неужели и во Франции положение евреев улучшилось? — спросил Хануко бен Шолум. — Помнится, там с нашего единоверца взымали, как за скот, «пошлину на парнокопытных»...

— Да, под давлением революции Людовик был вынужден отменить эту пошлину. Даже в Пруссии

еврейское население стало чувствовать себя свободнее...

— Благословенно имя Твое! — еще раз, обратив свой взор к небу, помолился раби Шолум и по привычке погладил свою бороду. — Спасибо, Исаак, все это радует мое сердце, но ты ничего не сказал о России?..

Исаак ненадолго задумался, видно было, что сложившаяся сегодня обстановка в России его не радовала, хотя здесь через два года после второго и третьего раздела Польши проживало евреев больше, чем во всех остальных странах вместе взятых.

— Я уже рассказывал вам, реби, когда касался дел Гаврила, что после указа императрицы четырехлетней давности дела евреев в России ухудшаются, — ответил Исаак в задумчивости. — Боюсь, что с годами они будут еще более усугубляться и, возможно, это вызовет волну эмиграции из России... Больше пока ничего сказать не могу, жизнь покажет...

— И у нас сейчас беспокойно, — вступил в беседу Хануко бен Шолум. — Недавно я беседовал с представителем России здесь, генерал-майором Савельевым, — так он говорит, что Ага-Мухаммед-хан Каджар, правитель Ирана, открыто объявил о своих притязаниях на Кавказ и потребовал от владетелей Закавказья и Дагестана подчиниться его власти...

— Что же Россия? Она без войны своих завоеваний на Кавказе не уступит! — убежденно заявил Исаак.

— Так оно и есть. Из слов генерала я понял, что Россия дала знать Ага-Мухаммед-хану, что если тот откажется от своих притязаний, то будет официально признан Петербургским двором.

— Боюсь, что Каджар-хан сам себе не принадлежит, иначе зачем ему лезть в пасть крокодилу... — в задумчивости заметил Исаак.

— Ты прямо ясновидец, друг мой, — удивился Хануко бен Шолум, обращаясь к Исааку, — Ага-Мухаммед-хана действительно подстрекают западно-европейские страны вместе турецким султаном...

— Конечно, им начихать на Иран, а побитая в 1791 году Турция спит и видит ослабленную войной Россию, чтобы снова отобрать у нее Крым, — добавил Исаак, хорошо разбиравшийся в политических интригах.

— Поэтому, друг мой, ты на этот раз дальше Шемахи не поедешь, — попросил Исаака Хануко бен Шолум. — От такого сумасбродного правителя, как Ага-Мухаммед-хан, можно ожидать что угодно. Прошу тебя об этом...

— Но я обещал ферганским купцам привезти нужные им товары, да и они мне кое-что приготовили... — ответил Исаак.

— Из известных мне источников знаю, что ферганские купцы, зная обстановку в стране, сами придут в Шемаху, — убежденно заявил Хануко бен Шолум. — Туда и я с тобой поеду, мой караван тоже готов...

— Если так, то я вдвойне благодарен тебе. Да, кстати, и я не забыл о твоей просьбе, Хануко, — вспомнил Исаак и кивнул своему помощнику: — Принеси, пожалуйста, наш сверток.

Молодой помощник Исаака тут же поднялся и принес что-то завернутое в старое одеяло. Исаак развернул его и показал своим друзьям два новеньких кремневых ружья. Увидев их, Хануко бен Шолум встал со своего места, взял одно из них и стал внимательно рассматривать.

— Спасибо, дорогой друг, уважил, — довольный, говорил Хануко бен Шолум, — нам они здесь очень нужны. Спасибо... А ковры, что я купил для тебя, покажу по возвращении. Должен сказать, они сработаны большими мастерами Ирана, станут украшением твоего дома...

— Я уверен в твоём вкусе! — улыбаясь, отвечал Исаак. — Помнится, как-то ты из-под носа голландского купца, пока тот торговался, увел для меня великолепный ковер, а тот так и остался с открытым ртом...

Все улыбнулись.

— Выйдем, немного погуляем, — предложил Хануко бен Шолум.

— Согласен, — Исаак встал и, посмотрев на своего молодого друга, заметил: — Ты, наверное, хочешь остаться?

— Да, если вы не возражаете...

— Нет, нет, пожалуйста.

Хануко бен Шолум и Исаак вышли во двор, затем за ворота. Луна и звезды светили так, словно на небе зажглись электрические фонари. В тон сверчкам звенела ночная тишина.

— Ты знаешь, Хануко, меня все время удивляет мужество здешних наших единоверцев; жить в этом кольце разных народов — нелегкое дело. Вас иногда не охватывает страх? Ведь, в конце концов, здесь, наверное, полно волков и шакалов? — спросил Исаак, взяв друга за локоть.

— Что тебе ответить, Исаак? — сказал Хануко бен Шолум. — История евреев везде одинакова, да ты это знаешь лучше меня. За много столетий, что мы, горские евреи, скитаемся по миру, чего только мы не испытали: нас топили, а мы всплывали, нас истребляли, а мы выживали и снова пло-

дились, мы меняли шкуру, язык, обычаи, но всегда оставались верны своей сущности, ибо с нами Тора и наш Бог! — он остановился и, показав в сторону гор, добавил: — В этих горных, предгорных аулах и равнинных селениях мы, как всегда, занимаемся животноводством и земледелием для своих нужд: выращиваем хлеб, овощи, марену, разводим сады — короче говоря, ведем такой же образ жизни, как и остальные горцы, восприняли их материальную и духовную культуру, обычаи и традиции. Крестьянин, друг мой, от природы миролюбив, и он для нас опасности не представляет, мы живем дружно... Что же касается волков и шакалов... то где их нет?..

Глава 3

С некоторых пор в окрестностях Аба-Сово стали свирепствовать шакалы. Из курятников исчезала птица, а из овчарен — овцы и ягнята. После ряда случаев обратили внимание на то, что шакалы почему-то действовали избирательно — обирали не всех подряд, а лишь Аба-Сово и те соседние села — Нукол, Мугарты, Хамайди, Бильхади, Зидьян и Камах, в которых проживали евреи, будто имели личную неприязнь не только к домашним животным, но и к иудеям. Дело приняло такой оборот, что в Аба-Сово исчез даже бычок, а хозяина злосчастливого животного нашли, правда, без следов насилия, мертвым у входа в хлев.

Вызывало удивление и то, что шакалы не оставляли никаких присущих им следов. Например, сельские жители совершенно правильно считали, что нести бычка шакалы, по известным причинам, не могли, а если тащили, то должен был остаться след. Во-вторых, в отличие от своих собратьев — волков, шакалы сперва свою жертву душат и только потом съедают. Значит, и в этом случае должны были быть следы борьбы, на худой конец, хотя бы следы крови животного, — но их тоже не было. Но зато были непонятные следы чьих-то ног, которые, правда, через два-три десятка шагов бесследно исчезали. Таким образом, кругом были загадки.

Странными выглядели и другие случаи. Дело в том, что вышедшие на поиски пропажи хозяева не обнаруживали ни перьев задушенных птиц, ни обглоданных костей овец, ни даже их шкурок. Создавалось впечатление, что изголодавшиеся шакалы, вопреки своим привычкам, проглатывали свои жертвы целиком или же растворялись вместе с ними в пространстве, так что их не могли найти.

Тогда, чтобы раз и навсегда покончить с этим разбоем, было решено устроить на шакалов облаву. По всему горному массиву, справа и слева к западу от Дербента, где в основном располагались пострадавшие села, прошли десятки вооруженных кто чем мог жителей этих сел, которым за целый день поисков удалось найти и истребить лишь несколько больных и исхудалых шакалов, которым, как считали сельские шутники, самим надоело жить. Но были среди участников облавы и такие, которые уверяли, что видели в этих нетронутых людьми местах следы большой группы шакалов, можно сказать, целой стаи, которая совсем недавно ушла в южные районы Дагестана, на самую границу с Азербайджаном, и что в обследуемых районах больше шакалов не осталось.

Однако на следующий день всю округу облетела весть, что прошлой ночью у одного жителя селения Аба-Сово исчезли все имевшиеся в наличии три овцы, а у другого — обчищен курятник. Доверчивые и богобоязненные сельские жители искали объяснения всему этому в каких-то сверхъестественных силах, а некоторые — в том, что шакалы объявили людям тайную войну.

Конечно, все это не на шутку встревожило их, ибо подобные пропажи были для сельского жите-

ля почти катастрофой, лишением их семей в долгие зимние месяцы важного источника существования. Кроме того, становилось очевидным, что это не просто шакалы со звериным оскалом, а некий симбиоз, какая-то шакалья порода, которая, оставляя, как издевательство над людьми, непонятный след, разбойно лишает их средств к существованию, а бдительных хозяев каким-то непонятным способом лишает и жизни.

Естественно, раби Шолум не мог оставить эти факты без внимания. Он попросил сына, Хануко бен Шолума, оказать пострадавшим семьям благотворительную денежную помощь. Кроме того, ковхо посчитал необходимым довести эти события до сведения Рустам-кади, правителя Табасарана, во владения которого в последние годы перешло также и селение Аба-Сово, и на следующий день, взобравшись на своего иноходца, он поехал на встречу с Рустам-кади.

Сорокалетний Рустам-кади был выше среднего роста, среднего телосложения, подвижный, но с фигурой невыразительной, несколько мешковатой, о которой говорят, что по ее бокам, от таза до плеч, можно провести параллельные прямые. Однако его черные, будто очерченные, брови и такие же выхоленные усы под изящным, с небольшой горбинкой, носом украшали властное выразительное лицо, менявшееся в зависимости от настроения хозяина. Необычайно зоркими, проницательными были его глаза, в которых отражались хитрость и притворство, веселость и пренебрежение, смелость и ум, ненависть и любовь.

В молодости Рустам-кади был лихим, искусным наездником, умел исполнять сложные упражнения на скачущей лошади, вопреки воле ро-

дителей, не желавших попусту рисковать сыном, принимал участие в соревнованиях джигитов, для чего за десятки верст отправлялся на места их проведения. Однако после одного падения по неосторожности — года два хромота и лишь благодаря хорошему костоправу вылечился — он перестал заниматься любимым делом, но все равно, хотя и оброс небольшим брюшком, по-прежнему любил быструю скачку и часто выезжал на своем иноходце на деловые встречи или просто на прогулку.

Приставка «кади» к его имени говорила о том, что родом он из духовных лиц, которые долго, но терпеливо шли и к светской власти и вот уже более двух веков удерживали ее где ласковым словом, где лестью, где хитростью, а где и силой. Будучи представителем большого рода, Рустам-кади свято выполнял заветы своих старших — всегда и везде поддерживать сородичей, способствовать их умножению, обеспечивать им жизнь в достатке, защищать их и набирать из них защитников для себя. У самого Рустам-кади было три жены и восемнадцать детей, которых он любил и растил смелыми и дерзкими. Обучая сыновей арабской грамоте, Рустам-кади старался привить им традиционные семейные лукавство и хитрость.

Отличали правителя еще два качества, с которыми он, как мог, боролся, стараясь их преодолеть. Это — зависть и злопамятство. Казалось, у человека в таком положении, имеющего в своих руках и власть и богатство, причин для зависти не должно было быть: так сказать, не было почвы, на которой могло дать ростки это подленькое чувство, — однако, как говорится, за чужим столом хинкал вкуснее. Когда он узнавал о достатке и бо-

гатстве своих подданных, их некоторой независимости, из него, словно змея, высовывалась зависть и нашептывала подленькие советы.

Что же касается злопамятности, то в этом Рустам-кади не было равных. Он помнил случай из своей далекой, двадцатилетней давности, юности, когда во время устроенного в селе поединка борцов один из его участников, поборов Рустам-кади, оскорбительно, под смех собравшихся, кинул в его адрес:

— Слабак! Наберись силы, а потом...

Тогда Рустам-кади ничего ему не ответил, сделал вид, что не расслышал, но затаил на него лютую ненависть. И когда к нему пришла власть, он приказал аскерам своей сотни избить давнего обидчика и кулем выбросить в канаву. Тот на всю жизнь остался калекой, так и не поняв, за что с ним так жестоко обошлись.

И вообще Рустам-кади никогда ничего не прощал тому, кто поступал вопреки его власти и желаниям, тому, кто становился на его пути или ставил палки ему в колеса. Таких он немилосердно убирал, не обременяя себя сожалениями по этому поводу.

В то же время ему нельзя было отказать в трезвости суждений, в умении проанализировать ситуацию и выбрать правильный путь. Его пытливый и рассудительный ум нередко служил ему таким образом, что он мог в самых запутанных случаях найти в куче шелухи драгоценное зерно, не дать волю эмоциям, не дать ненависти захлестнуть все другие чувства, а порой умел и добродушно-невинным лукавством обойти острейший вопрос, чтобы позднее, основательно обдумав его, найти правильное решение.

Выслушав ковхо, правитель несколько минут молчал, а затем неожиданно спросил:

— А вы уверены, ковхо, что это шакалы?

— Несколько раз они разбойно нападали на нашу собственную кошару, каким-то необычным способом убили сторожа, и сельчане рассказывали, что каждый раз находили шакальи следы, но, правда, они сразу же обрывались... — ответил раби Шолум.

— Как? — не понял правитель.

— Как сквозь землю...

— Странно все это, — в задумчивости произнес Рустам-кади, отвернулся и спрятал загадочную улыбку. «Молодец Мухтар, — подумал он о своем наибе, — как и обещал, держит семью ковхо и близких его сына в постоянном напряжении, не дает им покоя, вызывая в них отчаяние и желание оставить селение и уйти куда-нибудь подальше от этих мест, хоть в Кизляр, к своему генералу Савельеву... Остальные, если хотят, пусть остаются, от них вреда нет, в казну платят исправно, а вот эту семейку надобно утихомирить, а еще лучше — убрать, больно известной стала, популярной, особенно этот выскочка, купец, куда ни глянь — его друзья, вполне может подмочить мою репутацию, создать обо мне худую славу... Да, Мухтар прав, слишком вольно и удобно устроились они у меня под боком... У наиба тоже есть причины их ненавидеть...» — и добавил уже вслух: — Знаю только одно: шакалов у нас давно нет, ковхо, может, один-два, но так... повсеместно... не верится...

— Может, проведем еще одну облаву, попробуем людей побольше привлечь, подняться чуть выше, в горные леса?..

Рустам-кади встал, дав понять, что аудиенция окончена, протянул раби Шолуму руку и уже у самых дверей остановил гостя:

— Как там, дань собирается? Люди предупреждены насчет заготовки сена и дров?

Род раби Шолума считался в Аба-Сово самым влиятельным и авторитетным. Как правило, ковхо селения всегда избирался из представителей этого рода. И эта должность стала у них как бы наследственной. До передачи Аба-Сово в ведение Рустам-кади дербентские ханы благоволили к ним. Они доверяли им собирать дань деньгами и натурой со своих односельчан и доставлять на ханский двор. Авторитет ковхо из рода раби Шолума был настолько высок среди жителей родного и соседних сел, что их нередко самих называли ханами, хотя они таковыми не были. Староста Аба-Сово, в частности, раби Шолум, устанавливал и порядок очередности выполнения его жителями ханских повинностей (бигор): кому и когда из односельчан работать на ханских полях, заготавливать сено для коней, домашнего скота, дрова на зиму и т. д. Такой порядок существовал и для жителей других селений.

Поэтому раби Шолум незамедлительно ответил:

— Да, Рустам-кади, дань доставлена в вашу казну, и на заготовку люди выйдут в установленный срок.

— Хорошо, — подытожил разговор правитель, — а насчет облавы я подумаю... — и Рустам-кади скользнул по лицу раби Шолума пристальным взглядом.

Рустам-кади, конечно, знал, что ковхо и его сын богаче него, что к их семье благоволят не только

единоверцы, но и многие горцы, живущие на десятки верст кругом, что чистота помыслов и деяний снискали ей армию друзей. Он понимал, что иметь под боком таких сильных людей, которые, вопреки всем выпавшим на их долю испытаниям, держатся за свою веру сами и ведут всех остальных, оставаясь, таким образом, белой вороной в окружении мусульман, опасно, ибо их действия по отношению к нему могут быть совершенно неожиданными и непредсказуемыми, судя по их смелости и непризнанию ими его авторитета. Поэтому мозг Рустама-кади постоянно точил завистливый червячок, нашептывая своему хозяину, что, мол, хотя правитель и он, а у этой еврейской семейки авторитета и богатства больше; что он живет в постоянном страхе потерять свою власть, а эти, словно победители, всегда на коне; мол, чего ты ждешь, Рустам, действуй и избавься от них...

И потому, провожая злорадным взглядом раби Шолума, Рустам-кади в душе радовался тревоге старосты селения Аба-Сово, жалобам и недовольству абасовинцев бездействием своего ковхо и решил под благовидным предлогом поручить своему наибу осуществить задуманный им коварный план.

На следующий день чауши правителя громогласно объявили по всем селам о проведении всеобщей облавы на шакалов. И в назначенный день десятки людей во главе с наибом правителя вышли из своих домов и двинулись по установленному маршруту.

После обильных майских дождей земля стала мягче, в рост пошла трава. Жители сел вдоволь заготовили пахнущего разнотравьем сена не только для ханского двора, но и для своего скота.

В приморской полосе, покрытой белоснежными пролысинами солончаков, появился ярко-красный растительный покров солянки, которая прекрасно ужилась с влажным побережьем и надолго укрепила песок, не давая ему в последующие месяцы сразу превратиться в пыль.

Водная благодать пришла и для предгорья. Ожилились пушистые кусты пряно пахнущего тамариска. Изрезанное двумя небольшими ущельями, образовавшимися от родниковых ручейков и тающих снегов, оно пробуждалось разноцветьем: синью анютиных глазок и бело-желтыми красками медовухи, кашки и дикой ромашки. Неожиданно стала поднимать свою красивую головку и дикая лилия.

Наполнились колосья, в рост пошли хлеба. Теперь горец уверен, что будет с хлебом, ибо не политая водой богара приносит скудный урожай. Он знает, что вслед за дождем, накануне уборки хлебов склоны гор выгорают, пейзаж приобретает оранжево-желтый оттенок. Наступает пора, когда царствует солнце. Оно играет лучами в сухих кустах татарника, среди зарослей астрагалов и можжевельника, бурым налетом пустынного «загара» окрашивает выходы скал.

Вот уже пошли и леса — замшелые, тихие, с густым подлеском из терна, боярышника, кизила, — а на травянистых лужайках островами поднимаются мощные деревья грецкого ореха. И тут же рядом — редкие могучие дубы, грабы, бук и низкорослые дубки.

Именно в этой части владений Рустам-кади было решено организовать поиски шакалов. Несколько десятков человек, вооруженных кинжалами (мало у кого из горцев его нет), вилами,

суковатыми палками, а три аскера наиба и он сам — кремневыми ружьями, двигались вдоль всей границы этой местности вверх, стараясь охватить как можно большее пространство. В группе Авшалума рядом с ним шли: внук раби Шолума Сави с саблей в руках (наличие ружей старшие решили держать в тайне), Давид, Юсуф и Илову с кинжалами и дубинками.

Шум, смех, воинственные выкрики «охотников», надо полагать, напугали местных обитателей. Неожиданно откуда-то из-за кустов ежевики выбежал встревоженный молодой кабан и, опустив голову, тараном устремился вперед, но поскольку особого вреда он не причинял, а местные жители свинину (донгуз) не едят, кабана выпустили из кольца и дали ему уйти. Другая группа натолкнулась на греющуюся под солнцем медведицу с малышами. Завидя большую группу вооруженных людей, медведица встала на толстые задние лапы, загородила собой детенышей и громко, неодобрительно зарычала. Однако шедшие впереди Авшалум с сыновьями призвали товарищей к благоразумию, не дали им совершить грех перед Богом, обошли медвежье логово и двинулись дальше.

Неожиданно будто какая-то неведомая сила повела Илову на спрятанную в зарослях дубняка скалу — оторвавшись от всех, он ушел туда и скрылся.

— О, дядя Али? Как вы здесь оказались? — удивился Илову, увидев в расщелине скалы пропавшего несколько месяцев назад знакомого жителя селения Хамайди. Али же, увидев юношу, сразу спрятался в глубокую трещину в скале, будто его и не было. Однако Илову, охваченный лю-

бопытством, сделал еще два-три шага вперед и, присев на корточки, заглянул туда, куда скрылся Али. Он был настолько увлечен этим, что хотел было вслед за укrywшимся человеком прыгнуть вниз, как вдруг кто-то ударил его чем-то тяжелым по голове, отчего он поднялся во весь рост, покачнувшись, сделал два шага к краю скалы и упал с нее.

Раздался его крик: «А...а...а!...», и тут же прогремел выстрел. Выстреливший аскер бросился вперед и увидел убитого им огромного, длиной в полтора метра и высотой почти в метр, матерого шакала, как видно, вожака стаи, у логова которого валялись куриные перья и обглоданная баранья голова.

Авшалум же, услышав крик, вначале опешил от неожиданности, но потом, увидев тело падающего со скалы сына, бросился метров на двадцать вниз, к подножью скалы, к распластанному Илову. На виске его видна была кровавая рана, как от удара обо что-то твердое. Отец, обняв мертвого сына, зарыдал.

Кто-то, отстранив Авшалума от сына, стал вначале его осматривать, пытаясь услышать биение его сердца, но убедившись, что Илову мертв, бережно уложил его на место и, подозвав к себе Давида и Юсуфа, дал им какие-то указания. Те, кивнув в знак согласия, быстро куда-то ушли.

Услышав громкий плач Авшалума, к месту трагедии стали собираться находившиеся неподалеку люди. Все были в недоумении, не могли понять, что же произошло. Тем временем с насоро собранными носилками вернулись Давид и Юсуф. Положив на них Илову, собравшиеся, опустив головы, отправились к Авшалуму домой.

Потом уже, когда труп помыли, приготовили к похоронам и трое землекопов, захватив лопаты, ушли на кладбище рыть могилу, побледневший от пережитого Сави, плача, говорил:

— Мне кажется, он кричал не «А...а!», а «Али!».

— Да, и мне так слышалось, — подтвердил пятнадцатилетний сосед.

Но ни Авшалум, ни остальные не придали значения тому, о чем говорили огорченный потерей друга Сави и соседский юноша, — наоборот, все пришли к единодушному мнению, что виновником смерти Илову, испугавшегося шакала и подбежавшего к краю скалы, а также и всех пропаж в селах, был убитый шакал...

Неожиданная смерть брата ошеломила Истир, стала для нее такой страшной трагедией, что она несколько дней ничего вокруг не видела. Она убирала, кипятила чай для соблюдавших траур, мыла посуду — все делала автоматически, как заведенная. Накануне этих событий, не ведая о надвигающейся беде, она, легкая, как мотылек, счастливая от полноты жизни, дважды урывками, когда шла в ущелье за водой, встречалась с Фархадом в его шалаше. Каждый раз, покидая Фархада, Истир понимала, что совершает что-то предосудительное, кощунственное, греховное, такое, что не имеет право совершать иудейка, ибо с молоком матери входило в сознание горской еврейки недопущение близости с иноверцем. Истир помнила случай, когда молодая женщина-еврейка забрюхатела от мусульманина-соседа; родственники предали ее анафеме, опозорили на всю округу, забросали камнями и вышвырнули из села. Она знала, что ждет еврейку, если она ступит на такой путь. Таковы были жестокие требования адата и

Торы — от этой мысли по всему ее телу пробегала дрожь. В то же время она успокаивала себя, что ничего страшного не произошло, что эти встречи ни к чему ее не обязывают. Но в глубине души все же готова была признать, что встречи с этим красивым и весьма неглупым парнем ей приятны и она ничего с этим сделать не может. Фархад был мил ей.

В дни траура семнадцатилетний Фархад почти каждый вечер приходил к своим друзьям Давиду и Юсуфу, соблюдал все предусмотренные в таких случаях обычаи, внимательно слушал говорящих и сам иногда вступал в разговор, ибо независимо от веры говорили здесь на одном, татском языке.

Однажды Фархад стал свидетелем интересного разговора, в котором неожиданно принял участие и раби Шолум.

— Я все чаще слышу, как мой внук Сави, а теперь и Хананья, постоянно твердят, что усопший, чтоб земля ему была пухом, падая, произнес имя «Али». Кто бы ни был этот Али, если он причастен к убийству этого безгрешного, чистого, как родниковая вода, юноши, то от этого зла в немалой степени пострадает и он сам...

— Как? — не понял Хананья. — По-вашему, дядя Шолум, получается так, что тот, кто убил моего друга, тоже страдает? Каким же образом? Помоему, если бы злодеяние возвращалось обратно, тогда бы и злодеев не было...

— Есть такие негодяи, что всю жизнь только и знают, что вредят другим, а сами живут припеваючи... — заметил кто-то.

— Это только так кажется, дети мои, — спрятав лукавую усмешку, ответил раби Шолум. — Зло,

как и добро, это семя, которое каждый бросает в пашню жизни в зависимости от обстоятельств. Что бы ни посеял человек на этой пашне, такой же плод вернется к нему самому или же к его детям, внукам, правнукам и т.д. Всевышний никогда ни о чем не забывает...

И заметив, что своим высказыванием он вконец озадачил собравшихся, особенно молодых, раби Шолум решился:

— Если хотите, я расскажу вам одну недавнюю историю.

— Конечно, хотим, — вместе с другими заявил и Фархад.

Раби Шолум ненадолго задумался, словно вспоминал, лучше сказать — поднимал из недр памяти какой-то спрятанный, но не утерянный от времени, залежавшийся пласт.

— У одного богатого человека из многих родившихся детей в живых остался лишь один сын. Богач же этот, после неожиданной смерти своего отца, узнав о нем весьма нелицеприятные высказывания окружающих как о грабителе и убийце, сперва изменился в лице, понурил некогда гордую голову, перестал бывать на людях, а потом внезапно, словно наперекор судьбе, стал вести бесшабашную, разгульную жизнь: пил, не зная границ, гулял, забыв о правилах приличия, без разбору, играл на деньги, проматывая полученное наследство. Таким образом, получив материальные ценности, худую славу и великий позор на свою голову, богач долго не мог с этим примириться, тайком плакал навзрыд, и был момент, когда он хотел даже покончить с жизнью. Правда, разговоры об отце в скором времени забылись и канули в небытие, так же, как один за другим и его

современники. А вот о самом богаче, кроме как о кутиле и развратнике, никто и сказать ничего не мог.

Как бы то ни было, дети богача рождались и в скором времени умирали, словно над ним тяготел злой рок. И если жену его, женщину мягкую и ранимую, эти несчастья, в конце концов, свели в могилу, то богачу все было трын-трава, будто это его и не касалось.

Когда единственному сыну богача исполнилось семнадцать лет, юноша внезапно лишился и отца. Да в этом ничего удивительного и не было, ибо к этому времени, прожигая жизнь, отец промотал и все свое состояние, словно дал себе обет не оставить в доме даже следов того злодейского богатства, что тяжким бременем легло на его плечи, давило и гнуло его всю жизнь. Так юноша остался в большом, роскошном доме без средств к существованию, но зато с высоким титулом и с именем зажиточного отца. А о том, что семья эта дошла, как говорится, до ручки, окружению известно не было; слуги же, покидая этот дом, молчали.

В детские годы сын богача много и часто болел, но, видно, такова была воля Всевышнего — оставить его в живых. И хотя в отроческие, а тем более — в юношеские годы болезни покинули его, все же рос он вспыльчивым, легко возбудимым молодым человеком. Вот и представьте себе положение этого юноши, который был из титулованной семьи, по-прежнему носил богатые костюмы, встречался с друзьями своего окружения, не раз и не два был приглашаем ими, а вот чтобы прокормиться дома, был вынужден тайно продавать какую-либо семейную реликвию, которых ос-

тавалось все меньше и меньше. Можете себе такое представить? — неожиданно обратился к собравшимся раби Шолум.

— Да, такому не позавидуешь... — заметил Хананья.

— Ничего особенного, — неожиданно ответил Фархад, чем привлек к себе внимание, — я бы, например, оставил все эти титулы, высокие имена и без раздумий пошел работать. Его, небось, и грамоте кое-какой учили...

— Да, учили, — ответил рассказчик и добавил: — А к такому решению, сынок, мог прийти только такой чистый душою человек, как ты...

— Скажите, раби Шолум, то, о чем вы рассказываете, — был ли или сказка? — заинтересованно спросил любознательный Мататья, сторож синагоги.

— Да, это был, и ее рассказал мне недавно глава нашей Дербентской Джума-мечети.

— Если это так, — опять заговорил Мататья, — то как же поступил этот юноша?

— Вот к этому мы сейчас и вернемся, — поддержал спросившего раби Шолум и продолжил: — Наступил такой день, когда он оказался в крайне стесненном, можно сказать, отчаянном положении. Содержать себя и слуг он не мог — не было средств, идти в услужение к кому-нибудь другому, что предложил наш уважаемый Фархад, не позволяло, как тот считал, его общественное положение и высокие титулы, хотя, судя по его поведению в дальнейшем, он и не помышлял ни о какой работе. Но выходить в свет было необходимо и, как ни выкручивайся, на многочисленные приглашения друзей надо было хотя бы раз ответить тем же. Тем более, что судьбе было угодно, чтобы мо-

лодая девушка из очень богатой семьи в ответ на его пылкую исповедь и смазливое личико также призналась ему в своих чувствах. Хотя помолвки еще не было, традиции их окружения требовали, чтобы молодой человек, в знак закрепления взаимности и вполне понятных намерений в дальнейшем, преподнес девушке какой-либо дорогой подарок, скажем, усыпанный драгоценными камнями браслет или жемчужно-алмазное ожерелье, — в конце концов, хотя бы дорогое и красивое кольцо. Именно о таких подарках заходила речь, когда богатые молодые люди хотели скрепить свои отношения. Но ни на одно из этих приобретений юноша рассчитывать не мог, ибо у него не было ни денег, ни чего-либо другого, что можно было бы заложить или продать.

Положение, как говорится, — хоть волком вой. Медлить с решением этого вопроса юноша тоже не мог, поскольку по просьбе девушки подобная церемония непременно должна была состояться как можно скорее в ее доме в присутствии родителей, всякая отсрочка была чревата сплетнями и пересудами, а в конечном итоге и разрывом взаимоотношений. Допустить такого позора и краха он никак не мог, ибо с этой женитьбой связывал все свои дальнейшие жизненные планы, а главное, выход из тупика и улучшение своего материального положения. А потому юноша готов был пойти на любое, даже черное дело, чтобы предотвратить катастрофу. Как сумасшедший, он метался по дому, кричал в отчаянии на безмолвные стены, проклинал отца, промотавшего свое состояние, рвал на себе одежду, брызгал слюной, в сердцах разбивал все, что попадалось под руку, отчего его красивое лицо обезображивалось урод-

ливыми гримасами, а глаза наполнялись злостью. Его уставший от раздумий мозг искал выхода...

Как вы понимаете, обстоятельства, в которые попал юноша, оказались не из легких... — заключил раби Шолум и внимательно взглянул на притихших слушателей. — Тогда-то и случилось неожиданное...

— Наверное, решил продать дом? — с участием спросил Мататья.

— А за бездомного такая девушка замуж не пойдет! — заметил другой.

— Перестаньте трезвонить, — оборвал кто-то разговорчивых, — давайте послушаем дальше...

— Так вот, — сразу воспользовался паузой раби Шолум, — в один из таких критических моментов, когда, можно сказать, на весах судьбы лежало его будущее, а именно — к вечеру того же дня, к нему постучали. Не ждавший никаких гостей, юноша открыл парадные двери, в которые настойчиво продолжали стучать, и увидел у входа высокого широкоплечего немолодого мужчину с большим саквояжем в руках.

«Никак, сын моего друга? — спросил незнакомец с лукавой усмешкой и протянул для приветствия руку. — Вырос-то как, не узнать... Отец дома?»

Юноша ответил на приветствие и сразу понял, что незнакомец, надо полагать, больше года не был в этом городе, но хорошо знал отца и их семью, однако ему самому он был совершенно неизвестен, ибо ни отец, ни мать никогда не говорили об этом человеке.

«Отец умер чуть меньше года назад...» — ответил юноша, потупив взор.

«Вот как? — встрепнулся нежданный гость. — Прими мои соболезнования, сынок. Мне надо тебе кое-что передать, войти можно?..»

«Да, пожалуйста», — ответил юноша и проводил незнакомца в гостиную.

Придвинув стул ближе к столу, незнакомец сел, положил саквояж на стол, открыл его, и взору молодого хозяина дома впервые в жизни предстала полная сумка золотых монет.

«По твоему взгляду догадываюсь, что меня ты не знаешь, так?» — спросил мужчина.

«Да, я вас не знаю», — ответил юноша, не отводя глаз от золотого блеска.

«Несколько лет назад твой отец, пусть земля ему будет пухом, одолжил мне двадцать эршефи. Час назад я приехал, чтобы вернуть свой долг, — продолжал гость. — Поскольку его уже в живых нет, я обязан вернуть их его единственному сыну. Готов ли ты принять их?»

«Да, если вы считаете нужным», — чуть запинаясь, ответил юноша.

Здесь я должен дать еще несколько штрихов к портрету молодого хозяина, — заметил раби Шолум. — Дело в том, что, обладая миловидным, почти девичьим лицом и открытыми наивными глазами, молодой хозяин не был столь же простодушен. За его внешней застенчивостью скрывались холодный и расчетливый ум и весьма недоброе, а порой, когда дело касалось его интересов, даже жестокое сердце, в чем много раз убеждались не только его друзья, но и мать с отцом. Однажды, когда отец обнаружил в нем эти черты характера, он возмущенно сравнил его с преступным дедом и громогласно предрек ему бесславный конец.

Однако гость, естественно, всего этого в молодом человеке не заметил, довольно доверительно залез рукой в саквояж, взял горсть монет, таким барским жестом бросил их на стол и, подсчитав,

сложил их в две стопки, а затем придвинул их к юноше и произнес:

«Вот сорок эршефи, сынок, в два раза больше, чем я брал у твоего отца, таков был наш уговор. Возьми, пожалуйста».

«Спасибо», — поблагодарил гостя молодой человек и не поверил своим глазам. Перед ним лежали огромные деньги, на которые можно было содержать себя некоторое время и купить самое великолепное ожерелье, которое ему недавно показывал ювелир. Лучшего подарка своей невесте не мог сделать и самый богатый человек. Блестящие золотые монеты на столе, словно Божий дар, спасали его от неминуемого позора и позволяли осуществить все его честолюбивые планы, самую заветную мечту. Они были безмолвным свидетельством того, что Бог услышал его мольбу о помощи, его отчаянный крик на краю пропасти. «Господи! — подумал юноша, не сводя очарованных глаз уже не с тех двух стопок, которые принадлежали ему, а с набитого золотом саквояжа. — Да он баснословно богат!..»

«Ты знаешь, сынок, я очень устал с дороги и не хотел бы с таким грузом ходить по городу, — обратился к молодому хозяину гость. — Могу я рассчитывать на ужин и отдых в вашем доме?»

«Конечно, — поспешно ответил юноша, в голове которого уже зрели и тут же отметались один за другим кровожадные планы, один страшнее другого. — Извольте, я покажу вам вашу комнату».

После того, как вопросы устройства были решены, гость снова обратился к юноше:

«Могу я попросить тебя, сынок, чтобы принесли и вина, — кстати, я что-то слуг не вижу?»

«Не волнуйтесь, все будет сделано должным образом, — ответил юноша, — а слуг я отпустил сегодня, не предполагая, что у меня будет гость, — и добавил: — Вы сейчас примите душ, отдохните, а к ужину я вас приглашу...»

«Спасибо, сынок, я, наверное, доставил тебе массу хлопот, — виновато сказал гость и, показав на дверь, спросил: — Наверное, это дверь в ванную комнату?»

«Да, почувствуйте себя, как дома, — вежливо ответил молодой хозяин и вышел».

Забрав со стола отданный гостем отцовский долг, он, не помня себя от счастья и полный радужных надежд, помчался к ювелиру и почти за половину полученных монет купил своей будущей невесте редкой красоты ожерелье. Затем, обменяв на бумажные деньги пару монет, подался в расположенный рядом трактир, заказал самое лучшее вино и изысканную еду на одного и, поручив доставку заказа трактирному слуге, расплатился и пошел домой.

Его мозг лихорадочно работал: отравить гостя, не оставив следа, было невозможно, ибо яд надо было купить у аптекаря. «Нет, это не годится, — подумал он, — надо уберечь себя от любых подозрений...» Отмел он и вариант убийства в постели, поскольку всякая неудача была для него чревата тем, что этот бугай, даже раненый, мог его просто придушить. Наконец, его изобретательный ум нашел выход, самый изощренный и легко исполнимый: подложить гостю в вино снотворное, — а его в доме было в достатке, — а потом уже, как говорится, «смертельно» сонному накинуть на шею петлю и придушить.

Молодой человек понимал, что хотя этот план наиболее удачен и вроде бы не оставлял никаких

следов, все же оставался элемент риска. Однако, как человек, который принял окончательное решение, он сжег за собой все мосты и стал готовиться к его выполнению, хотя некоторые сомнения не покидали его до последней минуты, пока трактирный слуга не принес ужин. Его самого удивляло собственное хладнокровие, с каким шел он на это преступление. Ему вспомнилось вдруг, как однажды отец, схватив его за руку, когда он хотел ударить камнем соседнего мальчика, удивленно произнес:

«Да ты вылитый дед, даже перед убийством не остановишься...»

Нет, угрызения совести его не мучили. «Цель оправдывает средства» — твердо решил он.

«Садись и ты, сынок, составь мне компанию», — пригласил его гость, усаживаясь за накрытый стол.

«Извините, дядя, мне врач не разрешает есть на ночь, — вежливо отказал юноша, — ешьте на здоровье...»

«Надеюсь, ты меня не хочешь отравить? — в шутку или всерьез, улыбаясь, спросил гость и пристально посмотрел на молодого человека».

Юноша вначале опешил, на долю секунды растерялся, однако наивных, простодушных глаз не отвел и как-то застенчиво ответил:

«Да вы что, дядя, как вы могли такое подумать?»

«Это я так, в шутку... — улыбнулся гость и, налив себе вина, добавил: — А вообще, если тебе нужны деньги, сынок, я тебе еще дам...»

«Нет, спасибо, мне и тех достаточно», — поблагодарил юноша и, пожелав ему приятного аппетита, оставил его одного.

Наконец, ужин был съеден, вино, с большим количеством снотворного, выпито, и гость, зевая и пошатываясь, пошел в свою комнату и не раздеваясь, захваченный сном, замертво упал на кровать. Примерно через полчаса молодой человек, надев перчатки, вошел в комнату гостя, повернул его лицом вниз, чтобы лишний раз убедиться в действии снотворного, закинул ему на горло веревку и, сев ему на спину, хладнокровно, изо всех сил начал душить. Мужчина дернулся, сделал попытку повернуться на бок, захрипел от недостатка воздуха, пытаясь освободиться от петли, но хватка убийцы была настолько крепкой, что жертва стала терять силы, и вскоре гость задохнулся окончательно, отчего лицо, уши и затылок его стали пунцовыми, багряно-красными, глаза выкатились из орбит, безобразно высунулся язык, а из полуоткрытого рта вытекла пузырьчатая пена.

Молодого человека неудержимо била дрожь, а от затраченных усилий одеревенели руки и ноги. Его затошнило, он с трудом добрался до ванной комнаты, упал на колени, ухватился за унитаз, и все его нутро словно вывернуло наружу. Обессиленный, но все еще в лихорадке, через некоторое время он вспомнил о трупe, брезгливо поморщился, подошел к нему и, ухватив за ноги, с трудом потянул его к дверям, ведущим во двор, за которыми на небольшом, огороженном забором участке года два назад, еще при жизни отца, была вырыта новая огромная выгребная яма для сваливания нечистот, поскольку старая заполнилась и требовала очистки. Вот туда и забросил труп предусмотрительный молодой хозяин, а потом почти до утра засыпал и утрамбовывал почву.

Весь следующий день он лежал, силясь остановить бивший его озноб. Сознание требовало, чтобы он встал и поехал с подарком к девушке, а тело не хотело движений. Все же собрав воедино все свои душевные силы, он взял себя в руки, поднялся, принял душ, надел свой лучший костюм и, прихватив футляр с ожерельем, направился к той, которая теперь уже в скором времени должна была стать его женой.

Казалось, все мечты его сбылись: он женился на богатой девушке, сам стал одним из богатейших людей города, приобрел известность и уважение своего окружения, однако детей Бог ему не давал, да и здоровье его у всех на глазах ухудшалось: блекли черты его лица, в глазах спряталась усталость, словно какая-то хворь точила его изнутри. Ни богатство, ни красивая молодая жена — ничто его не радовало. Молодого человека мучили кошмары, и он медленно умирал...

— Вот и вся история, — закончил раби Шолум свое повествование.

— Да, дядя Шолум, — сказал один из слушателей, — зло к нему вернулось...

— Что посеял, то и получил, — заключил сторож синагоги Мататья.

— Спасибо Вам, дядя Шолум, очень поучительная история, — поблагодарил рассказчика и Фархад.

— А вам спасибо за то, что послушали и сделали правильный вывод, — сказал раби Шолум, встал, направился в сторону своего дома и неожиданно добавил: — Но это не значит, что надо сидеть сложа руки, так, Фархад?

— Да, дядя Шолум, вы снова правы! — откликнулся Фархад на вызов мудрого ковхо.

Фархад был у матери первым и последним ребенком, ибо однажды, когда ему был всего год, отец в поисках заработка спустился вниз по ущелью Дерей-мар к берегу, устроился на какой-то рыбный промысел, пошел в очередной раз на баркасе в море и не вернулся. Суровый и буйный Каспий проглотил рыбаков вместе с утлым суденышком. Мать потом замуж не вышла, а всю себя отдала воспитанию единственного сына. Так Фархад с малых лет познал и безотцовщину, и непосильный труд на плохом, почти необработанном клочке земли, на котором мать выращивала горох и чечевицу. К пятнадцати годам он вырос в сильного, выносливого, не по годам целеустремленного юношу. В шестнадцать лет он стал лучшим борцом среди своих сверстников, а в семнадцать на ежегодном соревновании, которое устроил правитель, победил и старших, за что был премирован годовалым бычком. Широкоплечий, сильный и ловкий, он с каждым поединком становился все более опытным и непобедимым бойцом. О нем знали не только в его родном Джалгане, но и во многих других селах владений Рустам-кади.

Как-то во время своего очередного посещения траурного дома он, уловив момент, чтобы его никто не мог слышать, тихо шепнул Истир:

— Мне надо поговорить с тобой по очень важному делу...

— Ты что, с ума сошел?! — возмутилась, тоже шепотом, Истир. — Кругом люди, я в трауре...

— Очень важно, поверь... Я буду ждать завтра...

— Не могу! — решительно заявила Истир, а потом, заглянув ему в глаза, смягчилась и спросила: — Что случилось?

— Коротко об этом не скажешь... это очень важно...

Кивком головы дав согласие, она отошла.

С кувшином за плечом спустившись на следующий день на дно ущелья, она оглянулась по сторонам и, не увидев никого, пошла не к роднику, откуда сельчане брали воду, а к заветному «шалашу», где ее с нетерпением ждал Фархад.

— Ну, говори быстро, я долго здесь быть не могу... — выпалила она одним духом.

— Понимаешь, в чем дело... — начал Фархад и, взглянув на Истир, осекся. На него выжидательно смотрели два наполненных синевой красивых глаза — перед ним стояла самая очаровательная девушка. «Да-а, — подумал Фархад, — за несколько месяцев она совсем преобразилась, похорошела... Интересно, как отреагирует моя мать если я вдруг женюсь на Истир, как воспримут это известие мои соплеменники? Ведь она иудейка. Наверное, не совсем доброжелательно. Скажут: тебе что, мусульманок не хватило? Будут ругать. Но пусть хоть убьют, мне другой не надо! Только бы она сама согласилась... Вот налажу свои дела, подзаработаю на свадьбу и женюсь...» И от ожидания этого счастливого дня сердце Фархада сладостно встрепенулось.

— Так в чем дело? — снова нетерпеливо спросила Истир.

— Ах да, — опомнился Фархад, — прости меня, но я не могу об этом умолчать... После смерти Илову я несколько раз ходил на то место, где он якобы упал со скалы...

— Как «якобы»? — не поняла Истир. — Об этом до сих пор все говорят...

— Вот именно, говорят... но дело в том, что с

этой скалы упасть невозможно, если человека сильно не толкнуть или не ударить, тем более Илову, парня смелого и сильного!.. — горячо заговорил Фархад. — Сдается мне, что здесь приложена рука человека...

— А шакал? — усомнилась Истир. — Ведь рядом застрелили шакала...

— Какое «рядом»? — не согласился Фархад. — Шакал был убит метров семьдесят левее, а выстрел прозвучал одновременно с криком Илову. Что же получается, что шакал за секунду пробежал семьдесят метров?! Нет, здесь что-то не то...

— Но кому была нужна смерть моего брата? — снова усомнилась Истир. — Что-то не верится...

— Не знаю, но убежден, что на скале что-то произошло, Илову погиб не по вине того шакала... — Фархад ненадолго задумался. — Не может примириться мое сердце с этим, Истир. Поговори с братьями, с отцом, посоветуйтесь...

— Хорошо, Фархад, но мне уже надо идти, — Истир направилась к выходу, но неожиданно, повернувшись, спросила: — А почему ты сам не рассказал об этом моим братьям, как я им об этом скажу?..

— Дело в том, что я через час еду к нашему правителю, Рустам-кади, и не знаю, когда вернусь... — Фархад замялся. — Еще я хотел с тобой попрощаться...

— Как? — не поняла Истир. — Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего особенного... — ответил Фархад, пристально взглянув на девушку. — Рустам-кади пригласил меня в свою сотню, а он держит ее при себе... Теперь мы с тобой некоторое время не будем видеться, а мне это не по душе...

Истир, опустив голову, покраснела. Ей тоже очень не хотелось надолго расставаться с Фархадом.

— Но я хочу тебя попросить, можно? — спросил Фархад.

— О чем? — в свою очередь спросила Истир.

— Жди меня! Я могу надеяться?

— Да! — не задумываясь, ответила Истир. — До свидания! — и покинула «шалаш» вместе с его хозяином...

Глава 4

Беда одна не ходит. Не успел Авшалум оправиться от одной беды — смерти любимого сына Илову, который заботами Хануко бен Шолума должен был стать опорой семьи, — как в дом стучала новая. У девятилетнего Шемея внезапно обострилась болезнь, начался надрывный кашель и горлом пошла кровь.

По сравнению со своими сверстниками Шемей плохо рос, выглядел худым и бледным ребенком с глазами мудрого и печального старика. Стараниями сестры, Истир, которая была к нему крайне внимательна, кормила своего братика чаще и лучше, Шемей, казалось, шел на поправку. Однако в последнее время, когда вся семья была в трауре и завалена заботами в связи с этим, коварная болезнь дала о себе знать. Несмотря на то, что лето выдалось сухим и жарким и для возобновления кашля как будто не было причин, мальчик все больше слабел, худел и покрывался холодным потом. Проглядывались явные признаки истощения организма, учащалось дыхание, и он впадал в полуобморочное состояние. Чувствовалось, что он не жилец.

Исхудавший, изменившийся в лице Авшалум терзал себя тем, что, потеряв одного сына, упустил и второго. В отчаянии оттого, что состояние мальчика крайне тревожное и он ничем помочь

ему не может, он отправил Истир за помощью к раби Шолуму, а соседа попросил сходить в селение Хамайди, чтобы предупредить сыновей, Давида и Юсуфа, о надвигающейся беде. Дело в том, что по договоренности с Рамбомом, своим хамайдинским другом, Авшалум ежегодно в период жатвы хлебов посылал к нему на помощь своих сыновей, а тот, в свою очередь, вместе со своим сыном приходил к нему в период уборки винограда. Так повелось издавна, крестьяне-горцы помогали друг другу в трудный час. Поэтому Давид, Юсуф и сам Рамбом (все дни траура он был рядом с Авшалумом) неделю назад, после снятия траура, ушли в селение Хамайди и сразу же приступили к жатве, ибо пересушить хлеб на корню, оставить нескошенным было чревато, так как от жары пшеница могла осыпаться и пропасть.

Кроме Давида и Юсуфа в жатве принимала участие вся семья Рамбома: он сам, его жена и сын Мушаил. Работа начиналась с раннего утра и продолжалась да позднего вечера, с перерывом в середине дня, когда нещадно палит солнце. Сжатый серпами хлеб сначала тут же складывали в снопы, затем переносили их на гумно, площадка для которого выбиралась заранее. Делалось это скоро, с тем расчетом, чтобы открыть на пашне пастбище для домашнего скота и, не откладывая, завершить молотьбу. Сюда же, на гумно, были доставлены молотильные доски, деревянные вилы и лопаты для веяния. После молотьбы образовавшуюся смесь соломы с зерном вилами сперва веяли, затем лопатой несколько раз перебрасывали с места на место и таким образом отделяли зерно от соломы, а потом уже очищенное зерно оставляли для просушивания под солнцем. По завершении

этой нелегкой работы зерно засыпали в мешки и относили на спине за версту домой, чтобы там хранить в хюмах — больших глиняных емкостях.

Для определения примерного урожая хлеборобы обычно складывали по десять снопов в харе, а из 10—12 харе получался стог. Каждый стог, как правило, давал по 2 пуда зерна, а поскольку в нынешнем году земля обильно была полита дождями, Рамбом ожидал со своей полдесятины прибыльного урожая.

В этот день работа шла к завершению. Очищенное зерно на току просушивалось под солнцем, когда до работающих дошла весть Авшалума. Рамбом крайне расстроился, поблагодарил ребят за помощь и велел им немедленно отправляться домой, заверив их, что через день-два, если Бог даст, сам прибудет в Аба-Сово.

Не мешкал и раби Шолум — немедленно отправил внука в Дербент за лекарем, а сам пришел к расстроенному Авшалуму. Лекарь прибыл через два часа. Осмотрев мальчика, он как-то недовольно покачал головой, дал ему микстуру, а затем отвел Авшалума от изголовья больного и без обиняков заявил, что дни его сочтены. Оставшись один с Шемеем, Авшалум предался печальным воспоминаниям. «Да, ребенок мог умереть девять лет назад, при родах, — думал он, — но тогда он выжил, жена же, оставив меня для новых страданий, умерла». Он вспомнил, как она перед смертью, обратив к нему затуманенный взгляд, сказала: «Береги его, Авшалум, слишком дорогой ценой он нам достается...» «Да, родная, — думал он, — слишком дорогой... О, Господь! В гневе Твоем не карай меня снова. Отнесись ко мне милостиво, ибо я несчастен, исцели сына моего, Господи! —

молился Авшалум, обратив свой взор к небу. — Душа моя потрясена, подавлен я стонами моими, каждую ночь омываю слезами ложе мое, Господи! Услышь мольбу мою, помоги мальчику моему исцелиться, Господи!»

И в этот момент Авшалум очнулся от крика больного:

— Отец, я боюсь! Я умру, как Илову, отец?

— Нет, сынок, — обливаясь слезами, успокоил ребенка Авшалум, — я буду молиться за тебя, родной, успокойся...

— Да, я умру! Я боюсь, отец! — в страхе плакал Шемей, словно смерть пугала его острием своей синей косы.

Бессильный, опустошенный от свалившихся на него несчастий, Авшалум упал на колени и, опустив голову к подушке больного сына, горько зарыдал:

— Господи! Смилуйся! За чьи грехи страдаем я и мои дети!?

Услышав эти душераздирающие вопли, в комнату вбежала Истир и бросилась к плачущему отцу.

— Отец, да ослепнуть мне, видя тебя в таком состоянии! — тоже заплакав, заговорила Истир и стала помогать отцу подняться с колен. — Не убивайся, отец, поднимется наш Шемей, я буду стараться... — хотя была уверена, что на этот раз спасти братика уже не удастся. — Там Давид и Юсуф пришли из Хамайди, они ждут тебя во дворе...

Вытирая слезы, Авшалум снова взглянул на находящегося в полуобморочном состоянии сына и тихонько произнес:

— Доченька, попробуй накормить его, он с утра ничего не ел... — и вышел во двор.

Неожиданная, нелепая смерть одного брата, хлопоты по исполнению всех предусмотренных адатом церемоний, подчас трудных не только физически, но для близких людей еще и чисто морально, связанных с приготовлением пищи, подачи соблюдающим траур чая, а теперь еще обострившаяся страшная болезнь второго брата, которая, кажется, тоже вот-вот закончится печально, навалились на Истир такой тяжелой ношей, что вконец вывели ее из колеи. Если недавно в ее движениях возникла было девичья плавность, щеки стали нежными, округлились плечи, то теперь она выглядела бледной, похудевшей, а в глазах появились усталость и страх.

Истир подошла к брату, подняла его голову с подушки, заглянула в его полузакрытые впавшие глаза и тихо позвала:

— Шемей, братик мой родной, давай попьем молочка...

Мальчик встрепенулся, открыл помутневшие глаза и с испугом произнес:

— Т...ты с...ме...рть, я не хочу умирать! — он всхлипнул, и по телу его прошла мелкая дрожь.

Такого Истир выдержать не могла — плача, она сперва отставила в сторону кружку с молоком, затем положила голову брата на подушку и стала ему успокаивающе нашептывать:

— Успокойся, родной, я твоя любимая сестра Истир, не бойся...

Но мальчик вдруг еще больше побледнел, резко откинул голову на бок и вытянулся.

Истир испуганно вскрикнула и выбежала во двор, где отец и два ее брата о чем-то говорили.

— Отец! — рыдая, тихо произнесла она. — Шемей... кажется...

Увидев состояние дочери, Авшалум сразу все понял и бросился в комнату больного. Вслед за ним последовали Давид и Юсуф.

Мальчик умер. На лице его сохранилась гримаса испуга, словно, забирая его душу, смерть так и не сумела сделать это незаметно, неосязаемо. Наверное, и ей это дается нелегко, и она в такие мгновения малость нервничает. Хотя... в отношении евреев смерть свои обязанности всегда исполняла исправно, привычно, без особых хлопот и волнений. Зачастую забирала у них душу неожиданно, порой безо всяких причин, немилосердно, не различая ни малых, ни больших. При этом постоянно меняла маски: то преображалась в свирепого и вечно недовольного монарха, то в трусливого правителя, испугавшегося их роста и влияния, то в расчетливого хозяина газовых печей, приготовленных для людей, то просто-напросто в душегуба, решившего из капризного желания разодрать «козла отпущения». Может быть, поэтому за многовековую историю своих скитаний и мытарств евреи приобрели такую до боли знакомую сутулость и такую, почти неизлечимую, печаль в глазах.

Иногда, правда, бывали среди них и исключения. Смерть встречалась и с гордыми, непреклонными, негибкими смельчаками. В таких случаях она восхищалась ими и ухмылялась, но казнь ее становилась еще изысканнее и изощреннее.

Предыдущей ночью, примерно за несколько часов до описываемых событий, в село вернулся Хануко бен Шолум и был крайне расстроен неожиданной смертью своего любимца Илову. А когда на следующий день принесли еще одну печальную весть, они, раби Шолум, Хануко и Сави, не

мешкая, сразу отправились к соседу выразить свое соболезнование. Раби же, кроме того, еще и для исполнения своих прямых обязанностей. Когда же купец узнал, что Авшалум собирается для приготовления ритуальных обедов зарезать единственную корову, он категорически воспротивился и приказал слуге пригнать бычка из своего стада. Такая щедрая помощь была воспринята соседом с благодарностью.

На похороны мальчика народу собралось много. Выразить свое сочувствие и оказать помощь, кто чем может, пришли не только единоверцы из соседних сел, но и много друзей Авшалума и его сыновей из иноверцев. В трудный час, во время великой беды для трудящегося человека не имеет значения, какой ты веры или национальности. Бывали случаи, когда погорельцу, у которого от пожара сгорел дом и скот, иудеи и мусульмане сообща собирали средства на новую постройку и приобретение скота. Тем более, люди не могли остаться равнодушными, когда из одного дома за короткое время выносят второй труп. Горе семьи Авшалума стало горем всеобщим.

На поминальных вечерах, несмотря на то, что близилась осень — время уборки плодов и винограда, в доме Авшалума народу не убавлялось, поделить с ним горе каждый считал для себя долгом. За много столетий привыкшие к еще худшим трагедиям, единоверцы Авшалума в такие дни тянулись друг к другу, они молча смотрели своим соплеменникам в глаза и этим молчаливым взглядом выражали свое единство, поддерживали неггибаемый гордый дух, мол, держись, брат, еще не все потеряно, с нами Господь Бог!

В такие вечера раби Шолум, закончив чтение молитв и поглаживая свою красивую, все более седеющую бороду (надо полагать, что пастырь не может оставаться безучастным к горю своей паствы), приглашал собравшихся подвинуться поближе к нему и рассказывал интересные и поучительные истории из жизни своего народа. Через неделю после похорон, в один из таких вечеров Хануко бен Шолум, подсев к Авшалуму ближе, извинился за напоминание о погибшем сыне и неожиданно спросил:

— Скажи, сосед, я никак не могу взять в толк, что тогда случилось с Илову?

— Что сказать, дорогой, — с горечью вздохнув, ответил Авшалум, — тогда мы сгоряча как следует не разобрались... А вот недавно друг моих сыновей Фархад из Джалгана поведал моим детям, что был на том месте еще несколько раз, изучил и проанализировал каждый факт и пришел к выводу, что к смерти Илову убитый шакал никакого отношения не имеет...

— Как? — не сразу понял купец. — Тогда кто же?..

— Вот и мы сейчас в раздумье, хотим разобраться... — горячо говорил Авшалум. — Крик Илову, когда он падал со скалы, и выстрел аскера, которым был убит шакал, прозвучали одновременно, а шакала нашли от скалы намного дальше...

— Значит, Илову кто-то убил... но почему? — недоумевал купец. — Кому была нужна его смерть? Нет, здесь что-то не то...

— И еще одно, — добавил Авшалум, — и ваш сын, и этот Фархад утверждают, что Илову кричал не «А...а...», а «А...ли...».

— Кто такой Али? — вдруг встрепенулся купец, вспомнив о чем-то. — Вы знаете такого?

— Нет, — развел руками Авшалум, — кругом столько этих Али... какой из них и зачем...

Хануко бен Шолум силился вспомнить, где и в связи с чем он слышал это имя еще до своего отъезда с Исааком, но память ничего не подсказывала. «Надо вспомнить, думал он, обязательно вспомнить, но пока Авшалуму ни слова...» А вслух сказал:

— Если Илову в самом деле произнес это имя, — значит, он этого Али узнал... Я поговорю с наибом — может, он что подскажет...

— Он и его аскер, который убил тогда шакала, были у нас, выразили соболезнование, но все же склонны думать, что Илову испугался шакала, побежал и упал...

— Что ж, я и это буду иметь в виду, — пообещал Хануко бен Шолум, затем встал и, пожав руку удрученному хозяину дома, собрался уходить. — До свидания, да благословит вас Господь!

— Сохрани вас Бог! — сердечно ответил ему Авшалум.

Проводив Хануко бен Шолума, Авшалум лицом к лицу столкнулся с Рамбом у самых ворот. В день похорон Рамбом был рядом с ним, оказывал посильную помощь по хозяйству, а потом сразу же ушел в Хамайди, чтобы помочь сыну и жене забрать высушенное зерно с тока и засыпать его в хюмы, которые были искусно спрятаны под полом сарая. Если раньше работа эта, с помощью Давида и Юсуфа, выполнялась за два-три дня, то теперь, без них, потребовалась целая неделя, ибо урожай превысил все ожидаемые прогнозы. Рамбом получил свыше 60 пудов хлеба.

Решив все назревшие хозяйственные вопросы, Рамбом вместе с соседом-мусульманином отвез на его арбе зерно на мельницу Исога, в Мюшкюр, а вернувшись домой, сходил к роднику, умылся, сменил грязную одежду и, нагрузив на соседского ослика мешок муки, двинулся в Аба-Сово. Он искренне любил своего незадачливого друга Авшалума, дорожил дружбой с ним. Эту любовь он перенес и на его детей, а особенно на приглянувшуюся ему Истир; он мечтал привести ее в свой дом невесткой — женой своего единственного сына Мушаила, которого вдвоем с женой они лелеяли и берегли.

После первых родов жена его никак не могла снова зачать. Уж чего только не испробовали, к кому только не обращались. По совету подруг и соседок поехали даже в Закаталы, на границу Дагестана с Азербайджаном, к знаменитой в то время знахарке, но при всем ее старании родить жена Рамбома так и не смогла. Использовали даже молочного цвета воду джалганского пира — родника, питье которой якобы возобновляет у женщин способность к деторождению. Хотя добратся до этого пира Рамбому стоило немалых усилий, все же ему это дважды удавалось. Однако вот уже восемнадцатый год они жили надеждой, что Бог услышит их мольбу и даст им хотя бы еще одного ребенка. Вот почему потери в семье друга воспринимались им как свои.

Понимая, что Авшалуму в эти дни не до виноградников, а оставлять их без полива равносильно краху для его семьи, Рамбом решил хотя бы накануне уборки побывать на участке друга и по возможности полить их. А это можно было сделать только глубокой ночью, когда земля ос-

вещалась лунным светом, — надо было перекрыть протекавший за версту арык и направить воду на виноградники Авшалума. И Рамбому это удалось, хотя на следующий день хозяева не получивших воду участков подняли скандал, потребовав наказания нарушителя. Правда, потом все улеглось, когда узнали, что вода была использована для участка находившегося в трауре Авшалума.

— Рамбом, дорогой, спасибо тебе за заботу о моем винограднике. Когда это ты успел его полить? — уже ночью, когда все разошлись, спросил друга Авшалум. — Ты что же, ночами не спишь?

— Три ночи ходил, тебя не трогал, думал — пусть поспит, — улыбаясь, рассказывал Рамбом. — Никак не удавалось: соседи поливают и ничего не сделаешь... А вчера — Господи, думаю, хоть бы никого не было... И действительно, никого... до утра поливал, от души, вдоволь, сухая земля с жадностью глотала воду... Теперь твой виноград наберет сока, прибавит в весе.

— А я, грешный, думал, что ты ночью домой уходишь, — Авшалум душевно обнял Рамбома. — Твоя помощь бесценна, друг мой, а то остался бы я без урожая...

— Теперь можешь быть спокоен, — уверил его Рамбом. — Завтра, после сорока дней, я пойду домой, а перед уборкой, где-то к началу октября, приду с сыном. Думаю, что за неделю, если Бог даст, все вместе уберем. Да, чуть не забыл, постарайся встретиться с покупателем винограда, чтобы он уже в эти дни подвез бочки под виноград...

— А я уже договорился, — довольный заботливостью друга, ответил Авшалум, — он был здесь вчера, приехал выразить соболезнование...

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказал Рамбом. — Теперь же время позднее, люди разошлись, пойдем отдыхать.

И оба друга направились в дом.

В поисках причины смерти своего любимца даром время не терял и Хануко бен Шолум. Нанятые им в городе лучшие специалисты, выехав на место, дали исчерпывающие объяснения. И вооруженный ими, он поехал к наибу, который в душе обрадовался приезду известного купца, сулившему ему значительное вознаграждение. На стол были поданы ароматный чай и всевозможные сладости.

— Я слушаю вас, эфенди, чем обязан такой чести? — заговорил наиб, сверля гостя хитрым взглядом.

— У меня к вам, уважаемый наиб, деловое предложение, — начал Хануко бен Шолум. И в течение десяти минут, пообещав наибу солидное вознаграждение, изложил выводы нанятых им специалистов:

Крик погибшего и выстрел в шакала очевидцы услышали одновременно;

Убитого шакала нашли в 70 шагах от скалы, с которой упал или был сброшен погибший;

Большинство специалистов сходятся в мнении, что шакал за одно мгновение пробежать это расстояние в состоянии смертельной агонии не мог;

Поскольку два очевидца утверждают, что слышали крик не «А...а...», как говорят некоторые, а «А...ли...», возникает вопрос: кто такой этот Али? Из какого он села? Почему прятался в это время там?

Если этот неизвестный Али — убийца, значит, Илову узнал его, а тот, боясь своего разоблачения, был вынужден избавиться от нежелательно-

го свидетеля. Но... по заявлению отца погибшего на теле сына не было никаких следов борьбы, лишь на голове было две раны. Одна — на затылке, от удара чем-то твердым, но она не могла быть смертельной. Вторая же — на виске, полученная, надо полагать, при падении на острый камень или сук, отчего, вероятнее всего, он и умер. При любых обстоятельствах и в висок и в затылок одновременно он удара получить не мог. Таким образом, можно предположить, что этот Али был не один. По всей вероятности, Илову, увидев и узнав Али, громко назвал его по имени, а второй, неизвестный сообщник Али, поняв, что это может привести к их разоблачению, не раздумывая, ударил Илову в затылок чем-то тяжелым, возможно, дубинкой, отчего тот и упал со скалы. В пользу версии о наличии у Али сообщника говорит и то, что один Али, каким бы он ни был здоровым, не мог сразу, без шума и борьбы, свалить такого сильного парня, как Илову;

Могли ли участники этой облавы видеть то, что происходило на скале? Обследование местности лучшими специалистами показало, что нет, не могли, так как скала эта, хотя и высокая и стоит на краю обрыва, и на нее можно даже подняться, что и сделал Илову, все же со всех сторон окружена высокими зарослями, высота которых превышает 2—3 метра. Мало того, те же специалисты на одной стороне этой скалы обнаружили некую ущербность — углубление, которое вполне могло служить убежищем для людей, не желавших, чтобы их видели. Правда, в настоящее время все следы пребывания там людей искусно ликвидированы;

Кроме всего этого, имелись сведения от одиноких путешественников, некоторых горожан и не-

больших купеческих караванов, что при проезде в этих краях им встречались сомнительные попутчики, которые напрашивались в помощники, а получив отказ, уходили с угрозой. Единоверцы из соседних сел не раз доводили до сведения ковхо, что на северной стороне Дербента, в районе селений Бильгади, Зидьян и Камах, были случаи, когда обирали, грабили и даже дважды убивали приезжий люд. Натужив память, Хануко бен Шолум вспомнил, что во время своей последней встречи с другом из селения Карчаг тот, как бы мимоходом, рассказал об исчезнувшем из их селения некоем Али, который отличался крайней ленью и желанием наживаться за чужой счет. «Да, да, — подумал купец, — он назвал тогда имя Али, я не мог ошибиться... Не тот ли Али повстречался с Илову?»

Изложив наibu все эти факты, Хануко бен Шолум попросил его, за выложенное на стол щедрое вознаграждение, узнать: из каких селений подвластных ему владений исчез человек по имени Али, что о нем слышно в настоящее время, есть ли у него родственники, что им о нем известно, что говорят соседи? Необходимо организовать группу из аскеров, которые, под видом проезжих купцов совершая ложные выезды, могли бы выявить в этих краях скрывающихся разбойников.

Хануко бен Шолум не только хотел выявить убийц ни в чем не повинного юноши и воздать им должное — он ставил задачу более обширную: воспользоваться этим трагическим случаем и очистить ближайший регион от разбойников, о которых в последнее время все больше говорили купцы, да и жители близлежащих селений, и даже

русский генерал-майор Савельев, его давний друг, при встрече недавно в Кизляре спрашивал, правда ли, что в окрестностях Дербента бесчинствуют разбойники. На что он в шутливой форме ответил, что его самого пока Бог миловал. Ответ генералу понравился, но он заметил:

— А что Рустам-кади и его наиб со своей сотней? Пусть шевелятся, негоже, что идет такая слава о Дербенте...

Упрямый, хитрый, жадный и хищный наиб Мухтар был до мозга костей предан правителю, своему дальнему родственнику, за которым готов был пойти в огонь и в воду. Тридцатипятилетний вдовец, здоровый, как бугай, наиб был охоч до молоденьких вдов и во имя достижения своих похотливых целей готов был увеличить их число, не останавливаясь ни перед чем. В возрасте 27 лет он потребовал от своей красавицы жены прекратить, как он выразился, «безобразие» и немедленно родить ему сына, пригрозив, что если она в течение двух лет не забеременеет и не родит, он ее убьет. И в самом деле, в назначенное время, увидев, что она, словно сухое дерево в лесу, так и не зачала, наиб пришел домой пьяным, вынул из-за пояса свой красивый, инкрустированный пистолет и выстрелил ей в сердце. А поскольку он сам был и судья и убийца, — ему это сошло с рук. Правда, пить после этого он перестал.

Своего отца наиб не помнил, и кто был его настоящим отцом — тоже никто не знал, кроме, конечно, матери, Хадижи, которая, выйдя замуж во второй раз за так называемого отца наиба, принесла с собой годовалую дочь от умершего первого мужа. Хадижа была редкой красоты женщиной, стройной, с дивным станом и легкой походкой ла-

ни, и каждый раз, когда она выходила из дома, завидя ее, мужчины не сводили восхищенного взгляда. И не мудрено, что болезненный и тщедушный «отец» наиба, не рассчитывая на девственницу, вопреки желанию своих отца и матери влюбился в Хадижу и женился на вдовушке, так и не получив благословения родителей. Приглашенный из соседнего селения мулла в присутствии двух друзей жениха за щедрое вознаграждение скрепил их брак благословенной молитвой.

Через два года, когда «отец» наиба слег окончательно и до самой смерти не вставал, Хадижа родила не хиленького заморыша, как ожидали все, а большого и здорового мальчика, которого назвали Мухтаром. Долгое время в селении ходили сплетни, что отцом ребенка является вовсе не муж, а высокий, широкоплечий еврей — кровельщик из селения Аба-Сово, в которого, видно, влюбилась Хадижа и которого раза два видели выходящим из ее дома. Как бы то ни было, но в доме Хадижи было уже двое детей — девочка и мальчик, когда она в скором времени потеряла и второго мужа.

Будучи двоюродной сестрой отца Рустама-кади, а значит, его тетей, она пользовалась их покровительством и потому родственниками делалось все, чтобы сплетни вокруг ее имени были предотвращены, а одну словоохотливую женщину, которая, независимо от предупреждения, все же продолжала болтать языком, нашли утонувшей в луже. Что же касается еврея-кровельщика, тот сразу же всем семейством, как утверждали сельчане, уехал в сторону Темир-хан Шуры или Сунжи-реки. Таким образом, доброе имя Хадижи было восстановлено.

Правда, оставались потенциальные свидетели позора Хадижи, староста и его сын Хануко бен Шолум, которые в силу своего положения могли знать о причине внезапного выезда из селения семьи единственного кровельщика. Кровельщик под большим секретом все же мог открыть старосте подлинную причину столь скоропалительного бегства, и потому Рустам-кади, а еще больше — наиб, в последующие годы бдительно следя за высказываниями отца и сына, ненавидели их как возможных носителей нежелательных и позорных о себе сведений, но поскольку те делали вид, что ничего не знают, — а возможно, так оно и было на самом деле, — открыто не выражали против них своих чувств.

Был у наиба даже свой осведомитель из числа жителей селенья Аба-Сово, который попался однажды за воровство и должен был предстать перед судом своего народа, но ценой предательства спас свою шкуру от позора. И вот уже более года, получая жалкие подачки, он тайно передавал наибу сведения обо всем, что происходило в селении, в том числе и о действиях и словах старосты и его сына.

Не знал, не ведал этот отщепенец, что, преодолев он тогда свой страх и позор, найди в себе мужество и предстань перед справедливым джамаатским судом, — возможно, кара его была бы не столь суровой, в сравнении с тем, что он на себя навлек и во что обернулось его предательство для него и его соплеменников.

На длинной дороге жизни этого народа подобные «иуды» не раз служили причиной многих трагедий своих соплеменников.

Влиятельные родственники позаботились не только о матери, но сделали все, чтобы малень-

кий Мухтар не знал о своем подлинном отце, чтобы позорное прошлое матери не дошло до его ушей и не стало предметом его детских раздумий. Они не только оберегали его самолюбие, они предупреждали любую попытку каким-нибудь образом обидеть его. И потому Мухтар рос, словно в панцире, отгороженным и защищенным от всяких сплетен.

Внешностью мальчик походил на мать, а значит, и на своих важных и высокопоставленных родственников, если бы не его волнистые каштановые волосы. Но когда кто-либо старался внести в этот вопрос ясность, мать тут же вмешивалась и заявляла, что волосы сына отдаленно напоминают шевелюру «отца». Знавшие «отца» многозначительно ухмылялись и, конечно, соглашались с ней, «вспоминая» подробности этой схожести.

Однако в отроческие годы Мухтар неожиданно стал попадать в непредвиденные ситуации. Однажды во время игры какой-то юноша-мусульманин, чуть постарше его сверстников, злобно бросил в адрес удачливого Мухтара обидное слово «джууд бай» — «еврейский отпрыск», что привело его в крайнее замешательство.

— Это ты мне сказал? — кинулся Мухтар на обидчика; хотя был он года на два младше своего оскорбителя, но казался выше ростом и смелее. — Извинись сейчас же! — потребовал он.

— Не буду! — ответил юноша, смело взглянув на Мухтара. — Спроси у своей матери...

В следующую секунду Мухтар, разозлившись, бросился на него и стал бить с остервенением в живот, в голову, в лицо, отчего избитый в кровь обидчик бросился бежать. Если не считать еще одного случая, когда соседский мальчишка стал

его дразнить и обзывать «биж» — незаконнорожденный, за что был избит Мухтаром до полусмерти, желающих оскорбить или сказать в его адрес обидное слово больше ему не встречалось.

Правда, с годами, особенно после скорой смерти матери, все забылось, ушло в небытие, будто ничего этого и не было. Но каждый раз, когда судьба, будто невзначай, подбрасывала ему напоминание о его кровной связи с евреями, во что он никогда не верил, — лучше сказать, не хотел верить, — он вскипал, как бурлящий котел, в нем росла ненависть к этому, в общем-то, ни в чем не повинному народу, и он строил планы, один другого зловещее, чтобы раз и навсегда размежеваться с ним и любым возможным способом нанести ему вред. Но делать это, понимал он, следует без шума, умно, а самое главное, не своими руками. А когда, став наибом, он понял, что на евреях можно хорошо заработать, линия его поведения стала еще тоньше и ухищреннее.

Свою сотню наиб пестовал, как дитя родное. Поскольку во всех селениях он имел своих осведомителей, то знал почти о каждом их жителе все, что ему надобно было знать. Например, аскеров в свою сотню он подбирал с учетом их возраста, силы, ловкости и сообразительности. Так, он пригласил к себе недавно, взамен заболевших и умерших, Фархада и еще двух молодых людей из селений Камах и Нукол. Фархад ему понравился сразу, тем более что на очередном ежегодном соревновании среди аскеров Фархаду, независимо от того, что он был самым молодым, удалось выиграть все поединки. Кроме того, наиб дело свое построил так, что в случае чрезвычайных ситуаций, скажем, войны, каждый аскер обязан был

привести в войско по 10—15 человек — таким образом, правитель в течение одного-двух дней мог иметь под рукой более тысячи воинов.

Наиб, конечно, знал о негодяе Али и его братьях, скрывавшихся от народного возмездия в лесах и многочисленных горных пещерах в округе, ибо по его наущению и под его руководством совершали они спланированные разбойные нападения на большом караванном пути, грабили, главным образом, в еврейском селении Аба-Сово и в местах проживания иудеев, убивали тех, кто бдительно охранял нажитое долгим трудом. Собранный и выпестованный им отряд разбойников-гачагов состоял из тех мусульман, которые в разное время совершили у себя в селении преступление: убийство, разбой, изнасилование, кражу — и бежали от суда и наказания. Спасая преступников от справедливой кары со стороны власти, адата и шариата, наиб преследовал две цели: держал их под постоянным контролем и в то же время осуществлял свой коварный и жестокий план мести селению Аба-Сово. План состоял в том, чтобы создать здесь нервную обстановку, разброд и разногласия, чтобы люди не шли за старостой раби Шолумом как за пастухом, а наоборот, выступали против него и его семьи, чтобы те, не выдержав недовольства своих соплеменников, бросили их и ушли куда глаза глядят. Не хотел наиб присутствия у себя под боком раби Шолума и его сына Хануко, которые знали о нем, о позорном прошлом его семьи, не желал его роста и влияния. Он и Рустам-кади в этом были едины, а потому были едины и в своей ненависти.

Поэтому, угощая Хануко бен Шолума чаем, наиб в душе смеялся над его желанием не только

найти Али, но и напасть на след разбойников, грабивших жителей селения Аба-Сово. Его вновь поразили настырность, целенаправленность этого умного и хитрого человека. Однако, думал он, и на этот раз купец, придя к нему за помощью, просчитался. Взяв щедрое вознаграждение, он пообещал Хануко бен Шолуму поручить это дело своему новому аскеру, Фархаду. «Да, да, — смеялся наиб в душе, — держи карман шире, так я тебе Али и отдам...» Не знал и не ведал наиб того, что с самого начала инициатором установления истины в этой трагедии был именно Фархад. И потому в скором времени был удивлен тому, с каким рвением и умением Фархад взялся за исполнение его задания, приняв это за желание аскера должным образом выполнить первое поручение своего командира.

Фархаду удалось, не вызвав подозрений, ибо о том, что он стал аскером, многие не знали, установить, что восемь месяцев назад, поругавшись с женой и детьми по весьма прозаическому поводу — Али стал по вечерам бегать к соседней вдовушке, он был изгнан возмущенной женой из дома и после этого месяцев пять его не видели. Потом как-то глубокой ночью, тайком, он принес деньги и какие-то вещи, которые старший сын вынес на городской базар и продал. На вопрос, где он бывает, Али ответил, что устроился помощником к какому-то купцу и, мол, сейчас он должен немедленно уйти, чтобы догнать того в пути. И все. А словоохотливая соседка-вдовушка, угощая Фархада чаем с айвовым вареньем, хихикая, поведала, что совсем недавно Али заявился к ней ночью, тайком, весь обросший и худой, так что она его сразу даже не признала,

напросился к ней в постель и, не дождавшись утра, бесследно исчез. Она же обрисовала его более подробно.

Стал очевидным факт, что Али скрывается, но по какой причине — никто пока не знал.

Удалось Фархаду выйти на след еще одного беглеца из селения Камах, который год назад заколол кинжалом сельского шутника за то, что тот с ним неудачно пошутил, сравнив его с ослом. Убийцу этого звали Гасан. Всегда хмурый, злобный, он смотрел на людей исподлобья, неприветливо, словно все они были его должниками, а долг не возвращали. Тридцати лет от роду, жил он без семьи в полуразвалившемся доме, и многие не помнили, когда он появился в селе и откуда пришел. Лишь один старожил вспомнил, что прибежал он мальчишкой, много лет назад, откуда-то со стороны Азербайджана, изодранный, в кровоподтеках, так что на него было страшно смотреть. Сельчане тогда приютили его, одели, но нелюдимым он так и остался, не прижился. Старик сравнил его с маленькой раненой птицей, гнездо которой разрушили, и она теперь вспоминает и не может вспомнить, где оно было. Правда, лет пять назад он настойчиво добивался руки соседской девушки, но когда та пренебрегла им и вышла замуж за другого, он весь ушел в себя и перестал с кем бы то ни было разговаривать, сделавшись зверем среди людей.

Женщина, на которой Гасан хотел жениться, рассказала Фархаду, что он был добр к ней, да и другим зла не чинил, но эта доброта была какой-то грубой, неуклюжей, она не притягивала к нему людей, а, наоборот, отталкивала. Однажды он разоткровенничался с ней, поделившись, что пере-

жил тяжелую трагедию, но, не почувствовав взаимности, тут же ушел в свой панцирь, как испуганная черепаха. Она же поведала, что он был среднего роста, крепкий, с большим шрамом на лице, от которого выглядел еще более угрюмым.

— Таким образом, — докладывал Фархад наибу, — сообщником этого Али вполне может быть и этот Гасан...

Наиб внимательно выслушал молодого и ретивого аскера и поручил ему проследить и выявить этих двух якобы неизвестных ему людей, но в то же время предупредил, чтобы тот о каждом своем шаге ему докладывал и без его ведома, самостоятельно ничего не решал. Фархад принял это как особую заботу наиба о нем, был ему благодарен и решил во что бы то ни стало разобраться в этом все еще не до конца понятном ему деле, и поэтому покоя себе не давал.

Однажды рано утром, где-то в начале октября, будучи на развилке дорог на Хамайди, Зидьян и Камах, он повстречался с Рамбом и его сыном, которые направлялись в сторону фонтана Шах-Салах.

— Доброе утро! Куда путь держите? — поздоровался с ними Фархад, придержав коня.

— А, Фархад, здравствуй, сынок! Слышал и очень обрадовался, что Рустам-кади пригласил тебя в свою сотню, поздравляю!

Фархад спешил, и Рамбом с сыном пожали ему руку.

— Спасибо, дядя Рамбом!

— А мы в Аба-Сово идем, на помощь моему другу, убирать урожай винограда, — улыбаясь, говорил Рамбом, а потом они попрощались и продолжали свой путь.

— Желаю хорошего урожая! От меня салам передайте! И скажите дяде Авшалуму, что я не забыл... — многозначительно сказал Фархад и, вскочив на коня, двинулся в сторону селения Камах.

Оправившись после очередного горя, семья Авшалума в полном составе собралась на участке. Янтарные гроздья блестели под солнечными лучами, восхищая своей величиной и тяжестью. Последние двадцать дней все по очереди дежурили здесь, чтобы не допустить участившихся случаев воровства и проникновения на участок чужого скота, который мог причинить винограднику урон. Видно, Бог смилостивился над этой упавшей духом семьей, дав ей нынче хороший урожай.

Встретили Рамбома с сыном, как своих родных. Истир тут же подала каждому чаю и по куску чурека с сыром. Затем, благословив Бога, они приступили к уборке.

Не подвел и покупатель. На двух подводах он уже с утра завез четыре пустых открытых бочки, чтобы к концу рабочего дня, заполнив их виноградом, отвезти в город. Авшалум, осмотрев почти каждый виноградный куст, опытным глазом определил, что участок даст не менее 250 пудов винограда, что в полтора раза превышало урожай прошлых лет. Окрыленный перспективой, он пообещал покупателю отдать ему 200 пудов, если его надежды оправдаются. Тот, в свою очередь, сказал, что даст ему за это 80 пудов зерна и денег на приобретение лошади или саму лошадь. Кроме того, он привез из города почти полпуда сыра, два килограмма сахара и листового чая. Это была щедрая плата. В глубине души Авшалум лелеял надежду, что, продав в следующем году вино, он сможет собрать денег на свадьбу старшего сына.

Работа спорилась, каждый день подводы увозили по четыре полных бочки винограда, что составляло около 50 пудов. Спали прямо на участке, в ловко собранном Давидом и Юсуфом двухэтажном шалаше из камыша, в котором сыновья размещались внизу, а отцы, поскольку были весом легче, вверху. Лишь Истир каждый вечер уходила домой, чтобы приготовить им обед на день завтрашний.

К концу четвертого дня, заполнив бочки, Авшалум с облегчением вздохнул. Его надежды вполне оправдались, урожай даже превысил ожидания. Поэтому, договорившись с покупателем, который приезжал для окончательных расчетов, Авшалум попросил подвозчиков приехать и завтра, чтобы отвезти оставшийся виноград домой для приготовления вина, а полбочки доставить в Хамайди. Рамбом был польщен братской щедростью Авшалума, который в глубине души был убежден, что богатым урожаем он в немалой степени обязан именно Рамбому, его стараниям, недосыпаниям, благодаря которым виноградник получил необходимую живительную влагу.

Когда к вечеру следующего дня они все вместе вернулись домой, Авшалум не поверил своим глазам — во дворе стояла лошадь в сбруе, молодая, ладная, видно, привычная к хозяйским делам. Каждый подходил, гладил ее по холке, говорил ей ласковые речи. Было видно, что ее появлению все были бесконечно рады.

Разгрузив бочки, Авшалум одну пустую подводу отправил в город к хозяину, а второго подвозчика попросил отвезти в Хамайди полбочки винограда, а с ним вместе, чтобы он в дороге не заблудился, отправили Мушаила.

Зная о том, что мужчины скоро должны вернуться с уборки, Истир принесла с родника два больших кувшина воды, положила рядом таз с полотенцем и не забыла приготовить им вкусный ужин. И когда, вместе со всеми, Рамбом вошел в дом, она попросила его снять чулки, налила в таз воды и стала мыть ему ноги. Такое делалось в селениях в знак особого уважения к гостю.

— Спасибо, доченька, за внимание, — поблагодарил ее Рамбом, — дай Бог тебе счастья, родная!

Сев за стол, Авшалум произнес вечернюю молитву, а Истир стала проворно подавать дулму, зелень, чурек и вино для кадиша, вызвав восхищение присутствующих. Когда ужин уже шел к завершению, Рамбом стал рассказывать забавную историю про своих односельчан-единоверцев:

— Несколько лет назад собрались наши единоверцы в Хамайди на сельский сход с намерением построить синагогу, мол, слава Богу, камня и глины у нас хоть отбавляй. Построив стены, встали перед задачей, где взять бревна для крыши, — как вам известно, длинных и ровных бревен у нас не бывает. Как — где, решили хамайдинцы, бревна можно взять у мяшкюрцев в обмен на орехи. У нас кругом ореховые сады... Сказано — сделано: набрали подводу орехов, взяли мерку необходимых бревен, определили их количество и снарядили одного в Мюшкюр...

— А к кому, дядя Рамбом? — пряча улыбку, спрашивает Давид.

— Есть там некий Шенде, — тут же проявляет находчивость Рамбом, — живет он у самого леса и при нем семеро сыновей, богатыри, я вам скажу. Так вот, приехал наш уполномоченный, объяснил этому Шенде цель своего приезда и показывает

на воз грецкого ореха. Шенде просит его сесть за стол, отобедать с ним чем Бог послал, а сыновьям приказывает быстро изготовить необходимые гостю бревна. Только успели поесть, как появляется старший сын и сообщает отцу, что бревна готовы. Хамайдинец встает, благодарит хозяина за вкусный обед и в сопровождении хозяина выходит во двор. И что вы думаете? Действительно, бревна готовы и сложены на подводе. Наш хамайдинец еще раз пожал хозяину руку и тронулся в путь.

— Неужели не довез? — с удивлением спрашивает Юсуф, не веря в благополучное завершение этой истории.

— Почему же? Не только довез, — с еле заметной хитринкой в голосе отвечает Рамбом, — а уже на следующий день стали всем джамаатом покрывать строение, да вот беда: поставили бревно на одну стену — а до противоположной оно не достает; в общем, бревна были изготовлены короче необходимых размеров...

— Я так и знал, — живо подключается Юсуф, — ибо от мяшкюрцев можно ждать любой каверзы...

— Подожди, сынок, слушай дальше, — интригует Юсуфа Рамбом. — Встал вопрос, что делать дальше, и решили послать уполномоченного с бревнами в обратный путь. Приехал он опять к Шенде — так, мол, и так, случился казус. А Шенде даже глазом не моргнул, опять сажает гостя за стол, угощает чем Бог послал, а сам вызывает сыновей и... Короче, пошли сыновья исправлять ошибку. Через час заходят и докладывают, что бревна нужного размера готовы. Обрадованный хамайдинец выбегает во двор и видит такую картину: двое сыновей хозяина трут сухой бараньей

кожей края одного бревна и тянут его в разные стороны.

— Вот, смотри, дядя, — стал объяснять один из них хамайдинцу. — Это бревно и вон те три — они уже растянуты. Проверьте, они все длиннее и именно тех размеров, которые вам нужны, — и они стали показывать, как они терли бревно и как его растянули. Хамайдинец взял «тертое» бревно, сравнил с теми, которые он привез обратно, и убедился, что оно действительно нужного ему размера.

— Неужели поверил? — с недоверием переспросил Юсуф.

— А то как же? Ведь хамайдинец видел это своими глазами и не верить он, конечно, не мог, — уже с явной хитринкой ответил Рамбом. — Короче, привез он эти бревна домой и на следующий день стали накрывать ими крышу. Четыре бревна, которые были «удлинены» сыновьями Шенде, сразу подошли, а остальные бревна сельчане разобрали по домам, где-то нашли сухую баранью шерсть и стали тереть и тянуть и...

— И что же? — хором спросили Юсуф и Истир.

— Трут и тянут уже несколько лет...

Раздался дружный смех.

Завершив трапезу, все встали. Собрался уходить и Рамбом. Авшалум, обняв друга, тепло поблагодарил его:

— Спасибо тебе за все, да благословит тебя Бог! Чуть не забыл, — спохватился Авшалум, — завтра в обмен на виноград должны привезти зерно, хочу во вторник поехать на мельницу Исога в Мюшкюр, тебе не по пути, а то могу подвезти?

— Нет, друг мой, спасибо. Я был там неделю назад... — Рамбом пожал Авшалуму руку и хотел бы-

ло шагнуть за ворота, но остановился. — Ты возьми с собой кого-нибудь из сыновей, говорят, неспокойно сейчас в Мюшкюрских лесах...

— Что ты, Рамбом, — удивился Авшалум, — с каких это пор мы стали бояться ездить на мельницу? Не впервой...

— Все же... береженного Бог бережет, — опустив в задумчивости голову, заключил Рамбом и пошел к выходу. — Да сохрани вас Бог!

Предчувствие! Что это, — интуиция, внутреннее побуждение или какой-то симбиоз разума и чувств, которые, забыв о своих вечных спорах, сливаются вдруг в один голос, предупреждая о предстоящих переменах?

Ночь была светлая, словно в небе сверкали не звезды и луна, а разбросанные на светло-голубой парче большие блестящие алмазы. Рамбом шел домой, полный светлых ожиданий и радужных надежд. Был момент, когда он корил себя за то, что не поговорил с Авшалумом по поводу Истир, а потом успокоился, решив, что впереди еще будет немало встреч и разговоров. И вдруг хрупкую ночную тишину прервал протяжный шакалий вой, и Рамбом ускорил шаг...

Глава 5

После трех недель относительного спокойствия, вопреки утверждению Рустам-кади, в его владениях снова появились шакалы, словно вся эта свора, обозленная недавним убийством, решила свести счеты с людьми, так или иначе причастными к лишению жизни их вожака. Как всегда, они начали свои хищнические, воровские походы с Аба-Сово, а потом уже, чтобы не «обидеть» остальных, стали наведываться в соседние селения: Нукол, Мугарты, Хамайди, Бильгади и Зидьян — именно в те, в которых помимо мусульман жили и иудеи.

Среди нескольких пострадавших оказалась и семья старика Шумина, жена которого, старая Неспет, обнаружив пропажу всей своей живности, начала так убиваться, громко плакать и причитать, что вызвала в селении всеобщее волнение. Получив накануне праздника Ханука подарки от купца Хануко бен Шолума — дюжину кур, петуха, по мешку пшеницы и муки, — старики надеялись до весны как-нибудь продержаться, выдюжить эти зимние месяцы. Теперь же, обнаружив кражу, старик Шумин чуть не потерял сознание, а старая, больная Неспет, вдоволь накричавшись, упала без чувств. Три их маленьких внука, от четырех до восьми лет, вначале растерялись и стали тоже плакать, однако потом, увидев

распластанную на земле бабушку, кинулись к соседям просить о помощи.

Ковхо долго и терпеливо убеждал расстроенных сельчан, что это не какие-то небесные силы, не джинны и альбисы, а возможно, самые что ни на есть четвероногие звери, которые, как обычно, к зиме еще больше свирепеют, и, мол, к их поимке и уничтожению уже принимаются необходимые меры.

Через некоторое время стали известны случаи разбоя и в других селениях: Хамайди, Нуколе и Зидьяне. В Зидьяне, например, не только унесли двух овец, но сбили с ног и растерзали установленное рядом с овчарней чучело, приняв его за хозяина.

Если раньше шакалы оставляли хотя бы какой-то след, на этот раз следов не было вообще, словно в курятниках и овчарнях бесчинствовали не хищные звери, а некие огромные летающие живоглоты, которые проглатывали добычу и улетали неизвестно куда.

Естественно, события последних дней не могли оставить равнодушным не только ковхо, но и его сына Хануко бен Шолума, который своей обширной благотворительной и общественной деятельностью в защиту единоверцев снискал себе доброе имя и всеобщее уважение. Нельзя сказать, что в жизни евреев в окружении иноверцев совсем не было трений, что все шло гладко, как говорится, без сучка без задоринки. Что говорить, если и внутри одной семьи бывают ссоры и разногласия. Все же такие моменты были случайными, эпизодическими, ибо будучи, в основном, крестьянами, и те и другие жили в дружбе и согласии.

Однако раздумья о недавних происшествиях, а также и история, рассказанная Фархадом, при-

глашенным по совету сыновей Авшалума, Давида и Юсуфа, к которым купец питал, можно сказать, отцовские чувства, все больше наводили его на мысль, что в прошлом его народа трагедии происходили тоже по вине не многих людей, а лишь одного хункора, честолюбивого тирана, которому вдруг приходила в голову какая-нибудь дикая мысль. И в данном случае, думал он, все эти события — звенья одной цепи, питаются из одного источника, который надо обнаружить и обезвредить.

Хануко бен Шолум понимал, что хотя Рустам-кади, как и всякий завистливый человек, не питает к нему, как говорится, нежных чувств, все же он не заинтересован чинить ни ему лично, ни его народу, живущему в его владениях, препятствий, а тем более вредить. Ибо, как человек неглупый, он не может рубить сук, на котором сидит. Правителю лучше, чем кому-либо, было известно, что жители Аба-Сово, да и других сел, в том числе и иудеи, исправно платили ему дань, активно принимали участие в жатве его хлебов, в сенокосении, в уборке плодов и винограда, а сам Хануко бен Шолум из своих накоплений не раз и не два оказывал ему не только материальную поддержку, но, пользуясь уважением среди других ханов и шамхалов Дагестана, а также поддержкой своего друга русского генерала Савельева, восхвалял и принимал его, Рустам-кади, сторону, когда решались какие-либо важные вопросы. Поэтому купец решил поехать к правителю и обо всем с ним поговорить.

Хануко бен Шолум, выше среднего роста, стройный и широкоплечий, был не робкого десятка, еще в юношеские годы он в единоборстве

одолеел набросившегося на него волка и придушил зверя голыми руками. Мужественный, можно сказать, бесстрашный, он и сейчас, в зрелом возрасте, несмотря на род своих занятий, в критическую минуту мог постоять и за себя, и за своих близких.

Рустам-кади принял купца, не вставая с места, нехотя расспросил о житье-бытье, кисло выразил купцу благодарность за его последний щедрый дар. Хануко бен Шолум сделал вид, что ничего этого не заметил, в свою очередь, поинтересовался делами правителя, состоянием его здоровья и самочувствием его близких, новыми известиями, а потом поведал о событиях, ввергнувших в состояние шока его единоверцев.

— У моих односельчан сложилось мнение, что это не шакалы, правитель, — рассказывал купец, — а какая-то шакалья порода, которая днем похожа на людей, а ночью, облачаясь в тогу шакала, совершает злодеяния, грабит порой немощных, обездоленных, оставляя их без средств к существованию... Люди просят вас защитить их...

— Вполне возможно... но надо и самим не зевать... — произнес Рустам-кади в задумчивости, а сам вспомнил, как в последний раз, услышав о дерзких нападениях на Аба-Сово, хвалил наиба за это. — Я предупрежу наиба, уважаемый, — пообещал правитель.

— У меня создалось впечатление, правитель, что в наших лесах, а может быть, и в горных пещерах, прячутся несколько негодяев, которые не только совершают неожиданные дерзкие нападения на проезжих людей, отбирая деньги, оружие и вещи, но не гнушаются и постыдным обворовы-

ванием жителей соседних сел, — продолжал купец гнуть свою линию, не обращая внимания на желание правителя завершить разговор. — Вот недавно я возвращался с российскими купцами из Шемахи, и в районе Дерей-гуш, там, где должны быть ваши аскеры, правитель, на нас напали какие-то разбойники...

— Дерей-гуш? — нарочно переспросил правитель.

— Да, уважаемый владетель, — подтвердил Хануко бен Шолум. — Нас было трое: я с российским купцом и наш охранник. Уверенные в своей безопасности в этом районе, мы оторвались от основной группы и поехали вперед, как вдруг услышали топот копыт и увидели троих всадников с обнаженными саблями. Одного убил охранник, а второй и третий, раненый, скрылись...

— Даже так? — притворно удивился правитель и снова вспомнил о донесении нукеров об этом инциденте. Да, он знал о случае нападения на купца Хануко бен Шолума и очень огорчился неудачей. Рустам-кади не мог смириться с мыслью, что Хануко бен Шолум пользовался огромным влиянием и мог через его голову решить любой вопрос, хотя к этому прибег лишь однажды, когда на Аба-Сово вдруг обрушилась какая-то эпидемия, а правитель, несмотря на неоднократные просьбы ковхо и его сына, не принимал никаких мер. Тогда Хануко бен Шолум привез из города группу врачей и лекарей, которые в короткое время спасли селение от почти полного вымирания. «Надо же, опять ему сопутствует удача», — с недовольством думал Рустам-кади, вспомнив случай в прошлом году, когда к купцу в гости приезжали его друзья уцмий Кайтага Рустам-хан и шам-

хал тарковский Магомед-хан и они все вместе организовали скачки. По его указанию тогда один из его нукеров тайно подрезал на три четверти подпругу коня хозяина, и Хануко бен Шолум, упав на всем скаку, мог свернуть шею, если бы не его ошеломительная реакция и виртуозный скачок с лошади, восхитивший его друзей. Рустам-кади не знал и не догадывался о том, что Хануко бен Шолум, сделав вид, что не придал случившемуся особого значения, все же затем скрупулезно изучил все обстоятельства этого происшествия и сделал для себя соответствующие выводы не в пользу Рустам-кади.

— Как же это могло произойти? — спрашивал Рустам-кади наиба на следующий день. — Такие операции надо планировать основательно, ошибаться нельзя, Мухтар...

— Все было обдумано до мелочей, — отвечал удрученный наиб, — надо полагать, что они не ожидали такой быстрой реакции этого негодяя купца, его готовности ко всяким неожиданностям, но я этому выскочке все равно устрою... — угрожающе закончил он, — будет случай...

— Смотри, не переусердствуй, нам скандалы ни к чему, Мухтар. Наши враги и так норовят поставить нам палки в колеса, — в задумчивости проговорил Рустам-кади, — на нас подозрение ложиться не должно, ни при каких обстоятельствах, понял?

— Да, правитель, я все это учту, — ответил наиб, ободренный последними словами Рустам-кади.

— Еще вот что, — вспомнил вдруг Рустам-кади, — недавно проездом был у меня нарочный от главнокомандующего, ожидается проезд русских купцов, так что обеспечить им охрану...

— Я, конечно, сделаю все, — заверил правителя наиб, — но ты же знаешь, за всеми не уследишь...

— Прекрати эти разговоры! — рассердился Рустам-кади. — Делай то, что я тебе говорю, и никакой самодеятельности!

— Хорошо, правитель, — заверил его наиб, а про себя подумал, что надо бы попридержать гачагов, уж больно они ретивыми стали в последнее время, выходят из-под контроля, это все «косой», главарь... «Пора сворачивать ему и его заместителю шею, — пришла ему на ум дикая мысль, — а не то, пойманные на месте, как говорится, с поличным, они выдадут себя и меня за компанию...»

— Я понимаю, что это из ряда вон выходящий случай, — продолжалал Рустам-кади разговор с Хануко бен Шолумом, — но в жизни всякое случается, и это не должно стать достоянием гласности, — правитель дал понять своему гостю, что знает о его больших связях в кругах высокопоставленных русских чиновников. — Надеюсь, вы сказали русскому купцу, чтобы он не особенно распространялся об этом неприятном случае?..

— Да, конечно, правитель, разумеется, я это сделал, но вы же знаете, люди есть люди... — Хануко бен Шолум все-таки инициативу оставил за собой...

«Хитрый, негодяй, — подумал о нем правитель, — последнее слово все же оставил за собой...»

Покинув правителя, Хануко бен Шолум решил навестить и наиба Мухтара, который уже был осведомлен о его посещении Рустам-кади. Наиб понимал, что купец не оставит без внимания нападение, которое, с его молчаливого согласия, совершили «лесные братья» в ту ночь, когда он

снял охрану в ущелье Дерей-гуш. Но наиб никак не ожидал, что так удачно спланированная операция сорвется и дело примет такой оборот, что купец предпримет собственные шаги по разоблачению разбойников. Раз опыт вышел боком, решил наиб, то надо будет немедленно уничтожить главарей «лесных братьев» и лучше всего привлечь к этому делу смельчака Фархада, который служит ревностно и с умением. Он даже наметил план их поимки и уничтожения. Завтра во время встречи с главарем бандитов, подумал он, прикажу ему, чтобы пришел сюда вместе со своим заместителем, а Фархаду дам человек пять аскеров, вооружу их пистолетами и ненавязчиво направлю на место этой встречи, и там они запросто прикончат бандитов... План, конечно, был жестоким, но другого выхода наиб для себя не видел. Однако у этого плана была и положительная сторона, ибо его выполнение обрадует население, и оно решит, что наиб свое слово держать умеет. Правда, при этом он лишится некоторых доходов, но что делать, иногда надо идти и на жертвы... А если при этом погибнет и какой-нибудь аскер, — что ж, тем больше значимость этой операции...

Что касается остальных бандитов, наиб решил потом через своего осведомителя собрать их всех вместе и разработать дальнейший план действий.

Хануко бен Шолума наиб встретил подчеркнуто радушно.

— А, эфенди, салам, уважаемый! Рад вас видеть, какими судьбами? — эту тираду наиб произнес захлеб, словно встретил самого дорогого человека.

Однако от Хануко бен Шолума не ускользнули ни холодный взгляд, ни ледяная улыбка хозяина. «А, значит, знает о моем посещении правителя, недоволен этим, почему? Может быть, все случившееся — дело рук этого негодяя? Неужели вопреки правителю?..» А вслух ответил:

— Здравствуй, наиб, здравствуй! Все жду, когда ты выполнишь свое обещание...

— В самое ближайшее время, эфенди! — уверенно ответил наиб. — Мои люди кое-что узнали, в скором времени мы очистим владения нашего правителя от этой нечисти...

— Верю, уважаемый наиб, все в ваших руках, — льстил Хануко бен Шолум, — если вы захотите, у нас не будет ни воровства, ни убийств, не было же раньше...

«Ишь куда гнет, хитрец, — думал между тем наиб, — не выйдет, меня на мякине не проведешь... Не может простить мне этого неудачного нападения... И жаль, что не удалось...» А вслух ответил:

— Что вы, эфенди, что вы? Все в руках Аллаха!

Тем временем принесли чай, и хозяин стал любезно угощать гостя.

— Вы знаете, эфенди, когда мне доложили, что у Дерей-гуш на вас было совершено нападение, я был крайне взбешен...

«А, клюнуло, чует кошка, чье мясо съела...» — подумал купец, а вслух сказал:

— Я понимаю, наиб, там должна была быть охрана... Кстати, а почему ее не было?

«Значит, уже все разузнал, — подумал наиб, — надо быть начеку, этому палец в рот не клади...»

— Охранники заснули... негодяи, — запальчиво объяснялся наиб, — но, услышав выстрелы, побе-

жали к месту происшествия, нашли труп и опознали его...

— И кто же он?

— Бандит из селения Пенждии, головорез, мало того, что он несколько лет назад убил в селении своего соседа, так теперь здесь разбойничал... В свое время его искали, чтобы джамаатским судом решить его судьбу, однако тогда он сбежал, негодяй... Ничего, Аллах сам распорядился...

«Ах, ах... блюститель закона... разговорился, расхвалился... — подумал купец, — а ведь его людей ни до, ни после выстрелов и в помине не было. Что он хочет доказать, — что это случайность, мол, с кем не бывает, заснули, утомились, — а не спланированная акция? Если так, то почему он старается в этом меня убедить?..»

— Да, уважаемый наиб, вы правы, собаке — собачья смерть! — подытожил купец и неожиданно спросил: — Но меня все же интересует, чем кончились поиски предполагаемых убийц Илову?

Задавая этот вопрос, Хануко бен Шолум знал о том, что раскрытие этого дела наиб поручил Фархаду, парню смышленому, но неопытному. Однако вопреки ожиданиям наиба, Фархад проявил незаурядные способности сыщика и за короткое время установил не только личности предполагаемых убийц, но и причины, побудившие их покинуть свои села, род их занятий в настоящее время и даже тайник, где их можно было выследить и поймать. «Но, — рассказывал купцу Фархад во время их последней встречи, — каждый раз после моего доклада наибу Мухтару преступники исчезали, словно их кто-то предупреждал... Не знаю даже, что и подумать...» Поэтому Хануко бен Шолум ждал от наиба, если и неполного ответа на

свой вопрос, ибо был убежден, что он обойдет его, но хотя бы намек на его намерения, на ход его мыслей. Да и не ответить на этот вопрос, считал купец, наиб не может, ибо получил от меня денежное вознаграждение...

Прежде чем ответить на каверзный вопрос купца, наиб задумался. Да, главарей шайки он, конечно, уберет, ибо «лесные братья» под их руководством совсем вышли из-под контроля, могут натворить, таким образом, бед на свою, а самое главное — на его голову. Кроме того, они сорвали план уничтожения этого, сидящего сейчас перед ним, негодяя, который может обрушить на него, наиба, еще больше беды. Надо быть осторожным. А потом, если поможет Аллах, собрать бандитов и дать им новое задание.

— Это дело, эфенди, я поручил хорошему, умному парню, Фархаду из Джалгана, — ответил наиб. — Он провел отличное расследование и, по существу, выявил двух подозреваемых, но когда мои люди пошли к их тайнику, почему-то их там не оказалось, они скрылись, словно их и не было.

— Может быть, их кто-то предупредил, наиб? — неожиданно, чтобы застать его врасплох, спросил купец и посмотрел ему прямо в глаза.

Наиб вначале замешкался с ответом, малость растерялся, отвел вороватый взгляд в сторону, а потом, подумав, ответил:

— Нет, нет, эфенди, это исключается, может, это интуиция, у них сейчас, как у зверей, развился нюх на опасность... А может быть, им удалось каким-то образом узнать о том, что о них расспрашивали родственников, соседей... все может быть... но вы не беспокойтесь, эфенди, всех их выловим, воровство и грабеж прекратятся...

«Хитер, подлец, — подумал Хануко бен Шолум, — выкрутился, но ведь, кроме него самого, Фархад никому о тайнике не говорил... Подождем немного, посмотрим, как он выполнит свое обещание».

— Что ж, будем надеяться, что народу не придется жаловаться и обращаться за помощью к русскому командованию, — вслух заключил купец, встал и хотел было направиться к выходу, как вдруг услышал за спиной скрежет зубов наиба.

Сперва наиб весь напрягся, словно ему дали пощечину, лицо его налилось кровью, но, сдерживая свой гнев, взяв себя в кулак, он спокойно произнес:

— А ты меня не пугай, купец, слава Аллаху, здесь власть наша, а не русских... Думаю, мы сами в силах справиться со своими трудностями...

— На это и надеемся, наиб, — согласно сказал Хануко бен Шолум и покинул взбешенного наиба.

Однако жизнь распорядилась по-своему, — как говорят, мы предполагаем, а Бог располагает. У жителя селения Зидьян, многодетного Гуршума украли козу. Все бы ничего, если бы люди все больше не сходились к мнению, что между кражами живого мяса и исчезновением из сел кого-нибудь из их жителей есть взаимосвязь. Долгое время в это не верили, считали совпадением, стечением обстоятельств, но когда стали анализировать и сопоставлять каждый случай, пришли к убеждению, что такая взаимосвязь не выдумка, не плод больного воображения, а реальность. И больше всех в это поверил Гуршум, который после кражи козы обследовал вокруг своего дома каждый дюйм, но кроме человеческих следов ничего другого не нашел. Гуршум посчитал, что ко-

зу, которую он держал, чтобы поить больную дочь козьим молоком, мог украсть только тот, кто от долгого пребывания на холоде заболел сам и нуждается в этом молоке, а этим заболевшим, решил обиженный родитель, мог быть только «лесной» негодяй, ибо постоянно находится на холоде. Никому ничего не сказав о своих подозрениях, Гуршум стал днем спать, а ночью ждать прихода «лесного» грабителя и за другой живностью. И дождался, на четвертую ночь задумка его удалась. В тот момент, когда «двуногий шакал» залез в курятник, Гуршум неожиданно ударил его дубинкой по голове и связал его, потерявшего сознание. Им оказался Гасан из Камаха, тот самый, жизнью раненый в детстве нелюдим, который несколько месяцев назад ни за что, за пустяк убил своего односельчанина.

Весть эта ошеломила всех, особенно наиба Мухтара, который испугался не на шутку, когда в его присутствии к Рустам-кади приехал ковхо, раби Шолум, с просьбой разрешить устроить этому вору и убийце джамаатский суд в селении Аба-Сово, поскольку большинство пострадавших от руки этого негодяя жили в этом селении.

«Вот дурак, — крыл Гасана в душе наиб, — надо же так влипнуть, как кур во щи. Предупреждал же, что народ обозлен, в эти дни не лезьте, не суйте нос, иначе останетесь без него, так нет... И у кого забрали? У несчастного старика... Нет, оставлять без внимания это дело нельзя, если приставят кинжал к горлу, все скажет и меня выдаст...» От этих мыслей наиба прошиб холодный пот.

— Да, уважаемый ковхо, пожалуйста, вершите праведный суд над этим болваном, — разрешил

Рустам-кади, — ваши люди поймали его, — правитель вопросительно посмотрел в сторону Мухтара, — вам и решать его судьбу...

«Назвал-то как? — подумал ковхо. — Не убийца, не вор и грабитель, а, мол, «болван», дурачок, а с такого и спрос не велик... Не-е-ет, уважаемый, он понесет наказание за все: за убийство ни в чем не повинного человека, за сирот, оставленных без средств к существованию, за грабеж и воровство, мы его жалеть не будем, как он не жалел всех нас...»

— Спасибо, уважаемый правитель, я не сомневался в вашем согласии, — ответил ковхо, отвлекшись от своих невеселых дум. — Если есть желание, в суде может принять участие и уважаемый наиб Мухтар... — эту фразу ковхо произнес по просьбе сына, с которым накануне был длительный разговор, в котором Хануко бен Шолум рассказал отцу о своей беседе с наибом и о том, что сам наиб вызывает подозрения.

Наиб изменился в лице, но своего волнения не выдал. «Думаете, вы меня взяли за горло? — думал он между тем. — Нет, не так просто это сделать, ковхо, мы еще поборемся... А этому охмаху я не дам возможности выдать себя, я знаю, как это сделать... аскеры приведут его ко мне после суда, а по дороге, мол, хотел сбежать, пришлось пристрелить... Гасан же этот, когда узнает о том, что его приведут ко мне, будет на что-то надеяться, не скажет обо мне на суде ни слова... вот так-то...» А вслух сказал:

— Хорошо, уважаемый ковхо, спасибо за приглашение, я, пожалуй, пошлю к вам группу аскеров во главе с Фархадом, он как раз и занимался его поиском...

— Что ж, пусть будет так. Всего вам доброго, уважаемые! — ковхо поблагодарил правителя и его наиба, однако не успел сделать и шага к выходу, как правитель Рустам-кади, улыбаясь, неожиданно заметил:

— Я же вам говорил, уважаемый ковхо, что в наших владениях, кроме одного-двух, больше шакалов нет, а вы мне тогда не поверили...

Раби Шолум, выслушав его шутку, ничего не ответил, лишь кивком головы снова попрощался и покинул дом правителя.

— А ведь не простой старик, а?.. — обратился правитель к наибу. — Вот у кого нам надо учиться и терпению, и неторопливости, и мудрости, и умению в нужном месте сказать нужное слово...

Наиб Мухтар промолчал. Он снова думал свою нелегкую думу о том, как, не опозорив себя, выйти из дерьма, в которое попал.

— Они же и опасны, мой друг! — вывел его из задумчивости правитель. — А потому нам от этой заразы надо избавиться незамедлительно. Нелегкие времена нас ждут впереди, Мухтар, надо искать выход...

— Я понял, правитель, — ответил наиб, выслушав Рустам-кади. — Можно заняться делами?

— Иди и помни то, о чем я тебе сейчас сказал, — напутствовал его правитель.

Наиб торопился домой, ему надо было дать некоторые распоряжения и вызвать к себе Фархада. Проявляя усердие, этот парень все же не всегда поступал так, как хотел бы наиб, поэтому, считал он, прежде чем поручить ему участие в суде, надо будет с ним еще раз как следует поговорить, прощупать его намерения, не выдав при этом своих истинных желаний.

— Я тобой доволен, Фархад, — начал наиб закидывать удочку, — хочу назначить тебя главой десятки наших аскеров...

— Спасибо, уважаемый наиб, я и без этого благодарен вам, — ответил Фархад.

— Не скрою, мне этого мало, я хочу не только твоей поддержки, но и доверия... — наиб, взглянув парню в глаза, остался доволен.

— Я вам предан, наиб! — горячо заверил его Фархад, а про себя подумал: «Чего же все-таки ты хочешь?»

— Что ж, это меня устраивает, и я тебе всегда буду опорой и поддержкой, — улыбнулся довольный началом разговора наиб. — Как я понимаю, у нас это взаимно?

— Конечно, уважаемый наиб...

— В таком случае, слушай меня внимательно... Завтра в Аба-Сово состоится джамаатский суд над этим... Гасаном из Камаха...

— Да, я знаю об этом. Вчера, в полночь, после поимки, я с ним беседовал...

— И что он сказал? — сразу встрепнулся наиб.

— Что убил односельчанина — подтвердил, — не уловив испуга в голосе наиба, отвечал Фархад, — что воровал баранов, кур и прочее — тоже не отрицал, но категорически утверждал, что никакого Али не знает, Илову не видел и не убивал...

— И больше ничего? — как бы из любопытства спросил наиб.

— Нет, ничего особенного... — ответил Фархад и как бы мимоходом заметил: — Правда, мне одному сказал, что ему покровительствует какой-то влиятельный человек, — решил схитрить Фархад, вспомнив о провале задуманной им операции по поимке преступников.

— А имя этого человека он назвал? — насторожился наиб, не выдав при этом своего волнения.

«Ах вот как, — подумал Фархад, — испугался наш наиб, неужто этот Гасан его и имел в виду? Неужели он тогда их предупредил? Нет, не может этого быть, это нелепо», — окончательно прервал он свои раздумья.

— Нет, не назвал, да я и не стремился сразу его сломать, придет время — назовет, нам-то скажет, заставим... — усмехнулся Фархад и лукаво взглянул на наиба.

— Правильно, нам скажет, когда после суда ты приведешь его ко мне, — похвалил его наиб, как бы мимоходом намекнув о дальнейших действиях.

— Как? — не сразу понял Фархад. — Вы хотите меня направить на этот суд?

— Да, мой друг, — дружески обняв Фархада за плечи, подтвердил наиб, — ты со своей десяткой завтра примешь участие в этом суде. Вопросов ему там не задавай и своим аскерам запрети, а вот после суда, когда будет вынесен приговор джамаата, ты, как обычно делается, приведешь его ко мне на исполнение приговора, здесь мы его и попотрошим, выведем все, что он скрывает... Ты все понял?

— Да, уважаемый наиб, все сделаю, как вы велели, — заверил его Фархад и собрался уходить.

— Подожди, — остановил его наиб, — я представляю тебя десятке, они здесь, рядом, — он открыл дверь и приказал охране: — Позовите аскеров, которые ждут во дворе!

Аскеры быстро поднялись на веранду и выстроились в ряд.

— Я представляю главу вашей десятки, Фархада, не смотрите, что он молод, человек он смелый и весьмамышленный, всем понятно?

— Да, уважаемый наиб! — ответили аскеры хором.

— Ну, тогда идите вниз, а он сейчас придет к вам! — приказал наиб, и аскеры ушли во двор.

— От того, как ты выполнишь это задание, Фархад, будет зависеть и другое дело, которое я в скором времени тебе поручу...

— Я буду стараться, уважаемый наиб, — ответил Фархад.

— Ну, иди, да будет с тобой Аллах!

Декабрь выдался холодный, по утрам на уже пожухлую травку ложилась серебристая изморозь. Суглинистая земля затвердела, будто ее сковали и лишили внутреннего движения. Для проведения джамаатского суда выбрали старый полусгоревший хлев, который, при всем желании, не мог вместить собравшийся люд. Пришли не только единовѣрцы из разных сел, но и немало иноверцев. И, конечно, на суд явились и согнувшиеся от горя родители убитого Гасаном парня. Окруженный толпой, в центре стоял на коленях связанный по рукам и ногам преступник — худой, изможденный, бледный, с болезненной синевой под глазами, будто старый больной человек. Взъерошенные, с проседью волосы и дикий, звериный взгляд его невольно напоминали пойманного в капкан уставшего от жизни волка. Глядя на хилое, слабосильное тело убийцы, трудно было представить, что ему едва исполнилось тридцать лет.

Рядом с ковхо были Хануко бен Шолум, Фархад и его аскеры.

— Уважаемый джамаат, — начал суд раби Шолум, — перед вами человек, который своими преступлениями перед Богом и людьми снискал себе худую славу. Никто и никогда не видел на его ли-

це улыбку, ненависть ко всему живому начисто лишила его радости труда, ибо он не любил землю и всякий труд для себя считал постыдным, не ведал радости детского лепета и не выносил детского плача, не любил и не был любим. В тридцать лет он погубил невинную душу, наполнив горечью невосполнимой утраты сердца ее убитых горем отца и матери, крал и грабил у людей последнее, детей, женщин и стариков лишал насущного. Есть ли еще какое злодеяние, которое было бы хуже и постыднее?

— Не-е-ет! — хором ответили собравшиеся.

— А теперь говорите и спрашивайте преступника, а потом произнесите приговор.

— Скажи, Гасан, за что ты убил своего товарища? — спросил молодой человек, видно, хорошо знавший преступника.

— Он оскорбил меня, а я никому не позволю себя оскорблять! — выкрикнул преступник, в котором, кроме голоса, не осталось, по существу, ничего живого.

— Какое же оскорбление он тебе нанес? — допытывался молодой человек.

— Это не твое собачье дело! — снова выкрикнул злодей и с ненавистью взглянул на задавшего вопрос.

— А я скажу, в чем дело. Убитый в шутку назвал его дурачком... вот и все, и за это он убил человека... а потом сбежал, как последний трус... — парень сперва умолк, затем внятно произнес: — Смерть ему! Нет ему прощенья!

К виновному подошел Гуршум и поднял за подбородок его опущенную голову.

— Смотри на меня, сукин сын, и отвечай! Помнишь, весной этого года, до твоего трусливого

бегства, ты, будучи по непонятно каким причинам в нашем селе, проходил мимо моего дома, а я сидел на завалинке? Тебе стало плохо или ты прикинулся больным, я же, не зная, кто ты и откуда, помог тебе сесть и спросил, чем помочь, когда же узнал, что у тебя болит горло, побежал в дом и принес тебе теплого молока.

«Что это?» — спросил ты.

«Козье молоко, — ответил я и добавил: — Дочка у меня болеет, я пою ее этим молоком».

— А ты, негодяй, — продолжал Гуршум, — украл у больного ребенка и козу, и ее молоко. Как ты думаешь, можно тебя считать после всего этого человеком? Молчишь? Я за тебя отвечаю: нет, ты — не человек, ибо ты — зверь, а потому тебе не место среди людей — вот мой приговор!

Опираясь на палку, с трудом передвигаясь, к злодею подошел сухонький и сгорбленный старик Ахмед — отец убитого молодого человека.

— Помнится, больше двадцати лет тому назад он, — старик трясущейся рукой показал на убийцу своего сына, — оборвышем, в испачканной кровью одежде, весь в ранах и синяках, словно избитая собачонка, прибежал откуда-то в наше село. На вопросы, откуда он и что с ним случилось, не отвечал, зверем смотрел на всех, как будто был зол на весь людской род. Мы его всем селом приютили, помыли, одели, вылечили от ран, но от главной его раны, от тайной боли, видно, так и не смогли вылечить. От тепла, которым мы окружили этого мальчика, мог растаять лед, а вот он с годами из маленького зверенка, на беду нам, вырос в хищного двуногого зверя. Большую часть своей жизни он рос у меня, а когда стал взрослым, мы ему отдали наш старый

хлев, чтобы он его сам отремонтировал и жил. И что вы думаете? Он и рукой ни к чему не притронулся, мы же, что могли, сделали сами. Вместо этого он несколько раз покидал селение, иногда надолго. Куда уходил, где прятался, что делал — никому неизвестно. Но каждый раз он возвращался весь изодранный, словно был на войне, еще больше обозленный на мир, с такой лютой ненавистью в свирепых глазах, что на него без содрогания нельзя было смотреть. В такие дни он был похож на спрятавшуюся в конуру собаку, которая, скуля, зализывает свои раны. Через некоторое время я краем уха услышал, что ему понравилась наша соседка, а та его сторонилась. Я поговорил с ней, выяснил, в чем дело. Оказалось, что она вначале тоже была к нему равнодушна, но очень боялась его из-за того, что он никогда не улыбнется, смотрит на всех зверем, а однажды прямо заявил ей, что если не выйдет за него замуж, убьет ее. Теперь, после того, как он у...убил... — старик судорожно сглотнул, нервно кашлянул и продолжал, — мою надежду, моего единственного сына, я понял, что девушка эта боялась не напрасно. Уважаемый джамаат! В жизни всякое бывает, бывают и случайные, непреднамеренные убийства. Если бы так, я бы простил его. Но этот злодей убил намеренно, и если я прощу его, Аллах не простит. Я же не хочу гневить Аллаха. Смерть ему — это мой приговор! — старый Ахмед как-то выпрямился, отвернулся от преступника, словно от нечисти, и отошел в сторону.

— Ответь, Гасан, — вдруг вышел в центр Давид, — за что вы вместе с Али убили моего брата, Илову? Хотя бы перед смертью скажи правду!

Преступник поднял голову, посмотрел на Давида свирепым взглядом и, с трудом произнося слова, ответил:

— Я не знаю, кто такой Али, и вашего брата я не убивал! Да, все, что здесь говорили до тебя, правда, но того, что я не делал, признать не могу и не хочу! Веришь или нет— это твое дело, но больше я тебе не отвечу ни слова... — он умолк, отвернувшись от Давида, словно его и не было.

— Есть ли еще кто-нибудь, кто хотел бы высказаться? — раби Шолум взглядом и жестом пригласил желающих выйти в центр.

— Разреши, ковхо, сказать и мне свое мнение, — в центр вышел старый мугартынец, известный как человек мудрый, с большим жизненным опытом. — Уважаемый джамаат! В одном лесу собрались звери выбирать себе главаря. Начался спор. Одни предлагали слона, потому что он большой, другие лису — за хитрость, третьи льва — за силу, четвертые тигра — за ловкость и отвагу. Спорили до хрипоты, а к единому мнению придти не могли. Тем временем, в поисках куска мяса по лесу рыскал шакал. Залез в один курятник — схватил и съел курицу, потом забрался в другой — ограбил. Так он, переходя из одного места в другое, неожиданно забрел в красильню. Не сознавая, что делает, он залез в чан с красной краской, потом в другой — с желтой, в третий — с синей, в четвертый — с зеленой, таким образом, перекрасился в разные цвета и побежал в лес. И оказался там, где звери выбирали главаря. Взглянув на шакала, звери ахнули от удивления, ибо такого разноцветного собрата они никогда не видели, для них это было в диковинку, и они в один голос избрали шакала своим главарем. А шакал,

думая о своем шакальем куске мяса, забыв о своих новых обязанностях, кинулся снова в лес. Так вот, уважаемый джамаат, этот убийца, как и тот шакал, неисправим, поэтому ему одна дорога — в ад. Таков мой приговор!

Раби Шолум повернулся к Фархаду и шепотом спросил его:

— Ты говорить будешь, Фархад?

— Нет, уважаемый ковхо, мне нечего добавить...

— А твои аскеры?

— Они тоже говорить не будут...

— Может быть, так надо, сынок, ведь все равно вы отведете его на казнь?..

— Да, таков порядок... — ответил Фархад.

Тогда раби Шолум снова обратился к собравшимся:

— Уважаемый джамаат! По единодушному мнению аксакалов, преступнику вынесен приговор по высшей мере судебной кары — смертная казнь! Кроме того, на его могилу не разрешается ставить могильный камень памяти. Так издревле народы Дагестана наказывают разбойников, чтобы вместе с телом его исчезло и имя нечестивца. Теперь, — продолжал раби Шолум, — я думаю, пусть, если желает, скажет свое последнее слово приговоренный...

Неожиданно для всех Гасан сделал попытку встать на ноги, но когда ему это не удалось, он выпрямился на коленях, простер связанные руки к небу, приподнял голову и громко, что было сил, выкрикнул:

— О, Аллах! К тебе обращаю взор свой, о Всемогущий! Доколе будешь гнаться за мной, будто не можешь сразу поймать? Когда же закончится кара твоя? Ты ждал этого часа? Что еще Ты хо-

чешь у меня отнять? Мне было 9 лет, когда Ты, собрав свору своих дьяволов, убил всю мою семью: отца, мать, братьев моих родных и сестер любимых, сжег их живьем в собственном доме, не спас даже маленьких, молящих в пламени огня о помощи! За что Ты покарал их, о Аллах?! Неужто грехи детей были столь велики? Отвечай же! Не молчи!

— Да он сумасшедший! — вдруг воскликнул кто-то негромко.

— Тсс... не шуми, — остановили его.

— Не отвечаешь? Нечего сказать? — продолжал свой диалог с Аллахом приговоренный. — Искалеченному и обугленному, мне удалось тогда сбежать от преследователей, но они гнались за мной десятки верст... Я проклинал себя за то, что остался жив! Почему ты тогда не убил и меня, а заставил страдать? Почему посеял во мне семена зла, чтобы урожай с этого поля раздавать людям? Все, что я делал потом, Всемогуший, я делал по Твоей воле, Ты хотел этого, так за что же теперь Ты караешь меня? Отвечай же!

Теперь я знаю, как Ты «справедлив»! Дважды, уже в качестве мстителя, я добирался до города моего детства. И каждый раз мои муки вознаграждались — я убивал по одному из убийц моих родных! О, Ты старательно охранял их, своих дьяволов, этих похожих на людей извергов, оберегал, не давал свершиться правосудию. Ты должен был их покарать, а не я! Вместо этого Ты каждый раз устраивал за мной погоню, травлю, словно на псовой охоте. Ты не хотел их смерти! Почему?

О, Ты — великий хранитель тайн! Твои секреты трудно отгадать! Настоящему преступнику Ты даешь чины и богатство, а моих... — он нервно

сглотнул, будто в горле у него застряла слюна, кашлянул и, собравшись с последними силами, продолжил, — братьев и сестер предал огню!

Нет, не верю я Тебе! Ты пришел за моей душой? Ха...ха...ха! Какая честь! Забирай и ее, я не хочу боль...ше ж...жи...ть!

Приговоренный как-то неестественно умолк, на лице его появилась гримаса боли, он уронил голову и упал набок. Стоявшие рядом аскеры подошли к нему, взглянули на застывшую улыбку на губах и все поняли. Аллах совершил над ним свой Суд.

Глава 6

На следующий день во всех селениях владений Рустам-кади только и было разговоров, что о джамаатском суде и богохульстве приговоренного, а также о его сумасшедшей исповеди, так неожиданно завершившейся смертью преступника. Но больше всех такая развязка обрадовала наиба Мухтара — она избавила его не только от позорного разоблачения, но и от необходимости встречи с преступником и его казни. Он посчитал случившееся подарком Аллаха ко дню своего рождения, который, по словам его покойной матери, совпал с первым днем нового года.

Наиб подробно расспросил не только Фархада, к которому проникался все большим уважением, но и почти всех аскеров, принимавших участие в этом процессе, которые тоже, словно сговорившись, утверждали, что приговоренный вел себя весьма агрессивно, заявил, что Илову не убивал и кто такой этот пресловутый Али — не знает, не назвал ни одного имени: ни сообщников, ни кого-либо другого, — вот только допустил богохульное высказывание о том, что Аллах почему-то преступникам дает чины и богатство, а безгрешных подвергает жестокостям. Но кого он имел в виду, не сказал. Наиб, конечно, понял, на кого намекал этот негодяй, но поскольку его уже нет, слава Аллаху, Мухтар успокоился окончательно. И решил

приступить теперь уже к осуществлению второй части своего предательского плана по уничтожению главарей «лесных братьев», которые, на его взгляд, были потенциальными носителями информации о его преступлениях.

Раби Шолум и Хануко бен Шолум посчитали необходимым пригласить Авшалума и его старших сыновей для беседы, поговорить о возможных убийцах Илову. Купец был убежден, что преступник на суде сказал правду о том, что к смерти его любимца он никакого отношения не имеет, и потому с самого начала поиски пошли по ложному пути. Фархада они решили не приглашать, чтобы не вызвать у наиба подозрений. Мнение уважаемого соседа поддержал и Авшалум:

— В самом деле, ему ничего не стоило взять на себя еще одно преступление, поскольку участь его была решена и без этого! Видно, Илову убил не он, но кто же тогда? Может быть, прав наиб, что сын испугался и упал? — с сомнением добавил он.

— Нет, дорогой Авшалум, в том, что его убили, я теперь не сомневаюсь, — заметил Хануко бен Шолум, — но кто это сделал, вот вопрос... Вам... Давид и Юсуф, надо повидаться с Фархадом, узнать, что он думает по этому поводу, сказать ему наше мнение и, если он с нами согласен, пусть продолжит поиски...

— Хорошо, дядя Хануко, — ответил Давид и спросил: — Нам прямо сейчас пойти?

— Да, откладывать не будем, — ответил купец.

Давид и Юсуф попрощались и ушли.

— Теперь, дорогой сосед, я хотел бы поговорить о другом, — купец ненадолго задумался и продолжил: — Мы с вами давно уже стали не только соседями, но, можно сказать, близкими

людьми, почти родственниками. Не будем гневить Господа нашего, все в Его руках, но вы знаете, я очень хотел научить своему делу нашего покойного Илову, да будет земля ему пухом. Как вы думаете, уважаемый Авшалум, что, если я теперь каждый раз буду брать с собой вашего Ихиила в поездки по купеческим делам?

— Я буду только рад и благодарен, — обрадованно ответил Авшалум, а про себя подумал: «А я ждал, что он скажет насчет Истир и Гаврила». — Правда, ему только двенадцать, но мальчик он шустрый и сообразительный...

— Знаю, мне как раз именно такой и нужен, — улыбнувшись, ответил Хануко бен Шолум.

— Да благословен Господь наш! Пусть сбудутся ваши мечты и желанья! — сказал раби Шолум и пригласил гостя к столу. — Как вам показался преступник на суде, дорогой Авшалум?

— По-моему, он вначале малость свихнулся, стал богохульствовать... — ответил Авшалум, — а потом просто непонятно, что с ним произошло...

— Он, конечно, настрадался в жизни немало, озлобился... А что, у нашего народа не было таких случаев? О, сколько их было, и убивали целыми семьями с малыми детьми, вырезали и сжигали, неоднократно повторяя Содом и Гоморру, насиловали женщин и дочерей наших, но Бог наш, подаривший нам Тору, да благословен Он будет, всегда призывал к терпению и надежде... Тора — это древо нашей жизни, и заботящимся о нем она дает успех и удачу, защиту от врагов и настоящее счастье. Вот так и мы живем надеждой, что завтра будет лучше...

— Да, извини, отец, я хотел сказать Авшалуму, что сегодня утром я встретился на базаре с поку-

пателем вина, он может купить по сходной цене все ваше вино разом, оно у вас готово?

— Через пару месяцев будет готово. Спасибо вам, — поблагодарил купца Авшалум, — я с удовольствием лучше продал бы сразу, чем продавать частями...

— Хорошо, я ему скажу об этом...

Поблагодарив за заботу и внимание, за щедрую трапезу, Авшалум попрощался с добрыми соседями и направился к себе домой. Завтра утром он собирался поехать на мельницу, в Мюшкюр. Его радовал сегодняшней разговор, появилась надежда, что на смену тяжким испытаниям, выпавшим на его долю, Бог пошлет ему, наконец, удачу и благополучие.

— Ихиил, сынок, иди-ка сюда, — позвал он сына, который, научившись отцовскому ремеслу, изготавливал деревянную ложку.

— Да, отец, я слушаю, — отложив работу, подошел к отцу Ихиил.

— Только что дядя Хануко сказал мне, что будет брать тебя с собой по торговым делам...

— Правда? — обрадовался Ихиил. — Я с удовольствием буду с ним ездить, буду ему хорошим помощником...

— Готовься, сынок, он завтра собирается в дорогу...

— Хорошо, отец, схожу к Сави и узнаю, что надо взять в дорогу, — и Ихиил, радостно подпрыгнув, выбежал из дома.

Проводив Ихиила, Авшалум у самых дверей встретился с Давидом и Юсуфом, которые вернулись в сопровождении Фархада.

— Здравствуйте, дядя Авшалум, как поживаете? — поздоровался Фархад.

— А, Фархад, здравствуй, сынок! Ты возмужал, не узнать сразу... — улыбнулся Авшалум. — Неужто наиб так щедр к своим аскерам?

— Насчет щедрости не скажу, — улыбнулся Фархад в ответ, — но то, что он сегодня смеется и радуется, как дитя, — это точно...

— С чего бы это? — удивился Авшалум. — В другое время он ругается с камнями, по которым ходит...

— Аллах с ним, дядя Авшалум, я не по этому поводу пришел, — ответил Фархад. — Давид и Юсуф мне обо всем рассказали, я согласен, моя вина тоже есть, ошибся и пошел по ложному следу...

— Все мы ошиблись... — заметил Давид.

— Поиски я, конечно, продолжу, это дело моей чести, — твердо сказал Фархад. — Однако я пришел вас предупредить, чтобы вы завтра один на мельницу не ездили, дядя Авшалум, беспокойно как-то на душе...

— Ну что ты, сынок, — удивился Авшалум, — можно подумать, что я в первый раз еду на мельницу! Лошадка моя уже готова, да и мука нужна дому... — он улыбнулся и обратился к дочери: — Истир, доченька, накорми своих братьев...

— Хорошо, отец, — ответила Истир и бросила незаметный взгляд на Фархада.

Теперь они встречались чаще. Оправившись от бед и тревог, Истир преображалась на глазах, становясь все красивее и привлекательнее. Они тянулись друг к другу, как стремительная горная речка Гюльгеричай несется к буйному Каспию. Каждая встреча приносила им новые радости, сплачивала их дружбу, превращая ее в нечто большее, о чем ни он, ни она пока не смели говорить.

Ихиил вместе с караваном купца Хануко бен Шалума уехали из селения рано утром. Мальчик был искренне рад и горд, что ему дали хорошего коня и удобное седло. Отец крепко обнял его и пожелал всем счастливого пути, и вдруг у него защемило сердце, пришло ощущение, что видится с сыном в последний раз.

Через час, легко позавтракав, он тоже собрался в дорогу.

— Будь осторожен, отец, — попросил его Давид, — если вдруг появится опасность, бросай все и скачи обратно...

— Не волнуйся, сынок, все будет хорошо... — успокоил его Авшалум и, забросив через седло два больших мешка зерна, сам уселся на лошадь и выехал со двора. Дети провожали отца, который впервые в жизни уезжал на мельницу на своей лошади. Авшалум много размышлял в последнее время о том, что было бы неплохо смастерить для нужд семьи и подводу. «Если бы была она, можно было взять не два мешка зерна, а сразу пять или десять», — думал он. Но занятый будничными делами и поисками крепкого дерева для ее изготовления, он так и не успел смастерить ее. «А, ничего, — подумал он, — впереди зимние месяцы, к весне успею».

У Рубас-чая, проехав через небольшой мостик, построенный в самом узком месте его русла, он свернул в сторону моря, в густой, почти непроходимый лес, в котором была проложена тропа, о которой Авшалум знал еще со времен юношества. Хотя было начало года и в такое время обычно на мельницу не ездят, Авшалуму, на которого в последние месяцы сначала свалилось столько горя и душевных невзгод, а потом и уборка уро-

жая, когда было не до мельницы, ничего не оставалось, как отложить это дело до последнего срока.

С деревьев все еще слетали пожелтевшие листья, а лианы, вкупе с ежевикой, никак не хотели разнимать своих объятий с могучими дубами и светло-серыми буками. Жухлые желтые листья, падая, делали все, чтобы прикрыть от глаз путника единственную дорожку.

Авшалум, зачарованный лесом и утренней прохладой, углубившись в свои бесконечные раздумья, отдался воле своей лошадки, как вдруг она неожиданно всхрапнула и остановилась. На тропе стояли двое: обросшие, в изношенной, измятой, грязной одежде, будто они только что валялись то ли на земле, то ли на жухлой, высохшей траве. Шапки их напоминали папаху, у которой срезали верх, чтобы сделать из нее две, и при этом так усердно мяли, что она утратила не только вид, но и свою сущность. У одного из них за поясом торчал кинжал, а у другого — пистолет. Оскалив пожелтевшие, ущербные зубы, сотворив подобие улыбки, они смотрели на Авшалума, ожидая его действий, но, не дождавшись, один из них подошел ближе и весело сказал:

— А вот и хлеб! Тебя сам Аллах послал, любезный...

— Что вам надо? — громко спросил Авшалум, надеясь, что его кто-то услышит, но тут же понял, что это разбойники-гачаги и что момент, когда можно было сразу повернуть лошадь и ускакать обратно, им упущен.

— Один мешок зерна и езжай... — потребовал один, который быстро покинул свое место и стал сзади Авшалума.

— Да у меня целая семья, — возмутился Авшалум, — я вам отсыплю немного, зачем вам целый мешок...

— Ах, вот оно что?! — возмутился другой разбойник. — Ты слышишь, Али, он, видите ли, отдавать один мешок не хочет. Ха...ха... Ну, тогда давай оба мешка!

«Али?! — подумал Авшалум и заерзал в седле. — Не этот ли Али — убийца моего сына?» А вслух сказал:

— Да вы что?! Пожалейте моих детей...

— Твоих детей пожалеет ваш бог, он вместо хлеба дает вам тору, ха...ха... — он мерзко засмеялся и недовольно вскрикнул: — Ну-ка слазь, непослушный мой, нечего смотреть на нас свысока!

Он схватил седока за руку и сбросил с седла, и тогда Авшалум понял, что с этими негодьями шутки плохи.

— Прошу вас, отпустите меня, — попросил он, — возьмите зерно, а я вернусь домой...

— Хорошо, иди... — сказал тот, которого звали Али.

— А лошадь? — с ужасом спросил Авшалум, заметив, как тот отводит лошадь с зерном в сторону.

— А зачем тебе лошадь? Груза у тебя нет, можешь и пешочком пойти, — зло пошутил другой. — А нам она очень пригодится...

Возмущенный, Авшалум забыл об осторожности и вообще обо всем на свете, увидев, как у него нагло, без зазрения совести, по-бандитски забирают лошадь — мечту всей его жизни, бросился на этого Али и, повалив на землю, стал его душить. И в тот самый момент, когда, по всему видать, убийца его сына стал задыхаться в клещах его

сильных, натруженных рук, Авшалум почувствовал такой силы удар по голове, что сразу ослаб и отвалился набок.

— Ты смотри, — придя в себя, заговорил ошеломленный Али, — он мог меня задушить. Спасибо тебе, Самед. Пусть лежит, давай уйдем...

И опять Авшалум допустил оплошность — нет бы, придя в себя, продолжать лежать, прикинувшись мертвым. Но он, услышав последние слова бандитов о том, что они хотят уйти с его добром, преодолевая боль, встал и бросился на того, которого только что называли Самедом.

— Убийцы, грабители! Мало того, что убили моего сына, сбросили его со скалы, вы еще и меня решили ограбить? Не дам! — с этими словами он набросился на Самеда, но неожиданным ударом сзади по голове чем-то тяжелым был снова сбит с ног.

— Ах, вот как?! Значит, ты отец того ублюдка, который влез тогда на скалу и которому мы обязаны бесконечной слежкой целой своры аскеров? — бросив в сторону дубинку, которой ударил Авшалума, с ехидцей спросил Али.

— Ублюдки вы сами! — вскричал Авшалум, держа рукой ушибленное место на голове. — За что убили-то? Ребенка за что лишили жизни?!

— Пусть не сует нос куда не следует. А то: «Дядя Али» — узнал, змееныш! — выругался Самед и подошел ближе к Авшалуму, которого уже живым выпускать был не намерен. — Ты что думаешь, дурак, если направили на наш след Фархада, так у нас и осведомителей нет? Ошибаешься, сам наиб Мухтар нам помогает, и если надо будет, так и Фархада пошлем к его праотцам, ха... ха...

«Господи! Спаси меня от рук этих убийц! — взмолился про себя Авшалум. — Дай наказать их!» Он вдруг вспомнил рассказ раби Шолума, как много веков назад в какой-то стране, название которой он забыл, у его соплеменников отбирали их добро, а потом убивали опять же за то, что они евреи...

— Что задумался? Думаешь, тебе удастся остаться в живых? Не-е-ет! Ты уже обречен...

— Неужели у вас нет сердца? — решил сыграть Авшалум на чувстве сострадания. — Вы посмотрите, кого вы грабите! Странников, немощных, в их курятниках воруете живность, в овчарнях — овец, у детей отбираете хлеб насущный. Бог накажет вас.

— Так мы знаем, у кого забирать, ха... ха... — нагло заявил Самед, — у вас — евреев, своих мы не трогаем...

— Они тоже люди и могут умереть с голоду...

— Ну и пустьдохнут! — злобно ответил Самед. — Среди нас есть один начитанный, он говорит, что евреи, сколько бы их ни убивали, они все равно живут, живучие, сволочи...

— Потому что с нами Бог! — ответил Авшалум и поддел негодая: — А ты говорил, что не веришь ни в какого Бога?

— Ха... ха... когда надо, Аллах всегда под рукой...

«Сейчас или никогда!» — подумал Авшалум, одним прыжком встал на ноги и кинулся бежать. Но Самед, который стоял около лошади, был начеку, он бросился вслед ослабевшему от ударов Авшалуму, схватил его сзади за волосы и с силой потянул назад, отчего тот резко упал на спину и ударился обо что-то твердое.

— Э-э, нет, дурачок, теперь мы тебя живьем не отпустим, — ослабившись, заявил Самед. — Надо было бежать раньше...

Привязав лошадь в густых зарослях, подальше от тропы, подошел и Али. И вдруг откуда-то изда- лека донеслись голоса. Не успел Авшалум крик- нуть «Э...э!», как Али и Самед набросились на него и не только заткнули ему рот кляпом, но и оттащи- ли далеко в сторону, а сами спрятались в кустах. Просматривая кусты вдоль тропы, прошел Фар- хад, а вслед за ним и аскеры его группы.

— Ты знаешь, Фархад, мне показалось, что кто- то крикнул, — сказал один из аскеров.

— Нет, никаких криков не было, — заметил другой.

— Смотрите внимательно, — приказал им Фархад.

Он вспомнил, что сегодня в Мюшкюр, на мель- ницу должен был поехать отец Истир, Авшалум. «Но не этой же тропой ездят туда, — подумал Фархад и успокоил себя: — Есть другая дорога, че- рез Гуллар, он, наверное, поехал той...» Наверное, судьба хотела дать Авшалуму еще один шанс, но вмешался дьявол, и эта возможность была утеря- на. Пройдя вперед еще с полверсты, группа Фар- хада вернулась назад и ушла в обратном направле- нии. И снова Авшалум остался один на один со своими губителями.

— Чего мы его держим? — возмущенно заявил Самед. — Давай покончим с ним и пойдем от гре- ха подальше.

— Грех этот всегда будет с вами, убийцы, до са- мой смерти! — не унимался Авшалум, понимая, что они его живым не отпустят. — Погубить без- винного человека — что может быть грешнее...

— Да заткни ты свою глотку! — вскипел Али. — А не то снова воткну тебе кляп! Убить я тебя всегда успею, но скажи мне, почему этот Фархад с такой прытью все выслеживает, ведь наиб же предупредил, чтобы без его собственного ведома тот никуда не лез?

— Видно, он раскусил твоего наиба... — кольнул его Авшалум, не догадываясь, что был недалеко от истины.

— Не-е-ет, наиб могучий человек, редкого ума и сатанинской хитрости, — задумчиво ответил Али, — у твоего Фархада еще нос не дорос даже до его пупка... Все мы, живущие в этом огромном лесу, работаем на него, понял? Вот, один из твоих мешков тоже пойдет ему, а он обеспечивает нам безопасность, — откровенничал разбойник, не боясь разоблачения.

— Есть Бог, он все видит! — взглянув на небо, убежденно заявил Авшалум.

— Какой бог?! Где же он? Если он есть, почему он тебя не спасет, тебя, верующего в него, дурака, чистого перед ним? А, не знаешь, что ответить? Запомни, хотя это тебе не пригодится, для каждого бог — это он сам. Никакого такого бога нет, это выдумка наших и ваших мулл! — он говорил запальчиво, выплескивая свою философию, словно хотел убедить не жертву, которая была связана по рукам и ногам, а самого себя. — Кстати, расскажи, как это вы всем скопом судили этого Гасана из Камаха, он что, умер прямо на вашем... суде?

Авшалум молчал, он не желал разговаривать с этим богоотступником, этим человекоподобным зверем. Он думал, в нем росла надежда, что может случиться такое, что Бог пошлет ему такое спасение — шольях, которое вырвет его из рук

этих дьяволов в человеческом обличье и даст ему возможность разоблачить их. Но неожиданно он получил такой пинок в ребро, что застонал от страшной боли.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — вновь ослабился Али, показав свои ущербные зубы.

— Он богохульничал так же, как и ты, — постанывая от боли в боку, ответил Авшалум, — вот Бог его и умертвил.

— Он что, проклинал бога? — улыбаясь, спросил до этого не вмешивавшийся в разговор Самед.

— Да, он сошел с ума! — ответил Авшалум и от страшной боли в ребре чуть не потерял сознание. «Наверное, этот изверг поломал мне ребро», — подумал он и, обратившись к своим губителям, произнес: — Прошу вас, убейте меня, но больше не мучайте...

Но в этот миг где-то рядом раздались характерные для свиней отрывистые звуки, и на тропу выбежал и остановился дикий кабан. Опустив голову, он обнюхал траву под собой и сразу на большой скорости, с места помчался в сторону спрятавшихся в кустах разбойников, однако те, почувствовав опасность, моментально взобрались на дерево. Кабан же, упершись передними ногами, на полной скорости остановился у закрывшего глаза Авшалума, обнюхал его и, не тронув, помчался в сторону поймы Рубас-чая.

Подождав еще немного, Али и Самед спустились с дерева и, не говоря ни слова, — видно, там, на дереве, они приняли решение, — подошли к Авшалуму, развязали ему руки, оставив пока ноги связанными, и дали ему нож.

— На, копай себе могилу! — приказал Самед.

«Вот и конец», — пронеслось у Авшалума в голове, но не выдав убийцам своего волнения, он произнес:

— Я навряд ли в таком состоянии сумею копать, у меня все болит...

— Ну, тогда мы тебя уьем и оставим на свежем воздухе, может, и выживешь, ха...ха... — осклабился Самед.

— Что ж, я буду копать, пока есть силы, а потом дайте мне помолиться перед смертью, разрешаете? — буднично, словно речь шла о мелочном деле, спросил Авшалум, твердо решив не унижать своего достоинства перед этими варварами.

Хотя земля здесь была песчаной, все же рыть ее с чудовищной болью в ребре было нелегко. Солнце поднялось к своему зениту. Когда яма была уже полуметровой глубины, Авшалум на несколько секунд потерял сознание. Убийцы приблизились к нему, вынули из его рук нож и, подумав, что он умер, были намерены бросить его в яму. Но Авшалум, придя в себя, тихо произнес:

— Развяжите мне ноги, я хочу стать у этого дерева, помолиться...

Заметив недоверие в глазах убийц, он тихо добавил:

— Не бойтесь, я никуда не убегу, у меня для этого нет сил...

Али подошел и тем же ножом разрезал его путы.

— Смотри, без шуток!

Авшалум с трудом встал у края своей могилы и, обратив свой взор к небу, начал свою тихую молитву:

— О Господь, Бог Израиля! Бог милосердный и справедливый! Признаю я, что грешил иногда пред Тобою, но были они, эти грехи, столь ни-

чтожны и смешны, что не знаю даже, были ли они вообще. Но в одном я чист пред Тобой, Господь наш! Никогда не совершал я деяний против людей и Имени твоего! Весь я пред Тобою, Господь наш! Но если мера даже этих грехов моих тяжелее добродетелей и Ты, Господь наш, в гневе Твоем решил отнять душу раба твоего, о Царь всемогущий, прояви милость: лучше пасть от руки твоей, Господь наш, чем от руки врагов моих! Убей меня!

При этих словах в небе прозвучал протяжный гортанный звук и все, подняв головы, увидели пролетающий журавлиный клин. Авшалум же, приняв это за божественное знамение, вскинул руки к нему и воскликнул:

— О, журавли! Услышьте меня! Донесите до моих детей весть обо мне!..

— Да, да, они слышали тебя! — в кривой усмешке выкрикнул Самед и, направив на него пистолет, выстрелил. — Они обязательно услышат тебя, дурак!

Авшалум медленно осел и замертво упал в яму, словно сама судьба уложила его в земляной гроб. Наскоро забросав могилу песком и прикрыв ее желтыми листьями, убийцы взяли лошадь под уздцы и отправились в свое логово.

В эту ночь Давид, Юсуф и Истир не сомкнули глаз, но когда отец не вернулся и утром следующего дня, они всполошились, нашли Фархада и с его группой устремились на поиски. В течение трех суток они побывали и в Мюшкюре, на мельнице, где расспросили людей, и обследовали лес вдоль тропинки через мост Рубас-чая и древнего городища Гуллар, но не нашли ни следов лошади Авшалума, ни его самого, словно они сквозь землю провалились.

Поиски Авшалума сыновьями продолжались и дальше, в течение двух последующих недель, до возвращения Хануко бен Шолума. Обросших, исхудавших, измотанных от нервного напряжения, душевной боли и недосыпания, Давида и Юсуфа трудно было узнать. Облачившись в траур, они сменили не только одежду — они изменились сами: в черных, как смоль, волосах появилась белая порось, глаза, в которых раньше светилась радость, наполнились великой печалью, сразу составившей их. Они дали себе клятву: чего бы это им ни стоило, — либо погибнуть, либо найти отца и его убийцу!

Для Истир же последние события вообще стали катастрофой; она понимала, что долгое отсутствие отца не оставляет никаких надежд, что он уже никогда не вернется. И она оплакивала не только погибшего отца, но и самое себя, ставшую теперь полной сиротой. Ее надрывный плач о потерянной радости жизни разрывал сердца близких. Плача, она с мольбой звала отца, и ее душевнораздирающие крики никого не оставляли равнодушным. Истир, за короткое время потерявшая самых близких людей, братьев и отца, считала, что она потеряла и смысл жизни, и не хотела больше жить.

Дом Авшалума, в котором раньше жили те, которые его навсегда покинули, превратился теперь в дом печали и траура, словно над ним нависло проклятье. Конечно, умирали и в других семьях, но такой трагедии, такого ужаса в мирное время, в период относительного спокойствия, не испытала, слава Богу, ни одна из них. И, естественно, верившим и в чох и в сон суеверным женщинам-сельчанкам, оплакивавшим умерших, не раз приходила в

голову дикая мысль о том, что в доме Авшалума поселился домовый-злодей, который хочет изжить всех его домочадцев, и что надобно дом этот сжечь с этим злодеем вместе. Слава Богу, благоразумие взяло верх — осмыслив случившееся, люди пришли к мнению, что домовый здесь ни при чем, и не дали свершиться еще одному несчастью.

В глубокую печаль ввергло это известие и Хануко бен Шолума, который окончательно пришел к мнению, что в регионе бесчинствуют разбойники, представлявшие явную опасность не только для иудейского меньшинства населения вообще, но и для проезжих купцов в частности. Кроме того, его все больше смущала мысль, что за всем этим стоит какое-то заинтересованное лицо, которое, непонятно каким образом, при помощи какой-то хитроумной эквилибристики, умеет скрывать свои истинные замыслы. С целью выявления этого лица и прекращения подобных инцидентов в дальнейшем, Хануко бен Шолум, на этот раз не поставив в известность правителя, поехал к своему другу генерал-майору Савельеву, а с ним — к главнокомандующему русской армией на Кавказе генералу Гудовичу.

Выслушав рассказ знаменитого в Дагестане купца и сопоставив его с подобными донесениями других лиц, главнокомандующий был крайне озадачен. Он написал правителю Табасарана Рустамкади обширное письмо, выразив недовольство и сожаление по поводу таких позорных фактов, из-за которых русские купцы и местное население в его владениях не чувствуют себя в безопасности, а также сообщил о том, что вынужден сделать вывод: деньги, которые Великая Императрица дает на содержание его войска, используются не по на-

значению. В заключение, генерал выразил надежду, что Рустам-кади, о котором он был раньше лучшего мнения и которому всячески помогал, должным образом оценит создавшуюся ситуацию и примет необходимые меры. По просьбе того же Хануко бен Шолума, который преподнес главнокомандующему дорогой подарок, Гудович послал свое письмо с нарочным, опередившим самого заявителя настолько, чтобы тот успел вернуться домой как раз вовремя.

Прочитав генеральское послание, Рустам-кади взбесился, покрылся холодным потом и немедленно послал за наибом.

— Ты знаешь, что сделал наш «любезный» купец? — нетерпеливо воскликнул Рустам-кади, когда Мухтар появился в дверях. — Этот негодяй донес главнокомандующему на Кавказе генералу Гудовичу о том, что у нас здесь совершаются нападения на проезжих русских купцов, что население сел не обеспечивается нашей защитой, что деньги, которые нам щедро дарует Великая Императрица, используются нами не во благо народа, а, наоборот, ему во вред...

— Я же говорил тебе, правитель, что этот скрытый враг еще покажет свои волчьи зубы, что его надо ликвидировать, а не ждать, когда ему все здесь надоест и он сам отсюда убежит... — убеждал правителя словоохотливый наиб. — Давай я сегодня же ночью окружу его дом и всех разом отправлю к их любимому богу...

— Подожди, Мухтар, так не годится, — остановил своего горячего наиба правитель, — в эти дни, когда к нам направляется огромная русская армия, противопоставлять себя нельзя, это может нам дорого обойтись...

— Тогда подскажи, что нам делать с этим предателем, подонком, который сидит у нас как кость в горле? — вспыльчиво спросил наиб.

— Ты прав, друг мой, думаю, что нам надо этим собакам подкинуть кость — одного-двоих убитых разбойников. Ты же говорил, что у тебя есть такая задумка? — спросил правитель.

— Да, мой правитель, эту операцию можно начать прямо завтра! — воодушевленно ответил наиб.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказал Рустам-кади. — Надо будет показать их трупы населению сел и сообщить русскому командованию о принимаемых нами мерах. Пусть это видит и нарочный командующего, мы попросим его день-другой у нас погостить... А что касается купца... — Рустам-кади ненадолго задумался и решительно добавил: — Сделаем вид, что мы ничего не знаем, пусть расслабится, потеряет бдительность, и тогда я ему преподам такой урок... А пока — терпение, друг мой, терпение...

— Итак, я начинаю задуманную операцию?.. — подытожил беседу наиб.

— Да, — согласился правитель, — однако на некоторое время грабежи в селах следует прекратить, строго-настрого предупреди своих аскеров, чтобы дежурили ночью на дорогах у сел, чтобы, не дай Аллах, не случилось непредвиденное, чтобы проезжие русские купцы были благодарны нам за внимание и заботу о них...

— Хорошо, мой правитель, все будет сделано! — твердо пообещал наиб и встал с застланной коврами тахты.

— Иди, да поможет тебе Аллах! — на прощанье сказал ему Рустам-кади и вдруг, вспомнив о чем-

то, спросил: — А этого, который ехал на мельницу, нашли? Говорят, накануне у него умерли два сына?..

— Нет, правитель, пока не нашли, мои аскеры прочесали все кругом. Как сквозь землю... — ответил наиб, пряча от Рустама-кади глаза...

— Я это к тому, чтобы устроить демонстрацию нашей лояльности, — заметил Рустам-кади, — можно было бы на похороны выделить денег, проявить сочувствие, чтобы пустить пыль в глаза, короче, ты это знаешь не хуже меня...

— Да, мой правитель, я сразу же дам вам об этом знать, — ответил Мухтар и покинул дом своего родственника.

Вспомнив о посланце главнокомандующего, Рустам-кади приказал нукеру пригласить того к себе. Увидев вошедшего в комнату молодого офицера, правитель любезно пригласил его к столу и, угощая чаем, сказал:

— Прошу вас, вахмистр, погостить у нас несколько дней и уже с ответным письмом вернуться к уважаемому главнокомандующему...

— Я, право, не знаю, уважаемый Рустам-кади, — замаявшись, ответил вахмистр, — у меня должны быть для этого веские основания...

— Полагаю, — улыбаясь, ответил Рустам-кади, — они у вас будут... Ваши покои определены, в вашем распоряжении будет все, что вы пожелаете, вы наш гость...

— Благодарю вас, уважаемый Рустам-кади, почту за честь быть вашим гостем, — вежливо поблагодарил вахмистр и покинул гостеприимного хозяина.

Проводив гостя взглядом, Рустам-кади встал со своего места и, шагая по комнате, продолжал ду-

мать: «Значит, купец все же пожаловался. Почему? Что его заставило это сделать, несмотря на мое предупреждение? Неужто смерть его соседа, этого виноградаря? А может быть, от отчаяния, оттого, что понял, наконец, что ловушка на него сработала, что он попал в капкан, из которого выбраться можно лишь одним путем — оставить все, и своих соплеменников в том числе, и бежать? В таком случае, зачем жечь за собой мосты? Для борьбы? Значит, не о поражении думает хитроумный купец, нет, наоборот, о наступлении, а это подразумевает, что он меня раскусил, отгадал мой план мести, оказался хитрее меня? Что ж, и в этом случае поборемся?..»

Готовясь к встрече с одноглазым бандитом, не менее взбешен был и наиб. Он не мог простить главарю «лесных братьев» того, что, несмотря на то, что тот был предупрежден о времени и месте проезда купца у Дерей-гуш, его люди прошляпили купца — заклятого врага правителя и его самого, позорно потеряли своего товарища и что теперь купец все еще жив и, не таясь, пошел против Рустамкади. Мало того, без его, наиба, ведома его люди убили этого виноградаря, чем вызвали гнев и возмущение не только жителей Аба-Сово, а и других, мусульманских, сел, своими действиями они спутали все его карты и за это одноглазого главаря и его хромого заместителя ждет заслуженная кара.

Ночь выдалась на удивление светлая, холодный морской ветер напоминал, что конец января — время зимнее. Одевшись потеплее, наиб двинулся к месту встречи, к ложине у Рубас-чая, ближе к одному из его истоков. Вдруг он услышал тихий писк и понял, что главарь на месте. Наиб ответил таким же писком и приблизился к нему.

— Салам, наиб, как дела? — спросил главарь.

— Плохо, мой друг, я недоволен вами, — ответил наиб.

— Почему? — не понял главарь, а про себя подумал: «Ишь, негодяй, и на приветствие не ответил». — Все, что имеем, делим с вами. Вот я опять кое-что принес.

— Дело не в этом, — пробурчал наиб. — Почему вы убили этого, который ехал на мельницу?

— Поверь, наиб, я об этом ничего не знал. Когда Али и Самед привели лошадь на место нашей стоянки, мы только тогда узнали, что они, вопреки моему указанию, убили его. Я им сказал, что если еще раз такое повторится, прибью на месте. Нет, наиб, больше подобное не повторится.

— А как же Хромой, он тоже не знал? — с намеком спросил наиб.

— Нет, к сожалению, не знал, — удрученно ответил главарь.

— Плохо, чересчур самостоятельными стали, — нажимал наиб на главаря, — эдак совсем выйдете из-под контроля, а ведь шишки в меня полетят...

— Я понимаю... — виновато отвечал главарь.

— Чтобы такое не повторилось, давай завтра, ближе к ночи встретимся здесь еще раз, приведи и Хромого, поговорим, помозгуем... — предложил наиб, скрывая истинный смысл своего предложения.

— А Хромого зачем? Я могу и сам все понять, — ответил главарь, выразив несогласие.

— Видишь, твои люди самовольничают, ты меня не слушаешь, не хочешь делать того, что я требую, вот и получается разнобой. А ведь я вас постоянно охраняю от всяких напастей, — возмутился наиб. — Раз я говорю — значит, надо!

— Ну, хорошо, — нехотя согласился главарь, предчувствуя какую-то каверзу. О повадках наиба, особенно о его хитрости, он был хорошо осведомлен. «С другой стороны, — рассуждал главарь, — если бы наиб не был заинтересован в нас, он бы давно нас ликвидировал... Э-э... не скажи, не так просто это сделать... А может, теперь мы ему мешаем, и он решил убить двух зайцев сразу: и нас убрать, и народ успокоить? Может такое быть? Все может стать...»

— В таком случае, давай прощаться, — проговорил наиб и пожал главарю руку. — Значит, как договорились, завтра, ближе к ночи, здесь же.

— Хорошо, — ответил главарь, а про себя подумал: «Держи карман шире...»

«Что он задумал? — стараясь разобраться в приказе наиба, рассуждал главарь, уходя все дальше от места встречи, где его ждали двое его подручных. — Давай-ка взвесим все за и против: в народе растет недовольство нами — раз, попытка убить купцов не удалась, те пожаловались, и наибу досталось за необеспечение их безопасности — два, Али и Самед во время облавы на шакалов убили парня, а теперь убили его отца, их вычислил Фархад и теперь ходит за нами по пятам — три, прекратить воровать мы не можем, ибо мы должны есть, значит, недовольство будет расти, а это наибу в настоящее время не нужно — четыре.

Теперь подумаем, что в данной ситуации должен предпринять наиб: ему не нравится наша самостоятельность, поэтому он хочет лишить группу главарей, а остальных прижать — раз, правителю и наибу надо показать наши трупы народу, как это они всегда делали — два, масла в огонь добавили Али и Самед — три. Нет, на эту встречу

мы идти не должны. Какой же выход? На некоторое время уйти в горы, на запасную базу, не давать о себе знать».

Вычислив наиба, главарь и его бандитская группа из семи человек утром следующего дня снялась с насиженного места и двинулась в горы, где им предстояло перенести немало холодных и полуголодных дней. От своих друзей он не скрыл ни то, что их ожидают трудности, ни вынужденность этого шага, но утаил догадку о предательстве наиба, поскольку решил сначала убедиться в этом сам. В то время, когда его люди медленно, соблюдая все меры предосторожности, шли по тайным горным тропам, он спрятался на подступах к указанному мостику и стал ждать.

Наиб не торопился собирать своих аскеров, чтобы не вызвать подозрения «лесных братьев», у которых, надо думать, были свои осведомители. С утра он ходил в приподнятом настроении, чем очень удивил Фархада, прибывшего к нему с докладом о проделанной работе по поимке гачагов. Подошли, как обычно, и командиры остальных десятков. У каждого было что сказать по поводу событий или происшествий на закрепленных за ними участках. Однако, вопреки ожиданию, наиб приказал всем разойтись, а Фархада посадил за стол, попросил слуг принести чаю и, подсев к нему ближе, таинственно произнес:

— Нам, друг мой, предстоит сегодня совершить важный шаг по уничтожению главарей гачагов!

Фархад весь собрался, повернул к наibu голову, ожидая новых известий.

— Мне стало известно, — продолжал наиб таинственно, — что сегодня, в определенный час и

в определенном месте, о которых я скажу позже, собираются главари «лесных б... разбойников»... Нам предстоит их окружить и уничтожить, чтобы наш народ жил спокойно. Пора прекратить их разбойные нападения, грабежи и убийства...

— Сведения эти точные, уважаемый наиб? — спросил его Фархад.

— Да, друг мой, сведения из верных источников...

— Это прекрасно, уважаемый наиб, отрежем голову, а ноги и сами попадутся... — улыбнулся Фархад.

— Теперь о том, как нам надо действовать, — продолжал наиб. — Нам надо хотя бы за час-полтора прибыть на место, занять важные позиции и приготовиться к их приходу. Пойдет вся твоя группа. Собери своих людей быстро и без особого шума. Все должны быть вооружены: я выдам вам пять пистолетов и ружей, а сабли и кинжалы у вас есть, слава Аллаху.

В намеченное время группа Фархада во главе с наибом, все вооруженные с ног до головы, собрались у камышей и двинулись к ложине Рубас-чая, о чем наиб не сказал до самого последнего момента. Определив место каждого, наиб дал указание всем тихо, без шума занять свои позиции. Началось ожидание.

Фархад, как всегда, думал, анализировал ситуацию. Допустим, разбойники придут сюда, но ведь они осторожны и трусливы, как зайцы, у них обостренный, звериный нюх, и без разведки они сюда не придут. Это как пить дать. А где спрячется их разведчик? Где-то недалеко, на возвышении, чтобы иметь обзор. И Фархад, ловко спрятавшись в кустах ежевики, стал внимательно рассматривать

окрестности. Так, на том холмике никого нет, он просматривается со всех сторон, на этом дубе тоже, как будто, никого, там чисто, а... Фархада охватило волнение, он закрыл глаза и снова посмотрел — да, точно, в пятидесяти метрах от него, искусно спрятавшись меж обхвативших дерево лиан, почти на самой его вершине, сидел человек.

Фархад, отличный стрелок, сел не торопясь, облокотился о ствол дерева, положил ружье на удачно подвернувшийся сук, прицелился и стал ждать. По словам наиба, разбойники должны были уже быть на месте.

«Вот ты какой, подлец, предатель, — думал тем временем одноглазый главарь бандитов, разглядывая наиба и его аскеров. — Я тебя вычислил и вот тебе, накось выкуси, — он сделал кукиш и мысленно показал наибу, — а вот я тебе устрою, изменник, мать родную забудешь...»

Шло время, надвигались вечерние сумерки. Наиб стал нервничать. Он понял, что «косой» его одурачил, не поверил и ждать его шайку уже нет смысла. И вдруг раздался выстрел. «А...а!» — услышал он предсмертный крик и увидел, как в нескольких шагах от него плюхнулся с дерева какой-то человек. Он подошел к нему и узнал главаря. Тот открыл единственный глаз, узнал наиба и в предсмертной агонии произнес:

— Пре...да...

Видя, как к подстреленному подбегает Фархад с ружьем, он понял, что это его работа. Однако медлить было нельзя, и наиб, подняв пистолет, выстрелил в полумертвого разбойника.

— Молодец, сынок! — похвалил он Фархада и крепко обнял его за плечи. — Этот негодяй, видно, хотел меня убить...

Труп главаря разбойников возили по селам, чтобы убедить народ, что аскеры наиба стоят на чеку, а потом, на каменистом склоне какого-то холма, он был предан земле, чтобы навсегда забылось как имя этого негодяя, так и его преступные деяния...

Глава 7

Подбегая к подстреленному бандиту, Фархад рассчитывал, что в нем, возможно, еще теплится жизнь, и надеялся заставить его открыть секреты своей шайки, а самое главное, ее логово. Его надежда основывалась на том, что подбитый, упав рядом с наибом, не умер сразу, а охнул и шевельнулся, подавая признаки жизни. Фархад ожидал, что наиб, оказавшись первым рядом с раненым бандитом, проявит должную заинтересованность, сразу же кинется его расспрашивать. Однако то, что предстало его взору, было для него полной неожиданностью. Он увидел, как бандит, взглянув на наиба, что-то тому сказал, а наиб в ответ, не раздумывая, вынул из-за пояса пистолет и убил его.

Хотя наиб и обнял Фархада за плечи, и похвалил его, да еще и поблагодарил за мнимое спасение, все же Фархадом овладела какая-то неясная тревога, недоумение, непонимание того, что произошло в эти секунды на его глазах. «Бандит был еще жив, это было очевидно, — думал он, — почему же наиб, вместо того, чтобы допросить его, получить у него какие-либо сведения, пока он еще жив, наоборот, прицелился тому прямо в сердце и выстрелил? Другими словами, стрелял с той целью, чтобы бандит навсегда замолчал? Что сказал этот разбойник такого, что наиб тут же предал

его смерти? Размышления привели Фархада к выводу, что убитый и осведомитель наиба о месте сбора шайки — одно и то же лицо, что он, видимо, не выполнил какого-то поручения наиба и за это поплатился. Напрашивался вывод, что он наиба знал и поддерживал с ним тайную связь.

О причастности наиба к разбойникам, о его скрытых связях с ними Фархад догадывался и раньше, но не верил в такую возможность, всячески выбрасывал из головы эту, как ему казалось, кощунственную мысль, однако чем больше он анализировал действия и слова наиба, тем больше убеждался в наличии такой взаимосвязи. После несостоявшегося нападения на купцов, в частности, на Хануко бен Шолума в урочище Дерейгуш, аскеры — его друзья в доверительной беседе рассказали ему, что в тот вечер там должна была дежурить группа Ахмеда-богатыря, но тот, вместо этого, напоил своих аскеров какой-то бурдой, якобы в честь рождения сына, отчего те отключились и всю ночь спали. Фархад по собственному опыту знал, что без ведома наиба такое произойти не могло. Но все же прямой связи между всеми этими событиями установлено не было, а потому, как говорится, «в жизни всякое бывает...»

Вызывал сомнения и другой эпизод, связанный уже непосредственно с самим Фархадом. Речь идет о том времени, когда Фархад занимался поиском пресловутого Али и, установив место возможной дислокации разбойников, доложил обо всем наибу, а отправившись на следующий день на эту предполагаемую стоянку, не обнаружил там ни самих разбойников, ни каких бы то ни было следов их пребывания, будто они были заранее предупреждены. Естественно, и этот факт вызы-

вал у Фархада подозрение, поскольку его осведомитель видел там бандитов своими глазами. Хотя прямых улик против наиба снова не было, все же, считал Фархад, кроме наиба об организации облавы на разбойников никто не знал.

Теперь последний случай. В самом начале операции по уничтожению бандитов у мостика Рубас-чая наиб строго-настрого приказал бандитов живыми не брать, убивать, если даже они захотят сдаться в плен. Нелепость поставленной задачи была очевидна. Кроме того, больше всех в сохранении, хотя бы на короткое время, жизни подстреленного бандита должен был быть заинтересован прежде всего сам наиб, — он же, напротив, не только сам не поговорил с раненым, но и не дал возможности поговорить с ним и другим, в частности, Фархаду, подбежавшему к месту падения бандита в течение половины минуты. Фархад видел, что бандит не только не собирался напасть на наиба, — он вообще стремился не быть обнаруженным. А наиб вслух заявил всем, что якобы тот хотел его убить, а Фархад, мол, своим выстрелом его опередил. Напрашивался и вопрос, и ответ: наиб так поступил, видимо, потому, что хотел отвести от себя подозрение в связях с этим разбойником, а возможно, и с остальными тоже.

Когда все накопленные факты и выводы легли в единую систему, к Фархаду пришло еще одно известие — о том, что при показе трупа одноглазого бандита народу жители одного из горных аулов Табасарана признали в нем свирепого и хитрого главаря шайки разбойников, который в течение длительного времени терроризировал весь их регион, особенно те селения, где жили евреи.

Доложив повелителю о трупe главаря бандитов, наиб никак не ожидал проявления такой бурной радости от Рустама-кади:

— Вот и замечательно, мой друг, надобно его показать вахмистру, пусть увидит, а потом доложит своему руководству, как ты думаешь?

— Я согласен, мой правитель, мы ему и историю придумаем, мол, хотел напасть на проезжих купцов, и наши аскеры его убили... — ответил наиб.

— Отлично, очень умная мысль, — похвалил его правитель.

Приглашенному вахмистру показали труп одногоглазого главаря, о котором говорили во всех селениях, рассказали героическую историю его уничтожения и с не меньшим пылом поведали о разработанном плане по поимке остальных разбойников.

Угостив вахмистра на прощание вкусным обедом, правитель вручил ему ответное письмо, выразив при этом свое искреннее уважение к главнокомандующему, после чего нарочный уехал.

В своем письме главнокомандующему Рустам-кади также писал, что он очень огорчен случаем нападения на купцов, что в связи с этим принимают все возможные меры борьбы с разбойниками, благодаря чему их число с каждым годом уменьшается. Кроме того, Рустам-кади красочно обрисовал последний случай уничтожения главаря бандитов благодаря подвигу своих аскеров.

Что касается случаев кражи бандитами личного имущества населения, мародерства с их стороны, то в настоящее время на постоянной основе в каждом селении будет дежурить сменный вооруженный охранник, наличие которого умерит пыл ретивых разбойников.

При этом правитель не забыл выразить главнокомандующему свою признательность и благодарность за постоянное внимание с его стороны, а также выразил надежду на то, что теплые, дружеские отношения их ничем не будут омрачены.

Между тем, этим же вечером Фархад, оставив коня во дворе без вести пропавшего Авшалума, вместе с Давидом и Юсуфом пошел к Хануко бен Шолуму и рассказал ему о своих догадках, подозрениях и выводах относительно наиба. Тот, в свою очередь, поведал им о своей поездке к командующему русской армией на Кавказе, о его жестком письме в адрес Рустам-кади, в котором содержалась угроза лишить его не только субсидий, но и поддержки, если тот не покончит здесь с гачагами.

— Ну, а теперь, дядя Хануко, мы хотим в присутствии Фархада, нашего истинного друга, поделиться с вами одной задумкой, — заявил Давид. — О том, что мы сейчас вам скажем, не знает никто, вот только мы вчетвером...

— В чем же ваша задумка? — поинтересовался купец. — А то, что вы держите ее в секрете, делает вам честь, я это одобряю.

— Нас с Юсуфом сейчас не то что чужие — даже свои узнают с трудом. Вы сами вчера сказали об этом... — начал говорить Давид.

— Да, действительно, вас не узнать, похудели, почернели, обросли, нельзя себя до такого состояния доводить, — неодобрительно заявил купец.

— В этой задумке, дядя Хануко, наш вид имеет первостепенное значение, — продолжал Давид. — Мы, два брата, на Торе дали клятву во что бы то ни стало найти отца и рассчитаться с его убийцей. Нас от этого пути никто не отгово-

рит, это бесполезно, а вот к вам мы пришли за помощью...

— Что вы собрались делать, дети мои? — всполошился Хануко бен Шолум. — Хватит нам и этих бед... — но, заметив непреклонность в глазах молодых людей, добавил: — Помощь вам всегда готов оказать, ради правого дела...

— Спасибо, дядя Хануко, мы знали, что вы так скажете, — ответил Юсуф.

— Теперь о деле, — продолжил Давид. — Мы хотим обойти леса, горы, ущелья, — короче, все владения Рустам-кади, мы уверены, что разбойники далеко не спрячутся...

— И вступить с ними в единоборство? — удивился Хануко бен Шолум. — Это безумие, дети мои...

— Нет, дядя Хануко, несколько по-другому, — ответил Давид. — Мы станем такими же, как и они, войдем к ним в доверие...

— А потом? Вы что, тоже будете грабить и убивать, как они? — удивился купец.

— Нет, ни тем, ни другим мы заниматься не будем, дядя Хануко, — опять ответил Давид. — С вашей и Фархада помощью мы, чтобы войти в доверие, готовы лишиться некоторых своих овец, кур и прочее...

— Как вы себе это мыслите, ведь вы можете попасть в такую ситуацию, когда будете вынуждены пойти на преступление? — убежденно заявил купец. — Что тогда?

— Я буду держать с ними постоянную связь, — заметил Фархад. — Вот только если купцы будут проезжать...

— Сейчас начало февраля, до конца апреля их не будет, — заверил их купец, а потом спросил: — А каким образом вы думаете наладить связь?

— Мы наметили два тайника, где будем оставлять сигнальный камешек — предупреждение или о срочной встрече, или о встрече в договоренное время, — ответил Давид.

— В случае опасности немедленно возвращайтесь домой, — потребовал купец, — не дай Бог, я не переживу этого...

— Не беспокойтесь, дядя Хануко, мы не дети, все обдумали, — заверил купца Давид, — языки — турецкий и табасаранский — мы знаем в совершенстве, кроме того, с нами на связи постоянно будет Фархад...

— Что ж, да благословит вас Господь! — помолился за них Хануко бен Шолум. — И еще... — он встал, зашел в другую комнату и вынес два пистолета... — Если кто спросит, скажете, что трофей, мол, ограбили проезжих купцов, — и он каждому вручил по пистолету, обнял обоих и проводил до ворот.

— За Истир и Ихиила не беспокойтесь, у них все будет хорошо, — добавил он на прощанье.

В ту же ночь Давид и Юсуф, покинув дом, отправились на неизведанную, полную опасностей дорогу, дорогу лишений и невзгод, во имя справедливости.

Справедливость и жизнь — две части единого целого. Рожденные жить вместе, в любви и согласии, они, наоборот, наперекор своему предназначению, словно по тайной воле дьявола, никак не ладят друг с другом, превращаются в противоположность друг друга и редко когда, на какие-то мгновения, сойдутся, чтобы надолго снова разойтись. Сколько было таких, которые трудом и словом своими сеяли в жизни добро, но по злой воле дьявола в человеческом облике становились не-

заслуженно битыми и, обозленные, брались за топор, шли на войну за справедливость, становясь порой на разбойный путь. Сколько было таких, которые, выйдя на поиски справедливости, встречали на своем пути многочисленных дьяволов в обличье зависти, лживости, двуличья, трусости, жадности, скупости — всех людских пороков. Так и не сумев до конца жизни дойти до намеченной цели, они уходили из нее разочарованными, разбитыми, проклиная не только предмет своих поисков, но порой и самого Создателя. До сих пор человеческая история имеет лишь несколько случаев счастливого единства этих двух начал, жизни и справедливости, которые являются высочайшей вершиной и служат образцом, к которому стремились все поколения людей, но лишь единицам удавалось достигнуть этих сияющих вершин.

Вот таким дьяволом в обличье наиба и был Мухтар. На следующий день он собрал всех командиров десятков, разделил владения правителя на участки и потребовал, чтобы все они в течение недели обошли и внимательно осмотрели их. Наиб недвусмысленно заявил своим подчиненным, что бандиты нужны ему только мертвыми, дабы никому не повадно было в дальнейшем заниматься разбойным промыслом. Он еще раз похвалил Фархада за бдительность, за удачный выстрел в бандита, поставил его всем в пример и премировал немалой суммой.

В который раз заявление наиба о необходимости выявления бандитов и обязательного их убийства заставило Фархада задуматься. «Почему их надо обязательно убивать? — снова и снова задавал себе вопрос Фархад. — Не лучше ли брать их

живыми и любыми методами добиваться их признаний, а потом, в конце концов, в зависимости от совершенных ими преступлений, осудить? Что не устраивает наиба в живых бандитах? Чего он боится, — разоблачения?..» Эти вопросы не давали Фархаду покоя, и он решил не убивать пленных разбойников, а прежде чем доставить их к наибу, выпотрошить из них все, что они прячут, все их тайны.

Перед Фархадом стояла и вторая задача — немедленно сообщить Давиду и Юсуфу о необходимости в течение недели спрятаться, а в случае встречи с разбойниками предупредить их об опасности и таким образом войти к ним в доверие. Вот почему Фархад, прежде чем собрать свою десятку, отправился к своему тайнику и оставил там условный камешек, чтобы сегодня в полночь встретиться с Давидом. Слава Богу, братья еще далеко не ушли, и встреча состоялась. Друзья обговорили план дальнейших действий.

Встревожилась и группа одноглазого разбойника, которая за две недели его отсутствия пополнилась еще двумя негодьями, долгое время промышлявшими в своем регионе в одиночку. Отправленный в разведку Али через свою вдовушку узнал, что главарь их убит и после всенародного показа зарыт где-то, как собака. Группа избрала себе нового главаря, хромоногого Таиба, о зверствах которого с содроганием говорили жители сел верхнего Табасарана. Дело в том, что кроме него о тайных встречах их бывшего главаря с наибом никто не знал, и весть о предательстве наиба его взбесила. И Таиб решил отомстить наибу.

Поскольку в группе было уже девять разбойников, главарь разделил ее на две части, одну из них возглавил сам, а вторую поручил Али, и по двум направлениям они кинулись на очередную охоту. На четвертый день своих поисков Давид и Юсуф встретились с людьми самого главаря в урочище Рубас-чая. Встреча была для братьев настолько неожиданной, что они вначале растерялись, но, увидев, что встретились, наконец, с бандитами, успокоились, однако руки с пистолетов не снимали.

— Откуда, друзья? — улыбаясь, спросил Таиб, жестом давая понять своим, чтобы они из укрытий не выходили.

— А вы кто? — в свою очередь, спросил Давид.

— Вольные люди, из разных сел, — ухмыльнулся главарь. — Небось, свои?

— Точно... — будто расслабился Давид и улыбнулся. — Такие же вольные...

— А откуда и как зовут? — допытывался главарь.

— Вообще-то мы из Камаха, но уже год как ушли оттуда... — ответил Юсуф.

— Меня зовут Дауд, а его — Юсуп, — показав на брата, ответил Давид, как было задумано по легенде.

— Чего же ушли из селения? — снова спросил главарь, ощупывая пристальным взглядом и одного, и другого.

— Подрались, убили двоих... — буднично, словно речь шла о корчевке бурьяна, ответил Давид и улыбнулся.

— Значит, наши ребята, — обрадовался хромоногий Таиб и, приблизившись к братьям, пожал им руки. — Может, с нами пойдете?

— Можно... — согласился Давид и неожиданно спросил: — Но вот что... как тебя зовут?

— Хромой! Он у нас главный, — ответил один из разбойников и поздоровался с братьями.

— Так вот, слушай, Хромой, — начал Давид. — Сейчас же отсюда надо уходить, и остальных, если они есть, надо предупредить...

— Почему? — насторожился Хромой.

— Нам стало известно, что наиб направил на наши поиски свою вооруженную до зубов сотню. Они сейчас в версте от нас...

— Ты уверен? — строго взглянул на него Хромой. — Со мной шутки плохи! И наиб с ними? — неожиданно спросил он.

— Не знаю, — честно признался Давид.

— Махмуд! — обратился главарь к одному из разбойников. — Ты остаешься здесь, спрячься и все выясни. Ты, — обратился главарь к другому, — быстро догони наших и предупреди, чтобы были осторожны, и пусть возвращаются на место. Раз так, — решительно заявил главарь, — вы пойдете с нами...

— Идем, — согласился Давид, — только захватим кое-что... Юсуп, доставь-ка...

— Сейчас, — ответил Юсуп и, бросившись в кусты, принес живого барана, связанных кур и мешок барахла. И незаметно оставил в тайнике камешки — знак встречи с разбойниками.

Увидев добычу братьев, главарь обрадовался, похвалил их и, прихватив все это, разбойники двинулись в сторону гор, туда, где они могли спрятаться. Теперь братья были начеку, они поняли, что за внешним благодушием главаря скрывается хитрый и жестокий зверь. Знак, который они оставили в тайнике для Фархада, был предупрежде-

нием о том, чтобы у дороги на Камах постоянно находился свой человек, могущий подтвердить легенду братьев.

К утру следующего дня на базу вернулся Махмуд, который подтвердил то, о чем предупреждал Давид.

— Да, аскеров наиба было человек двадцать, — рассказывал он главарю. — Почти все вооружены пистолетами, ружьями, саблями и кинжалами. Рыскали и вынюхивали каждый куст... Один громко говорил, что им придется искать нас целую неделю...

— Целую неделю... — в задумчивости повторил главарь и зловеще добавил: — Вот мы и устроим наибу «свадьбу» через неделю...

Через некоторое время подошли и остальные. Они тоже подтвердили, что по всем владениям правителя рыскают аскеры, что, кроме одного барана, им ничего не удалось утащить. Однако один из прибывших разбойников, видно, старший, заявил Хромому, что есть сведения одвигающихся на юг двух путешественниках из России, которых было бы неплохо попотрошить.

Выслушав, главарь отвел его в сторону и о чем-то шепотом сказал. Сделав вид, что чувствует себя среди своих, Давид в то же время внимательно следил за действиями главаря, считая, что следует всегда быть начеку, на случай неожиданных решений Хромого. Заметив кивок старшего новоприбывшей группы, Давид проследил за тем, как тот подошел к одному из своих, что-то тому шепнул и отправил выполнять какое-то задание. «Теперь все будет зависеть от Фархада, — подумал Давид, собрав всю свою волю в кулак. — Он не подведет...»

Зарезали баранов, освежевали их, небольшую часть бросили в казан, варить хинкал, а большую

часть повесили сушить. Бандиты жили богато, но с разумной экономией своих запасов, чувствовалось, что жили они подобным образом давно и особых неудобств не чувствовали. Быстро разобрали и одежду из мешка, доставленного Давидом и Юсупом. «Слава Господу нашему! — подумал Давид. — Молодец дядя Хануко, предусмотрительный мужик, пригодилась его старая одежда...»

«Ребята как будто боевые, — думал главарь. — Но лучше лишний раз их проверить, всякое может быть...»

Место, где разместились разбойники, было каменистое, лишь кое-где росли кусты ежевики и молодые дубки, да изредка попадалась невесть каким образом выросшая здесь дикая алыча, которая, видно, не особенно нуждалась в поливе. Между двух скал была прорыта пещера, в которой могли разместиться еще столько же людей, если не больше. Спали бандиты на овчине, а для главаря была постелена огромная медвежья шкура. Разбойники не чувствовали недостатка и в посуде.

«Интересно, — думал Давид, — есть ли у них запасная база? Где она? Но людей, видно, больше нет, все налицо. Тем лучше, можно будет взять сразу всех... Но кто из них Али? Спросить нельзя, а называть себя они пока не торопятся, не доверяют...» Всю ночь Давид почти не спал, лишь урывками забывался, но тут же, разбуженный Юсуфом, открывал глаза и ждал. К середине следующего дня вернулся тот, которого, как видно, послали для выяснения. Все подтвердилось. По приказу главаря все собрались у входа в пещеру.

— Ну? — обратился главарь к своему посланцу. — Говори при всех...

Подхожу я вчера к этому Камаху и смотрю, на окраине села один мужик. Я его спрашиваю, мол, ты из этого селения? А он в ответ: мол, зачем тебе знать? Я ему говорю, что хочу повидать своих молодых друзей Дауда и Юсупа. Он вскакивает и бежать. Догоняю и спрашиваю, что, мол, случилось. И знаешь, что он отвечает? Ты, говорит, мил человек, ничего хорошего от этих убийц иметь не будешь, они, говорит, уже год как ушли из селения, убив здесь двоих парней. Это, говорит, не люди, а звери. Вот я и вернулся — думаю, чего их искать, раз они у нас...ха...ха...

Все разбойники засмеялись, а главарь, хромая, подошел к Давиду и Юсупу, пожал им руки и сказал:

— Теперь знакомьтесь со всеми... Это Али — мой верный помощник, этот — Самед, тот — Махмуд, а этот, что пошел и вернулся с Камаха, — Аслан, вон тот... — и хромой продолжал называть своих товарищей, представляя их братьям.

«Неужели это тот самый Али, который убил нашего Илову? — разглядывая бандита, думал Давид. — Нам предстоит это узнать... нам еще многое предстоит узнать...»

Хотя был уже конец февраля и погода не баловала «лесных братьев», все же чувствовали они себя на открытой местности неплохо. Всем, кроме тех, кто стоял в охране, раздали хинкал с мясом, по дольке чеснока и по куску тандырного чурека.

Подозвав к себе Давида и Юсупа, главарь доверительно сказал им:

— Завтра через Дерей-гуш будут проходить русские путешественники, их двое, возможно, с ними будет еще кто-нибудь... Надо будет их остановить, забрать все, что у них есть, а если будут сопротивляться, убить... Поручаю это вам!

«Вот уже и вторая проверка», — подумал Давид, но вслух ничего не сказал.

— Район этот вам известен? — снова спросил главарь, не дождавшись ответа братьев.

— Да, мы знаем где находится Дерей-гуш, — ответил Давид степенно, — а известно примерное время их проезда?

— Нет, знаем только, что завтра, — ответил главарь.

— В таком случае надо будет идти уже сегодня вечером, занять удобную позицию и ждать... — сказал Давид и посмотрел на реакцию главаря.

— Верно, так и сделайте, но будьте осторожны, без надобности не рискуйте, — с хитрецей заметил Хромой.

— Это уж как получится... — неопределенно ответил Давид. — Юсуп, пошли готовиться, скоро в дорогу...

«Как сообщить Фархаду о предстоящей операции? — напряженно думал Давид. — Такого исхода событий мы не предусмотрели... Надо будет действовать по обстановке...»

Где-то на рассвете, когда, по существу, аскеры, охранявшие Дерей-гуш, спали, Давид и Юсуф заметили двух всадников, направлявшихся на юг. Они сразу догадались, что это и есть те самые путешественники, о которых говорил главарь. «Кто же обеспечивает их информацией?» — подумал Давид, однако раздумывать было некогда. Он подсказал Юсуфу, как действовать и, не обнаружив вокруг никого из аскеров, они молниеносно скатились с горки и, оказавшись перед самым носом путешественников, направили на них пистолеты и жестом приказали молчать.

Путешественники от испуга не могли произнести ни слова, они молча сошли с лошадей и последовали за разбойниками в укромное место.

— Вы по-тюркски говорите? — спросил их Давид.

— Да, немножко говорим, мы просим — не убивайте нас, мы путешественники, — ответил один из них, дрожа от страха и оттого, что к его голове был приставлен пистолет.

— Не убьем. Что у вас в мешках? — снова с угрозой спросил Давид, мастерски разыгрывая свою роль.

— Е...еда, о...оде...жда, день...ги на расходы, — снова дрожа и заикаясь, ответил один из них, более словоохотливый. — Прошу вас, забирайте все, но нас не убивайте...

— Да заткнись ты! — пригрозил ему Юсуф. — Не будем вас убивать, сказали же.

— Ну, а теперь немедленно давайте ваши мешки. — Давид и Юсуф быстро развязали мешки, взяли то, что посчитали нужным, собрали все это добро в два мешка и навьючили на одну из лошадей.

— А лошадь куда? Умоляем, не забирайте ее, как же мы без второй лошади? — спросил словоохотливый.

— Ничего с вами не будет, купите другую! — пригрозил ему Юсуф, и тот умолк.

— И не вздумайте, пока мы поблизости, кричать! — пригрозил им Давид. — Прибыю, как собак.

— Хорошо, хорошо, не будем, — горячо заверил второй, который был, видно, очень рад, что их оставили в живых.

Пока путешественники собирали разбросанные вещи, несколько удивляясь тому, что разбой-

ники оставили им и часть денег, и оружие, Давид и Юсуф отошли к урочищу Рубас-чая, в тайнике оставили для Фархада сообщение о встрече и, не мешкая, двинулись к своей базе.

А путешественники, терпеливо прождав некоторое время, подняли такой шум, от которого могла проснуться не только охрана наиба, но и мертвые. Подбежавший к ним Ахмед-богатырь со своими аскерами был удивлен, что под их носом ограбили русских путешественников и, слава Аллаху, не убили их. Он набросился вначале на тех, которые стояли в охране, потом стал спрашивать самих потерпевших. Ахмед-богатырь понимал, что, при всей дружбе, наиб ему такого не простит, и решил сделать все, чтобы загладить случившееся. Он отдал путешественникам своего коня, деньги, о которых они говорили, еду на первое время и попросил их о случившемся молчать. Увидев такое отношение к себе, те пообещали никому ничего не говорить и, поблагодарив этого доброго богатыря, двинулись в путь.

Однако скрыть этот эпизод не удалось. Недаром горцы говорят, что утренний крик слышат не только люди, но и горы. Весть о путешественниках дошла и до наиба и ввергла его в такой шок, что тот не находил себе места. Предупредив своего осведомителя, чтобы тот не смел рассказывать об этом даже своей лошади, наиб вскочил на своего иноходца и поскакал к злосчастному ущелью Дерей-гуш, которое в последнее время стало камнем преткновения, средоточием разбойников. Выяснив все обстоятельства, наиб вначале удивился, что бандиты не убили путешественников, затем обрадовался благородному поступку

своего друга Ахмеда-богатыря и дал указание немедленно выпороть двух проспавших охранников, но, чтобы не поднимать шума, не стал прогонять их из сотни. «Не убив их, — думал наиб впоследствии, — бандиты делают мне предупреждение. Коварный хромой пес не простит мне убийства одноглазого... Но ничего, я тебя все равно накрою... хватит...» Конечно, о случившемся наиб правителю не сообщил, скрыл, в надежде, что тому без его ведома никто не посмеет об этом рассказать, однако он просчитался. Мало того, правителю доложили об этом инциденте настолько подробно, в таких деталях, что о некоторых из них не было известно и самому наibu. Правда, случилось это много позже, накануне последовавших затем тревожных событий. И это спасло удачливого наiba от жестокого выговора.

Тем временем бандиты праздновали победу. Больше всех был доволен Хромой — не только тем, что утер нос изменнику наibu, но и тем, что его отряд пополнился такими бесстрашными и неглупыми бойцами. Привезенную еду тут же съели, одежду разделили между теми, у кого она поизносилась, а деньги Хромой забрал себе. Лошадь же отдал своему помощнику Али, приказав ему отвести ее к другим, спрятанным в известном им месте.

«Где же это место? — думал Давид. — Надо бы об этом узнать...»

Не знал, не ведал наиб, что Хромой не только не простил его, но задумал страшную месть. Не доверившись своим «лесным братьям», Таиб вместе с Али установили за домом наiba круглосуточное наблюдение и в то время, когда наиб по вызову правителя отправился к нему, они, по сигналу

осведомителя, среди бела дня ворвались в его дом и на глазах больной сестры убили ее пятнадцатилетнего сына.

Крик женщины потряс всех соседей, и сразу же к дому наиба сбежались сельчане. И их взору открылась страшная картина: в луже крови, прижав голову мертвого сына к груди, сидела и рыдала обезумевшая от горя мать.

Эта страшная новость потрясла не только наиба — она привела в ярость самого правителя, он вдруг по-настоящему осознал, что разбойники-гачаги представляют в его владениях серьезную угрозу. Кроме того, сам факт нападения на дом хитроумного наиба свидетельствовал о том, что разбойники за что-то сильно невзлюбили главаря его сотни, и о том, что тот совершил нечто из ряда вон выходящее, что бандиты ему не простили. Но ни спросить об этом наиба, ни разузнать об этом в данной ситуации правитель пока не мог.

Все попытки наиба узнать у сестры подробности трагедии не дали никаких результатов, так как женщина вначале потеряла речь, а потом и жизнь. Таким образом, из его дома в течение одной недели вынесли и похоронили двух близких ему людей.

По приказанию правителя на разбойников начались повсеместные облавы, как в свое время были организованы они на шакалов. Сотни людей из всех селений владения Рустам-кади в течение нескольких дней обшарили леса, горные проходы, тайные урочища, но напасть на след кучки негодяев не смогли. Так, в очередной раз попытка найти разбойников не дала никаких результатов, хотя охотники за гачагами дважды прошли мимо их искусно замаскированной пещеры.

Когда опасность миновала, главарь разрешил всем выйти из своего логова и снова заняться обычным делом. Давид и Юсуф понимали, что были на краю гибели, но, благодаря Господу, все обошлось. Теперь, считали они, необходимо в короткий срок решить свою главную задачу, сделать то, ради чего они рисковали своей жизнью. Побывав в тайнике, они узнали и о том, что Фархад к месту встречи приходил, их не нашел, но оставил сообщение, что будет приходить в установленное место через каждые два дня. Значит, завтра он будет на месте. Но как отвлечь от себя внимание «лесных братьев», как уйти на встречу с Фархадом незамеченными — они не знали.

Все решилось совершенно неожиданно. На следующее утро Хромой озабоченно подозвал к себе Давида и поручил ему принести в отряд свежего мяса. Давид очень обрадовался заданию, но радости своей не выдал, а лишь попросил главаря дать ему в помощь Юсуфа. И когда тот выразил согласие, они тут же отправились на выполнение задания.

Было начало марта. В лесу появились островки зеленой травы, стволы деревьев почернели, первыми набухли почки миндаля, синью заблестели на солнце анютины глазки, под стать им заявила о себе желто-белая медовуха. Словно от долгого сна, пробуждалась природа. За время своего пребывания с бандитами Давид и Юсуф научились ходить так осторожно, бесшумно, что их сигнал о приближении показался Фархадуг неожиданно.

Встретились душевно, как братья. Сперва обо всем подробно рассказали Давид и Юсуф, в том числе и о том, как напали на путешественников, как затем обманули главаря...

— Я сразу понял, что это были вы, — оборвал друга Фархад.

— Каким образом? — удивился Давид. — Никаких следов мы там не оставляли.

— Правильно, следов и не было, но почерк... — улыбнулся Фархад. — Во-первых, вы их не убили, во-вторых, забрали только одну лошадь, в-третьих, оставили им часть денег и оружие. Никто из этих убийц и головорезов не мог так поступить, — только вы. Вот я вас и вычислил.

— Да, верно, мы об этом как-то не подумали, — сознался Давид и стал рассказывать о нападении на дом наиба.

— Ты знаешь, Давид, я все больше убеждаюсь, что наиб был связан с бандитами, но когда правитель, под давлением действий дяди Хануко, стал требовать от наиба для показухи уничтожения хотя бы одного из них, дело приняло неожиданный оборот. А теперь они мстят наibu...

— О их последнем варварстве и мы ничего не знали, — заметил Юсуф. — Мы, конечно, замечали, что они с Али ночами исчезали, но вот куда... оказывается, они задумали это зверство, жестокую месть наibu. Теперь они устроили охоту и на самого наиба... Хромой не простит ему смерти друга.

— Дядя Хануко спрашивает, не пора ли накрыть бандитов? — спросил Фархад, закончив рассказ об Ихииле, Истир и о семье ковхо.

— Еще несколько дней — и мы приступим к осуществлению и этой задачи, — заверил его Давид. — Надо мне разобраться в том, кто убил отца и где они его спрятали...

— Не тяните, время не ждет, с юга надвигаются черные тучи, шах Ирана зверствует... — стал убеждать друзей Фархад.

— Ты же говорил, что наиб приказал их живыми не брать, — напомнил Давид, — как же мы тогда узнаем об отце?

— Да, ты прав, но не тяните...

— Нам бы сейчас найти хоть одного барана... — заметил Юсуф. — Нас же за свежим мясом послали...

— Искать не надо, — улыбнулся Фархад, — я догадался, что он вам понадобится, вот я его и притащил сюда...

Они подошли к пасущемуся барану и, услышав голоса, спрятались в чаще. Двое сельских мальчишек, забыв об осторожности, пришли сюда пасти двух своих исхудавших за зиму баранов. Хотя это было и жестоко, они решили, что Давид и Юсуф выйдут из укрытия и, напугав мальчишек, прогонят их с овцами прочь, а Фархад с другой стороны встретит мальчишек, успокоит их и проведет в село. Так и поступили.

Однако, завидев бородатых людей с пистолетами за поясом, мальчишки подняли крик и, забыв об овцах, бросились наутек. А Давид и Юсуф, прихватив своего барана, быстро ушли в обратном направлении. Когда мальчишки увидели шедшего им навстречу Фархада, они успокоились, но продолжали всхлипывать.

— Что случилось, почему вы плачете? — сочувственно спросил Фархад, будто ничего не знал.

— Т...там д...двое бан...дитов, — заикаясь и продолжая плакать, заявили мальчишки, показывая в сторону, куда ушли Давид и Юсуф. — О...они, на...верное, забрали наших о...овец...

— Не беспокойтесь, — заверил их Фархад, — я сейчас найду ваших овец, — и пошел на их поиски.

И действительно, совсем рядом, в нескольких шагах, овцы спокойно щипали молодую травку. Мальчишки успокоились, хотели было отогнать овец домой, но Фархад посоветовал им остаться и продолжать пасти своих овец, а он, мол, будет пока здесь рядом и никому в обиду их не даст. Фархад знал, что вот-вот должны были подойти его аскеры, поэтому сел рядом с ребяташками, заговорил об их образе жизни и стал ждать. Вскоре подошли его аскеры, и вместе с Фархадом они направились в сторону, куда около получаса назад ушли Давид и Юсуф.

Возвращение посланцев с бараном было встречено «лесными братьями» восторженно, а главарь, обычно скупой на похвалу, выразил братьям благодарность. Барана тут же зарезали, освежевали и, вопреки традиции, большую часть использовали на шашлык. Откуда-то из тайника на свет появился даже кувшин с молодым сухим вином прошлогоднего урожая. Хотя главарь и не поскупился на выпивку, все же он строго предупредил свою команду не напиваться, сохранить свежую голову, памятуя, что взбешенный последней выходкой «лесных братьев», наиб мог появиться в этих краях с аскерами в любой момент. Охране было дано указание держать ухо востро, чтобы в любой момент предупредить об опасности.

— За упокой души нашего бывшего главаря и за здоровье нашего Таиба! — произнес тост Али, и все выпили.

Шашлык получился отменный. А может быть, он показался таковым, поскольку все были голодны. Хромой к выпивке не притронулся. Давид не раз замечал, что главарь к вину был безразличен и не жаловал тех, кто употреблял его

часто и помногу. Однако настроение у всех было приподнятое, и все ждали, что в честь такого обеда главарь заговорит и выскажет какое-нибудь интересное предложение. Вместо этого главарь встал и пошел в пещеру отдыхать. На этот раз Али не проводил его до входа, как всегда, а остался сидеть со всеми — видимо, это было обговорено ими заранее.

В этот момент в небе пролетели журавли, сопровождая свой полет характерными гортанными звуками. Все подняли головы, провожая журавлиный клин, а захмелевший Али неожиданно, глядя на Самеда, воскликнул:

— А вот и журавли Авшалума, ха...ха...

Засмеялся и Самед. Услышав имя отца, Давид встрепенулся, но сразу взял себя в руки, поняв, что Али и Самед и есть те негодяи, которые повинны в смерти отца. От волнения Юсуф взял в руку деревянную ложку и, сам того не замечая, разломил ее между пальцев.

— А что это за Авшалум? — с безразличием спросил Давид вставшего на ноги Али.

— Да недавно у нас была встреча с одним евреем, он вез зерно на мельницу. Мы его попросили дать нам мешок зерна, а он начал артачиться, мол, я вам малость отсыплю... — сказал Али.

— Мы случайно проговорились, что его сына убили мы, вот и пришлось его тоже убить и забрать оба мешка, да еще и лошадь в придачу, ха...ха... — смеясь, добавил Самед.

— А перед этим он просил помолиться, мы ему разрешили, конечно, — заметил Али. — Когда он кончил свою молитву, так же, как сейчас, пролетали журавли, он и обратился к ним, мол, передайте от меня привет семье...ха...ха...

Давид подошел к Али, взял его за плечи, и, улыбаясь, тихо предложил ему:

— Сегодня, когда мы пошли за бараном, около мостика Рубас-чая видели двух молодых женщин — может, сходим, попользуемся вчетвером: я, ты, Самед и Юсуп.

— Тихо, — остановил его Али и жестом подзывал к себе Самеда. — Дауд предлагает интересное дело с женщинами, может, незаметно сможемся?

— А чего, я готов! — сразу отозвался Самед. — Давай сейчас, пока Хромой отдыхает, сразу и пойдем.

— Мы тут недалеко, — предупредил Али остальных и двинулся в указанную сторону.

Давид кивком дал знать Юсуфу, что Али он берет на себя, а Самеда по его команде должен успокоить Юсуф. Тот, так же кивком, дал понять брату, что все понял. Шли быстро, и недалеко от мостика остановились. Хотя предвкушение попользоваться неосторожными женщинами и торопило бандитов, все же они не чурались и мер предосторожности.

— Ну, где эти женщины? — шепотом спросил Али. — Далеко еще?..

— Да нет, вон там... — левой рукой показал Давид, и когда бандиты повернулись в ту сторону, Давид и Юсуф подняли с земли по увесистому голышу и со всей силы одновременно ударили Али и Самеда по голове. Оба удара были неожиданными и настолько сильными, что бандиты, потеряв сознание, упали на землю.

Давид и Юсуф крепко связали полуживых бандитов по рукам и ногам, вложили в их слюнявые рты по кляпу и стали ждать, когда те придут в себя. Первым очнулся Самед.

— Я сейчас вытащу кляп из твоего грязного рта, а ты, если хочешь жить, скажи, где вы спрятали Авшалума. Если издашь громкий звук, я тебя сразу убью, — пригрозил ему Давид, приставив к горлу острый кинжал.

Тот кивнул в знак согласия. И когда Давид освободил его от кляпа, Самед сразу заговорил:

— Что это за шутки, ребята? Развяжите сейчас же!

Но когда острое кинжала вошло ему меж ребер, бандит понял, что с ним не шутят.

— Вас же тоже убьют, все же видели, что мы ушли вместе... — стал он угрожать, оттягивая час расплаты.

— Даю тебе три секунды. Если не скажешь, кинжал окажется в твоём сердце, — пригрозил Давид и стал считать: — Раз, два...

— Я скажу, — сразу струсил Самед и взглядом показал на дерево в двадцати шагах. — Вон, под тем деревом...

— Юсуф, присмотри за ним, — попросил брата Давид и кинулся к указанному дереву. Разбросав листья, он сразу нашел не до конца засыпанную яму, а когда выбросил несколько пригоршней земли сверху, в нос ему ударил запах разлагающегося трупа... Давиду стало малость не по себе, но он, пересилив себя, поднялся на ноги и направился к брату. По его побледневшему лицу, по нервно трясущимся желвакам, Юсуф понял, что брат нашел отца.

Тем временем пришел в себя и Али. Выпучив глаза, он смотрел на своих мучителей и ничего не мог понять.

— Вот что, брат, — обратился Давид к Юсуфу на своем языке, — беги к дяде Хануко, возьмите

подводу, еще несколько человек и возвращайтесь, будем решать, что делать с телом отца... И еще... надо немедленно сообщить Фархаду, пусть со своими прибудет сюда...

— А эти? — Юсуф показал на связанных бандитов.

— С этими я разберусь к вашему возвращению, — ответил Давид. — Не задерживайся, беги!

Когда Юсуф побежал в сторону Аба-Сово, Давид обратился к Али:

— За что вы убили моего брата?

— Какого брата? — не понял Али.

— Сына того самого Авшалума, которого вы убили и бросили вон в ту яму?

— Он сам виноват, — стал оправдываться негодяй, поняв теперь, кто перед ним стоит, — стал кричать «Али», вот Самед и сбросил его со скалы.

— А отца за что убили? За мешок зерна? — вскипел Давид. — Нет, вы жизни не заслуживаете! Смерть вам! Но прежде скажи, где лошади, где вы их прячете? Говори!

— В низовьях Рубас-чая, в камышах, — признался бандит. — С ними пастух, наш человек...

— Вот и хорошо, — сказал Давид и подошел к Самеду: — Теперь твоя очередь.

— Не убивай меня, я ни в чем не виноват, — стал просить Самед, словно куль, упав головой к ногам Давида. Этот убийца, который зверски издевался над своими жертвами, теперь плакал, умоляя о прощении. А ведь сам никого не щадил.

— А ведь ты просчитался, негодяй, — с издевкой заметил Давид. — Журавли действительно донесли до его детей весть об отце... А ты смеялся, не поверил...

Давид подошел ближе к Самеду и с ненавистью, одним ударом вонзил кинжал в то место, где находится сердце... А когда с окровавленным кинжалом подошел к Али, тот тоже стал плакать и молить о прощении. Но Давид, словно ангел смерти Азраил, был неумолим. Убить этих бандитов, очистить землю от убийц своего брата и отца, исполнить данную им клятву он считал своим священным долгом. «О, Господь, Бог наш! Во имя великой справедливости я пред Тобой лишаю это животное жизни!»

— Кто сообщил вам о том, что Авшалум едет на мельницу? Если хочешь жить, скажи! — приказал Давид плачущему Али.

— Я скажу, только не убивай, — взмолился Али, — осведомитель нашего главаря, из селения Аба-Сово, зовут его Евдо... Он попался на краже, и его вынудил наиб, будь он неладен...

— На какой краже его поймали аскеры? — допытывался Давид.

— Кажется, он украл у своего соседа быка, — теперь уже обливаясь потом, ответил Али.

— А за что вы моего отца убили? — с яростью спросил Давид и, не дожидаясь ответа, также одним ударом убил и второго негодяя. Затем разрезал их путы, оттащил обоих на вершину холма и сбросил их на съедение шакалам на дно той самой долины, где эти разбойники не раз издевались над ни в чем не повинными людьми.

«Евдо... — думал тем временем Давид, — этот предатель, негодяй, вечно завидовал отцу... отец говорил однажды, что еще до него он хотел жениться на матери, но та ему, вору и лентяю, отказала... Надо же, так ненавидеть... Ничего... ты примешь позорную смерть, ты будешь приговорен судом джамаата...

Через два часа двадцать аскеров во главе с Фархадом, который вначале тайно встретился с Давидом и получил у него план лагеря бандитов, окружили разбойников и всех до единого уничтожили. Дольше всех сопротивлялся Таиб, хромой изверг, но меткий выстрел Фархада успокоил и его. Загрузив подводу трупами бандитов, Фархад и его команда двинулись к дому находящегося в трауре наиба, чтобы доложить ему, что владения Рустам-кади теперь уже от разбойников очищены. Не знал Фархад, что операция возмездия, которую они осуществили под руководством Хануко бен Шолума, пришлась как раз на канун событий, которые потом уже лишили бы их такой возможности.

Глава 8

В тот же субботний день, когда к дому наиба подъехала набитая трупами разбойников арба, Мухтар сидел на веранде своего теперь уже осиротевшего дома и пил чай. Его одолевали невеселые думы. Впервые за восемь лет, прошедшие после его нелепой выходки — убийства жены, он засомневался в правильности своего злодеяния. «Связи с вдовушками довольно интенсивны, — думал он, — но ни одна из них почему-то за все эти годы не забеременела. Может, и жена не могла зачать не по своей вине, а виновником был я сам? Жаль и племянника, по существу, сыном был. Рос крепким и смышленным парнем... — на глаза навернулась слеза. — Не будет пощады, нет, не будет... И правитель чем-то недоволен, и его ошеломило это убийство...»

— Наиб эфенди! К вам приехали, — неожиданно заявил охранник-аскер, прервав ход его невеселых дум.

— Кто? — не поднимаясь, недовольно спросил он.

— Там Фархад и аскеры, много людей, наиб эфенди...

— Так пусть заходят, — поднявшись, распорядился Мухтар, — чего там стоять?

— Они просят вас выйти к ним, — замялся охранник, — там и арба какая-то...

Надвигались вечерние сумерки.

И когда наиб вышел за ворота, взору его предстала странная картина: двадцать вооруженных аскеров во главе с Фархадом стояли строем, а чуть поодаль — накрытая овчинами арба.

— Все они здесь, наиб эфенди, — доложил Фархад, словно продолжал давно начатый разговор, и показал в сторону арбы.

— Кто «они»? — не понял наиб.

— Разбойники-гачаги, все до единого, — ответил Фархад и подвел наиба к арбе. — Смотрите...

Наиб поднял одну из овчин, потом вторую — и в свете луны сразу узнал хромого Таиба, которого видел всего один раз. Потом, брезгливо бросив овчину назад, обрадованно спросил:

— Как же это тебе удалось, сынок?

— Мы их нашли, окружили и всех уничтожили. Более подробно расскажу потом. У нас потерь и раненых нет... — четко, отрывисто, по-военному отвечал Фархад. — Разрешите отпустить людей, уважаемый наиб?

— Да, Фархад, спасибо за подарок! Никогда не забуду, сынок! — тепло говорил наиб, обнимая Фархада. Потом спохватился и обратился к аскерам. — Спасибо, братья, вы принесли лекарство от моей незаживающей раны... езжайте по домам, отдыхайте...

Наиб еще раз горячо обнял Фархада за плечи и повел в дом.

— Ну, рассказывай, дорогой, как тебе это удалось?

И Фархад, утаив имена подлинных героев, как это было обговорено заранее, рассказал наибу, как они, мол, случайно выследили одного бородастого незнакомца, незаметно пошли за ним, а ког-

да дошли до их логова, он послал за подмогой двоих своих аскеров, а затем, окружив разбойников, убили всех восьмерых, а хромого Таиба, их главаря, хотели взять живым, но он отбивался до последнего, пришлось и его убить.

— Молодец, сынок, я в тебе не ошибся, с этого дня ты будешь моим вторым заместителем и плату будешь получать соответственно, — решительно заявил наиб и неожиданно добавил: — Едем к правителю, для него это будет великой радостью!

Приехав к Рустам-кади, они спешили. Наиб приказал арбу с трупами оставить за воротами, и вместе с Фархадом они поднялись по лестнице к правителю.

— Что случилось, Мухтар? — удивленно спросил правитель, заметив рядом с наибом и Фархада.

— Все разбойники ваших владений, уважаемый правитель, уничтожены, — впервые за последние дни улыбнувшись, доложил наиб.

— Где доказательства? — недоверчиво спросил правитель. — Это не очередное бахвальство?

— Нет, уважаемый правитель, — ответил наиб, — доказательство — за вашими воротами, в арбе...

— Эй, охранник! — позвал правитель старшего охраны, и когда тот явился, приказал: — Пойдите за ворота и посмотрите, что там в арбе...

Установилась неловкая тишина. Правитель, не стесняясь, в упор разглядывал осунувшееся, заросшее щетиной лицо наиба и молодцеватого Фархада, смущенно опустившего голову.

— В арбе, уважаемый правитель, трупы, их девять... — доложил старший охраны.

— Вы уверены, что там все эти негодяи? — снова спросил правитель.

«Да-а... — подумал наиб, — второй раз за этот вечер правитель выказал ко мне недоверие. Плохо, очень плохо! И всему этому я обязан купцу, вечно недовольному джууду Хануко, его постоянным доносам... Ничего, Аллах даст случай, за все рассчитаюсь... Я ничего не забыл, с детства помню...» А вслух сказал совсем другое.

— Да, уважаемый правитель, — подтвердил наиб и, показав на Фархада, добавил: — И этот подвиг совершил Фархад со своими аскерами.

— Вот как? — обрадовался правитель и, встав со своего кресла, пожал Фархаду руку. — Я рад еще раз отметить твои успехи, сынок. Моя награда, надеюсь, будет дополнительной? — взглянув на наиба, полувопросительно сказал Рустам-кади.

— Да, уважаемый правитель, — ответил наиб, — с вашего разрешения, он станет теперь моим вторым заместителем...

— И это все? — хитро улыбнулся правитель.

— Соответственно, оплата и подарки, — тоже улыбнулся наиб.

— Ну, в таком случае пошли пить чай, а ты, Фархад, расскажи подробнее, как удалось перехитрить этих гачагов, которые долгое время не давали нам покоя.

И Фархад, во второй раз, поведал правителю об истории окружения и уничтожения разбойников.

— Очень ты меня обрадовал, сынок, — заметил правитель, обращаясь к Фархаду, — теперь есть что дополнительно сообщить русским генералам, да и другие прекратят жаловаться... Самое время, ибо надвигаются тревожные времена...

Не вдаваясь в подробности, Рустам-кади тепло попрощался с Фархадом, подарив ему платок для матери и отправив со слугой упитанного бычка к нему домой. Не продешевил и наиб. Пригласив на обратном пути Фархада к себе домой, он преподнес ему серебряный браслет работы кубачинского мастера и трех ягнят редкой каракулевой породы.

— Ты заслужил, дорогой, бери на здоровье! — наиб еще раз обнял Фархада.

По приказу правителя трупы бандитов в течение суток были представлены на всеобщее обозрение, а на следующее утро были отвезены за село и захоронены в одной яме. Большого они не заслуживают, решил правитель.

Фархад же, окрыленный свалившейся на него удачей, утром следующего дня торопился в ущелье Дерей-мар, к своему шалашу, где его должна была дожидаться Истир. С каждым днем его чувства к этой красивой и трудолюбивой девушке росли и крепили. Сегодня он решил подарить ей этот редкий браслет и сказать милой, очаровательной Истир самые сокровенные слова любви, выразив надежду, что она станет ему верной подругой жизни. Да, Фархад был уверен, что любит ее, и надеялся, что это чувство взаимно. Но о том, как будет выглядеть все это в будущем, как, вопреки адатам и шариату, они — иудейка и мусульманин — соединят свои судьбы, он не знал и пока не думал...

Случилось так, что, словно по зову бьющихся в унисон сердец, они одновременно вошли в шалаш, и Фархад, поглядев на раскрасневшуюся Истир, впервые, не сдержав порыва, прижал ее к себе и нежно поцеловал в голову.

— У меня сегодня особый день, Истир, — улыбаясь, признался ей Фархад. — Так случилось, что все лавры твоих братьев достались мне...

— Что же такое случилось? — нехотя отстранившись от Фархада, спросила Истир. — Я прибежала на несколько минут, ты же знаешь...

— Меня повысили в должности, дали много подарков, а вот это я дарю тебе... — и Фархад стал надевать на руку девушки браслет.

— Ой, какой красивый! — восхитилась Истир, разглядывая подарок, но потом вдруг спохватилась и в задумчивости спросила:

— А что я скажу своим братьям, когда они увидят этот браслет на мне?

Фархад задумался. В самом деле, как будет выглядеть его подарок девушке, которая не является ему ни невестой, ни женой? Нет, так нельзя. И Фархад вдруг нашелся:

— Знаешь что, я все равно часа через два обязательно приду на захоронение дяди Авшалума, потом зайду к вам и там, в присутствии твоих братьев, как награду им самим, преподнесу тебе браслет, будто от нас троих...

— Так можно, — согласилась Истир. — А теперь и я расскажу тебе об одном случае, который не дает мне покоя вот уже второй год...

— Что за случай? — с удивлением спросил Фархад.

— Подожди, не перебивай, времени и так в обрез, — попросила Истир и продолжила: — Помнишь, у старика Шумина от непонятно какого отравления одновременно умерли сын и его красавица жена?

— Да, конечно, помню, как такое можно забыть, — ответил Фархад.

— Их тогда нашли мертвыми на дороге, недалеко от нашего селения, — продолжала Истир. — Так вот, месяца за три до этого я видела, как наиб приставал к ней, застав ее одну у родника, как она отбивалась, вырывалась из его грязных рук, и лишь мое появление спасло ее от насилия... Но я слышала, как наиб пригрозил ей...

— А наиб тебя узнал? — с тревогой спросил Фархад.

— Не знаю... я была далеко, но крикнула этому бандиту, чтобы он отпустил ее... — чуть побледнев, ответила Истир. — Я тоже быстро ушла, заметив, как эта бедная женщина, вся в слезах, убегает... а через три месяца ее вместе с мужем нашли мертвыми... — закончила она свой печальный рассказ. — Нет ли здесь связи?

«Да-а... — думал Фархад, — повсюду следы этого подонка, ни перед чем не останавливается ради своей прихоти, своей выгоды... Лучше бы вначале бандиты убили его... теперь еще и Истир в опасности... нет, не дай Аллах, тогда я его сам придушу...»

— Прошу тебя, не высвечивайся, — с мольбой в голосе произнес Фархад. — Наиб — страшный человек, от него всего можно ожидать...

— Я не хотела, но вот месяц назад я с ним снова встретила. Будто судьба свела... — призналась Истир.

— Как? — вскричал Фархад. — Наиб трогал тебя?!

— Нет, успокойся, — ответила Истир, — я пошла к нашему роднику за водой и вначале направилась к нашему шалашу. Вдруг услышала крик, побежала с кувшином к роднику — и вижу, как наиб тискает мою подругу. Я опустила платок на лицо,

чтобы он меня не узнал, и крикнула что было сил: «Эй, ты, отпусти девушку, а не то все село подниму!..» Он выругался, но подругу отпустил. Прямо изверг какой-то...

— Ты с ума сошла, — вскричал Фархад и схватил Истир за руку, — я же без тебя дня не проживу...

Истир, не отнимая руки, виновато сказала:

— Прости. Но мне надо уже идти, люди уже ждут... — Истир нехотя отняла руку и собралась уходить.

— В каком платке ты тогда была, в синем? — неожиданно спросил Фархад.

— Да, но с тех пор я этот платок не ношу... — опустив голову, призналась Истир.

— И правильно делаешь, он поручил мне найти девушку в синем платке... Ты знаешь, что это значит?.. Берегись, он никому своих обид не прощает... — Фархад снова взял ее руку и, взглянув ей в глаза, тихо сказал:

— Я так много хотел тебе сказать... — и, отпуская ее, нежно добавил: — Я понимаю, иди, дорогая...

Истир подняла голову, и он увидел обращенный на него полный тепла и нежности лучистый взгляд. Потом она повернулась и, прихватив полный кувшин с водой, быстро пошла в сторону дома.

До захоронения Авшалума Фархад решил навестить своего заболевшего аскера и потому направил коня в селение Митаги. И уже у самого выезда из Аба-Сово встретил Давида. Фархад спешился, приветливо обнял друга и, не дожидаясь его вопроса, сказал:

— Буду вовремя, проведу одного нашего больного аскера в Митагах и скоро вернусь...

— Ты прямо светишься, — улыбаясь, заметил Давид, — что-нибудь случилось?..

— Есть причины, — не стал вдаваться в подробности Фархад. — После печальной церемонии встретимся у вас дома, расскажу...

Поскольку все предусмотренные адатом ритуалы по умершему отцу дети справили в те дни, когда он исчез, не вернувшись домой, то по указанию раби Шолума было решено в доме умершего никаких посиделок не устраивать, ограничиться лишь отпеванием его в синагоге.

Для этого были и другие причины. Дело в том, что, обнаружив вчера труп отца, Давид и прибывшие с Юсуфом родственники и друзья решили его не трогать, ибо от доступа воздуха и от времени труп стал разлагаться и чернеть. Хотя яма оказалась песчаной и вытекавшая из трупа влага ушла в сухой песок, все же он распространял смрадный запах и нести его в таком виде было не только нецелесообразно, но и невозможно. Поэтому было решено оставить его здесь до воскресного утра, смастерить за ночь носилки, выстлать их куском белого сатина, положить труп на него, а сверху, накрыв другим куском той же материи, зашить по краям, получив, таким образом, видимость савана. А утром, подняв носилки на плечи, отсюда же отнести их на кладбище и там, при скоплении народа, предать тело земле.

Так и сделали. Похоронив Авшалума по всем предусмотренным в таких случаях адатам, собравшиеся близкие, пустив скупую мужскую слезу, поцеловали камень в изголовье его могилы и собирались пойти в сторону синагоги, когда раби Шолум жестом поднятой руки остановил людей и громко произнес:

— Джамаат! Сегодня утром стало известно, что среди нас более года находился изменник, предатель, вор и богоотступник. Во имя спасения собственной шкуры от справедливого суда за то, что украл единственного быка у своего соседа, семью которого он оставил голодать всю зиму, он предавал нас, своих единоверцев, врагам нашим, разбойникам-гачагам. По существу, руками этих же гачагов он убил Авшалума, тело которого мы только что предали земле. Вот он, Евдо, — раби Шолум протянутой рукой показал на сторбившего от этих обвинений, побледневшего человека. Заметив, что тот ищет лазейку, чтобы сбежать, раби Шолум, еще раз указав на него, крикнул: — Не дайте ему уйти, сбежать от суда нашего!

Неожиданно преступник оказался в плотном кольце своих односельчан, которые в эти минуты готовы были разорвать его на части.

— Он повинен, — продолжал раби Шолум, — в том, что давал сведения, раскрывал секреты села гачагам, определял, кого ограбить в очередной раз; он не пожалел даже малолетних внуков старика Шумина. Он передавал нашим врагам все, о чем мы здесь говорили, он долгое время жил за наш счет, смеялся нам в лицо, а потом исподтишка, из-за спины вонзал в нас свой нож.

Среди собравшихся прошел шепот возмущения, раздались голоса: «Смерть ему!», «Смерть».

— Поскольку здесь присутствует представитель власти, — раби Шолум показал на Фархада и, как было заранее обговорено, продолжил, — есть предложение передать его в руки правосудия...

Фархад приказал находящимся рядом двум своим аскерам арестовать преступника и отвести того к зиндану. Он понимал, что передать

этого иуду наibu равносильно его освобождению, поэтому не знал пока, какое принять решение.

Тем временем люди отправились в синагогу.

Естественно, всех, желающих присутствовать при этой церемонии, небольшое помещение синагоги вместить не могло, поэтому многие разместились во дворе, под большой раскидистой чинарой.

И в то самое время, когда одни прихожане рассаживались на длинных, без спинок, накрытых где овчиной, а где и старыми паласами, скамейках внутри помещения, другие — на таких же скамейках, но уже без покрывал, во дворе под деревом, а раби Шолум еще не успел подойти к амвону, со стороны дома сварливого Миши бен Донила раздался такой душераздирающий вопль, что все невольно всполошились и повернули в ту сторону головы. Затем крик сменился громкой руганью и речетативом всяческих проклятий. И лишь после всего этого со двора, словно гончая, семеня, выбежал старый Миши и, в знак наивысшего возмущения выкинув вперед руки, кинулся к месту сбора людей.

— Когда это кончится?! — вопрошающе вскричал он. — Я вас спрашиваю, уважаемый ковхо? — обратился он с возмущением уже к раби Шолуму. — Не вы ли давеча говорили, что разбойников всех уничтожили? — и, не выслушав ответа, с пеной у рта продолжил: — Как же уничтожили, если только что украли моего ягненка? — и Миши стал плакать.

— Успокойтесь, уважаемый Миши, — призывал его раби Шолум к выдержке, — объясните, в чем дело.

— Что объяснять? — снова взорвался Миши, который за несколько секунд до этого начал было успокаиваться. — От ваших обманных речей мы и уши развесили, мол, все теперь спокойно, гачагов убили. Где же убили, если опять украли ягненка? До каких пор это будет продолжаться? — и Миши снова стал плакать.

По собравшимся прошел гул. Заговорили все разом. И хотя все были верующими, у каждого из них вера эта мерилась величиной чистоты собственных помыслов и деяний. Так уж устроен человек: если один верит от всего сердца и без оглядки, — другой даже в желтке яйца ищет случайный волос; если один живет скромно, можно сказать, даже бедно, но никому и никогда не завидует, — у другого, как говорится, «зоб полон, а глаза голодны», все норовит чужое сосчитать; если один — что полный колос на ниве, склоняется, как голова мудреца, — другой — словно пустая чинара: форсу много, но ни тени, ни дара.

— В самом деле, жалко мужика, — сказал кто-то, — второй раз обкрадывают...

— Конечно, когда у самого полно, чего о других думать, — уже с намеком сказал другой.

— Мало ли что говорят, нечего рот разевать... — высказался третий.

— Ради своего авторитета людей обманывать не стоит... — говорит четвертый и исподлобья смотрит в сторону раби Шолума.

— Чего глупость-то пороть?! — возмущается пятый. — Никто никого не обманывает, я сам видел...

И на этой волне разноголосицы и разногласий, поддевок и поддержки, возмущения и благоразумия вдруг со стороны того же дома, где исчез зло-

получный ягненок, раздался радостный возглас восьмилетнего внука возмутителя спокойствия:

— Дедушка! Дедушка! Наш ягненок нашелся!..

Миши встрепенулся, встал с услужливо предложенной ему скамейки и, семеня усталыми ногами, кинулся навстречу внуку.

— Где же он был, позор на мою голову?! — не то спросил, не то рассердился старик на самого себя.

— Там, на опушке... — показал внук в сторону небольшого леса, — травку щипал...

Инцидент был исчерпан, а желчь, как и ложка дегтя в бочке меда, все же дала о себе знать. Для того, у кого совесть чиста, ничто не изменилось, он по-прежнему смотрит и говорит без утайки, — а другой глаза прячет. Нет, не потому, что стесняется, что совесть проснулась. Нет, совсем не поэтому, а так, чтобы на некоторое время сойти со сцены, стать незаметным, отползти гадюкой, чтобы в следующий раз, при удобном случае, снова, укусив, пустить яд.

Люди расселись по своим местам, а раби Шолум, поднявшись на амвон, начал громко и внятно читать поминальную молитву «Кадиш» по случаю захоронения несчастного Авшалума.

«Етгадад ветгадаш шами рабо ба-алмо ди боро хирь-ути, ваямних, мальхути, ваясмах, фурыгони вигорив машихи, бахаюхин, ув-юмхин увхае дахол бит исроил ба-аголо убизман горив ваимфу омин. Я-е шами рабо маворах ла-алом ул-аль-ми алмое етборах. Ваиш табак га-ит по-арь. Ваефруом, ва-ет-наси, ваеодор, вае-тали, вае-олол шами догудишо барих-у, ла-ило мин кол бирхото, широто тишбахото, ванихаито, даамифрон ба-алмо ваимфу омин. Ал-исроил, ваал рабонон, ваал талмидион, ваал кол талмиди талмидион, даят-

вин ва-асгин ба-урайто гадитшо, ди ба-арто один, ва-ди бахол атар ва атар я-е лоно, ульюн, уль-хун, шоло-мо хино вахисдо, вафахами мин годом, ило-о мори ша-мае ва-ар-о, ваимфу омин. Я-е шоломо рабо мин шамае хаим восово, вишу-о, ванихомо вашизово, урь-фу-о, угъ-уло, услихо, вахапоро, варивах. Ваасоло, лону уль хол-аму исроил, ваимфу омин. Уси шолум бифумов у барахо-мов яаси шолум олин у ваал кол ому исроил ваимфу омин».

«Да будет возвеличено и свяtimo великое Имя Его в мире, сотворенном по усмотрению Его. Да явит Он царство Свое при жизни вашей и в ваши дни и при жизни всего дома Израэля — без промедления и в скором времени. И скажите: Амен!

Да будет Имя Его великое благословляемо вечно и на вечные времена.

Да будет благословляемо, и восхваляемо, и прославляемо, и превозносимо, и возвеличено, и величаемо, и возносимо, и хвалимо Имя Его, Святого, благословен Он — превыше всех благословений и воспеваний, восхвалений и утешений, произносимых в мире. И скажите: Амен!

Да пребудет великий мир с небес и жизнь над нами и над всем Израэлем. И скажите: Амен!

Созидающий мир в высотах Своих, да сотворит Он мир для нас и для всего Израэля. И скажите: Амен!»

И каждый раз, когда раби Шолум произносил слово «Амен», все хором повторяли его, а те, кто знал или запомнил другие слова молитвы, сами произносили их вслед за раби Шолумом. Затем, по кивку раби Шолума, со своего места — там, где сидят соблюдающие траур родственники умершего, встал Давид и по памяти прочитал «Поминальную молитву» в память об отце:

«Да вспомнит Господь душу отца, наставника моего Авшалума бин Давида, отошедшего в вечность, — ради того, что я, не беря на себя обета, пожертвую в память о нем на благотворительность. Ради этого да приобщится душа его к сонму вечно живых — к душам Авраама, Ицхака и Якова, Сары, Ривки, Рахэли и Леи и к душам всех остальных праведников и праведниц, пребывающим в саду Эдена. И возгласим: Амен!»

— А теперь, дети и братья мои, — обратился раби Шолум к собравшимся, — я прошу вас сесть ко мне ближе... Прошу тебя, Нахамие, тебя, дорогой Шельмю, вас, уважаемые Манахим и Мататья, сядьте поближе, хочу рассказать вам одну поучительную историю...

— Дедушка, а нам с Ихиилом можно остаться? — спросил внук раби Шолума, Сави.

— Да, конечно, вам как раз и надо послушать...

И когда все удобно расселись, раби Шолум сошел с амвона и сел рядом с прихожанами.

— У горцев, как вам известно, — начал раби Шолум свой рассказ, — младшие сыновья, женившись, остаются в отцовском доме. Делаются пристройки, расширяются жилые помещения, короче, младший сын становится наследником незамысловатой отцовской собственности и кормильцем старых родителей. Эта традиция передавалась из поколения в поколение и многие века соблюдалась, превратившись в адат, в обет сыновей своим отцам. Но вот однажды младший сын одного горца, по наущению молодой жены, заявил отцу, что он не желает оставаться в отцовском доме, мол, старшие братья живут отдельно, вот и он хочет на краю селения построить себе небольшой домик и жить врозь.

— Тебе одному будет трудно, сынок, — убеждал отец заупрямившегося сына, — старшим братьям помогали всей семьей...

— Ничего, я справлюсь, камня и глины кругом — сколько хочешь... — отвечал сын, не сдаваясь.

— У нас, как видишь, налаженное хозяйство, я еще не стар, за скотиной смотрю, работы в поле не гнушаюсь, — продолжал отец свои доводы, — давай накопим денег, а потом все вместе поможем тебе, если ты окончательно решишь отделиться...

— Нет, мы с женой справимся сами... — был непреклонен сын, — впереди лето, соорудим себе шалаш и будем строиться...

— Что ж, воля твоя, — вздохнув, сказал отец, но, увидев, как сын торопливо собирает вещи, добавил: — Подожди, не торопись, вот тебе деньги — все, что у меня есть, кроме того, возьми все, что считаешь нужным: скарб, посуду, постель, и еще возьми одну корову и двух овец, это твое, но помни, сын, обратно я тебя не пущу!

— Хорошо, — ответил сын, взяв все, что дал отец, и ушел.

Прошло некоторое время. Домик себе сын построил, вначале в его очаге и огонь горел, и дымок поднимался к небу, иногда по ночам и свеча горела у окна. Но стал замечать отец, что где-то к зиме все это прекратилось. «Что-то не пойму, — подумал отец, — все у них не так, как у людей, все наоборот, зимой-то в холоде долго не проживешь». Хотя и обидел его сын своим уходом, все же кровинушка-то своя, родная; закрался в сердце старика червь тревоги, и решил он проведать сына. В тот год, всем на удивление, долго шел снег, и земля покрылась благодатным белым покрыва-

лом. Идет старик к домику сына и видит, что прямо от его порога куда-то в сторону, в поле, уходит след. Пошел по следу и видит диво — по земле катится клубок.

— Ты кто? — спрашивает удивленный старик.

— Согласие я, — отвечает клубок и поясняет: — Семейное согласие...

— Куда же ты уходишь? — спрашивает старик. — Ты, по-моему, там нужен... — и показывает в сторону сыновьего дома.

— Нет, не нужен я там, — в отчаянье отвечает клубок. — Я-то потому там и поселился вначале, а теперь... каждый день ссоры, ругань, все у них рушится, скот гибнет... нет, мне там делать нечего... — и клубок снова покатился прочь.

Раби Шолум прервал свой рассказ и взглянул на собравшихся. Все, затаив дыхание, ждали конца этого поучительного рассказа.

— Вот так, братья мои, — заключил свое повествование раби Шолум, — там, где нет согласия, нет уважения друг к другу, не может быть и берекета, не может быть благополучия. В согласии сила, которую трудно перебороть...

— Уважаемый раби, — с почтением обратился к нему скорняжных дел мастер, Шельмю. — Не обращайтесь внимания на одного-двух злобствующих и завистливых людишек, вы лучше меня знаете, что в семье не без урода. Наши сельчане, да и другие тоже, на них внимания не обращают...

— Это точно, собака лает — ветер дует, — усмехнувшись, добавил Мататья-хлебоборб. — Вы лучше, дорогой раби, расскажите нам историю про Иосифа, которую обещали...

Раби Шолум оживился. Ему была приятна поддержка большинства сельчан и радовало, что се-

мена его притчей и историй ложатся на благодатную почву.

— Да, да, дедушка, расскажите, пожалуйста, — с благоговением и любовью обратился к раби и сын Авшалума, Ихиил.

— Но история эта — длинная, — предупредил раби Шолум, — терпенья хватит?

— Да, уважаемый раби, рассказывайте, — с разных мест заверили раби Шолума прихожане.

— Да, дедушка, мы с удовольствием будем слушать, — согласно кивнул и Сави.

— В таком случае, слушайте, — заявил раби Шолум, — однако не могу вначале не сказать, что из всех людских пороков наихудшим является зависть. Именно это чувство лежит в основе большинства несчастий, трагедий, катастроф и того, свидетелем чего вы сегодня стали сами. Досада, вызванная благополучием или успехами другого, чувство раздражения и неудовольствия вследствие неудачи играли порой решающую роль во всех несчастьях нашего народа.

Вот и эта история, которую рассказал раби Шолум, тому подтверждение...

...История евреев похожа на движение пассажирского корабля в океане. В тихую пору, когда кругом полное безветрие, можно сказать, даже штиль, пассажиры чувствуют себя на седьмом небе: днем на всем корабле кипит жизнь довольных и деятельных людей, а вечером царит ничем и никем не нарушаемый покой, если не считать приятного пустяка — прыжка и всплеска океанских рыб, которые именно в это время суток играют и резвятся. А когда разбуженный океан вдруг встрепетнется ото сна, когда он гневается за это и, собрав свои могучие силы, встает во весь рост своих

огромных волн, мечется, ревет и пенится, как раненый зверь, — тогда хватает и поднимает он корабль на свои гигантские плечи, будто корабль этот и не весит ничего, не великан неохватных размеров, а с корнем вырванное на каком-то берегу и унесенное им же дерево. Потом же, поиграв с ним в смертельную игру, бросает его в бездну, отчего весь корабль трясется и трещит и, кажется, вот-вот разлетится в щепки. Вот тогда на корабле царствует беда, скорбь и плач, гибнут и гибнут пассажиры, которым еще вчера жизнь казалась безоблачной и ничто не предвещало грозы.

Таким образом, жизнь еврейского народа всегда была полна счастливых взлетов и скорбных падений, радостных надежд и горьких разочарований. Так, например, много столетий назад римляне были с евреями союзниками, даровали их общинам некоторые привилегии, в частности, разрешали не работать по субботам, но через пару десятилетий, когда образовалась Римская империя и в связи с развитием христианства, взаимоотношения эти не только стали портиться, а превратились в прямо враждебные, словно в теплый, солнечный день вдруг ударили заморозки.

С этого времени вражда между христианами и иудеями стала непримиримой и ожесточенной. Евреи не соглашались с божественностью Христа как сотворенного Богом человека, и это ожесточало христиан против евреев, их нападки на них не только сокращали население на родине и в диаспоре, но и вели к сужению горизонтов еврейства. Однако, утратив царство Израиля, евреи превратили Тору в крепость мысли и духа, в которой они могли обретаться в безопасности и в относительном довольстве.

Примерно тысячу лет назад знаменитую ныне христианскую Испанию завоевали вдруг арабы-мусульмане, и условия существования находящихся там евреев, в отличие от предшествующего периода, относительно улучшились. Исламские законы по отношению к немусульманам основывались на договоре — димма, согласно которому Мухаммед даровал, в частности, евреям жизнь и позволял и дальше обрабатывать землю в своем оазисе — при условии, что они будут отдавать ему половину урожая. Постепенно димма приняла более сложную форму, согласно которой побежденный еврей, димми, получал право на жизнь, свою веру и защиту в правах в обмен на специальные налоги в пользу правителя: харадж или земельный налог — джизия, или подушный налог, торговые и транспортные пошлины, более высокие, чем для исламской части населения, а также специальные налоги по усмотрению правителя. Более того, жизнь еврея-димми всегда была сопряжена с риском, поскольку договор этот просто откладывал на время естественное право завоевателя перебить покоренных и конфисковать их собственность, а посему его можно было пересмотреть в одностороннем порядке, как только этого пожелает мусульманский правитель.

Таким образом, теоретически положение еврейских димми при мусульманских правителях было хуже, чем при христианах, на практике же арабы, так быстро покорившие в эти годы половину цивилизованного мира, вовсе не расположены были истреблять грамотные и трудолюбивые еврейские общины, которые обеспечивали им надежное поступление налогов и оказывали разно-

образные услуги. Они не спешили разжигать религиозную враждебность по отношению к евреям, поскольку не унаследовали, как греко-римские массы, антисемитских предрассудков, к которым могли бы добавить свои собственные. И самое главное, в отличие от христианства, иудаизм никогда не представлял для ислама военной и прочей угрозы.

По этим причинам евреям было проще и легче жить на мусульманских землях. Можно сказать, что иногда они даже процветали. В Багдаде, например, кроме того, что существовали две еврейские академии, евреи к тому же населяли богатый квартал. Позднее многие из них служили банкирами, были весьма влиятельны и при дворе. Еврейский экзиларх пользовался уважением арабов, которые обращались к нему так: «Наш господин, сын Давида».

Поэтому, когда мусульмане вторглись в Испанию, евреи помогли им победить; зачастую они несли гарнизонную службу в городах, остававшихся в тылу наступающих арабских армий. Именно так произошло в Гранаде и Кордове, где вскоре возникли большие и богатые еврейские общины. Если раньше, при христианах, было провозглашено насильственное крещение евреев, запрещалось обрезание, прочие еврейские обряды, в том числе соблюдение шабата и праздников, то теперь еврейские общины процветали. Если раньше евреев пороли кнутом, казнили, конфисковывали у них собственность, подвергали их разорительным поборам, запрещали торговать, а случалось, силком тащили в купель для крещения, так что многие были вынуждены принять христианство, но продолжали тайно соблю-

дать еврейские законы (позднее их стали называть марранами), то теперь к ним относились с почтением и терпимостью.

В Гранаде и Кордове евреи были не только ремесленниками и торговцами, но и врачами. Во время правления великого халифа Абдаля-Рахмана его придворный врач — еврей Хасдай ибн Шапрут привез сюда еврейских богословов, философов, поэтов и ученых и сделал эти города центром еврейской культуры. Взаимопонимание, которое установилось между образованными евреями и халифами позволило испанским евреям вести продуктивный и благоприятный образ жизни.

Однако не все было так уж безоблачно. И в исламской верхушке шла постоянная борьба, нарастал конфликт между религиозными династиями. Чем богаче и терпимее к другим верам была правящая мусульманская династия, тем уязвимее была она для зависти фанатиков от ислама. И когда мусульмане-берберы захватили Кордову, соратники правящего халифа исчезли, видные евреи были уничтожены, а в Гранаде произошли трагические события, о которых следует рассказать особо.

Жил-был в этом городе Шамуил ибн Нагрела, визирь при халифе Баисе, известный под именем Ха-Нагид, который в течение многих лет принимал важнейшие политические решения. Был он, кроме всего прочего, полководцем, незаурядным поэтом и раввином-эрудитом. По его смерти на смену ему пришел его сын Иосиф, который продолжал традиции замечательного отца, выдвигал евреев на высокие государственные посты. Авторитет Иосифа был настолько велик, что без его участия правитель Гранады не принимал никаких решений.

Однажды к Иосифу пришел командир одного из армейских подразделений правителя, некий еврей Гиршон, и попросил оказать содействие в продвижении по службе — назначении его на вакантную должность заместителя командующего армией правителя. Поскольку особое положение Иосифа при дворе было не по вкусу командующему и их отношения были несколько натянутыми, Иосиф, не вдаваясь в подробности, ответил:

— Потерпи, брат, я постараюсь помочь в скором времени, — имея в виду, что поговорит об этом при удобном случае с правителем.

Гиршон же, не разобравшись, не зная подлинной причины подобного ответа, неудовлетворенно воскликнул:

— Так ведь время не ждет, уважаемый Иосиф, завтра такой возможности может и не быть!

— Не волнуйтесь, все будет в порядке, — успокоил его Иосиф, улыбнувшись, — потерпите малость...

Человек чванливый, тщеславный и крайне завистливый, Гиршон воспринял это как личное оскорбление, почему-то посчитал, что если он еврей, то Иосиф ему обязан помочь, хотя последний видел его впервые. И вот что сделал этот низкий, завистливый человек, — он предал не только Иосифа, а и свой народ.

Он пришел к командующему, поскольку знал его по службе, и, воспользовавшись тем, что присутствовал накануне в качестве охраны в доме правителя, где его женой были приглашены жены высокопоставленных особ, заявил:

— Извините, уважаемый, мне надо сказать вам нечто очень интимное...

— Говорите, я слушаю, — ответил мусульманин.

— Вчера в доме правителя ваша жена объяснилась в любви Иосифу.

— Как?! — вскочил командующий, не веря своим ушам.

— Она, улыбаясь, в присутствии других женщин сказала Иосифу, что ради него, если он ее позовет, откажется и от своей веры, — не мигая, соврал негодяй, преподнеся шутку в таком виде.

— Вот как? — взъярился ревнивец и кинулся к жене.

Не выслушав испуганную женщину до конца, ревнивый полководец, получив подтверждение, что эта шутка была высказана вслух, убил свою жену и в гневе прибежал к правителю.

— Вот до чего дожили, правитель! — кипел он от злости. — Евреи, эти димми, уже и наших жен совращают, и первый среди них — твой любимец Иосиф!

А во дворце тем временем происходили события, которые были прелюдией дворцового переворота. Представители той части мусульманства, которая выступала за чистоту веры, в числе которых был и полководец, требовали у правителя отмены договора с евреями, конфискации их имущества и богатства, жестокого с ними обращения. И этот случай оказался каплей масла в огне разгоравшегося пламени. В ответ на требование полководца разобраться с Иосифом и его общинами правитель, чтобы спасти свою шкуру, без всякого сожаления произнес:

— Делайте что хотите!

— Первым был убит Иосиф, — продолжал свой рассказ раби Шолум, — затем вырезана и вся его

семья. После этого по приказу того же полководца вооруженные солдаты его армии устроили знаменитую «ночь Гранады», когда были уничтожены сотни ни в чем не повинных наших соплеменников и разграблено все их имущество. Это стало крупным антиеврейским выступлением в мусульманской Испании.

— А этот Гершон — его оставили в живых? — неожиданно спросил Мататья.

— Когда он увидел, что стало с его соплеменниками и, в частности, с его семьей, — ответил раби Шолум, — он прибежал к полководцу и просил его пожалеть взятых в плен его детей.

— А-а, это ты? — нехотя заговорил мусульманин и, подумав, добавил: — Однажды предав своих, ты так же легко предашь и нас! Эй, стража! — позвал он людей и, когда вошли солдаты, приказал: — Этого пожалейте, сжигать не надо, повесьте! Ха...ха...

Расходиться не хотели, каждый был под впечатлением от услышанного, лишь скорняжных дел мастер, старый Шельмю, человек впечатлительный и весьма восприимчивый, тихо сказал:

— Да, друзья, есть над чем подумать...

Вызванный кем-то во двор, внук раби Шолума Сави, воспользовавшись тем, что дед закончил свое повествование, подошел к нему и что-то сказал на ухо. Старик поспешно встал, попрощался с прихожанами и, извинившись за свой неожиданный уход, направился с внуком в сторону дома. На вопрос деда внук рассказал раби Шолуму, что к отцу в гости приехали его давние друзья: шамхал тарковский Магомед-хан, кайтагский уцмий Рустам-хан и посланник главнокомандующего вахмистр А. Садыков.

В огромном дворе купца шли приготовления.

Появление старика было встречено радостными приветствиями гостей.

— Салам алейкум, уважаемый дядя Шолум! — встав со своего места и обняв старика, приветствовал его Магомед-хан. — Давно не видел вас, как поживаете?

— Спасибо, дорогой! Шолом алейхем! Рад вас видеть и сразу хочу спросить, добрые ли дела забросили вас в наши края? — говорил раби Шолум, в свою очередь обнимая Магомед-хана. — А ты чего спрятался, как бедный родственник? — с улыбкой обратился старик к Рустам-хану.

— Да, этот черт не дает к вам пробиться, уважаемый дядя Шолум, — улыбаясь, кивнул Рустам-хан на Магомед-хана. — Здравствуйте! Рад вас видеть в добром здравии!

— Здравствуйте, дети мои! Садитесь, — старик сел за стол сам и пригласил сесть дорогих и весьма влиятельных гостей. — Рассказывайте, как идут ваши дела, как здоровье ваших домочадцев, здоровы ли родители?

Те поведали старику о своих родных и близких, о детях, которые в прошлом году, когда Гаврил был еще дома, гостили в Аба-Сово, о родителях своих, передали от них приветы и, не вдаваясь в подробности, ответили, что находились недалеко по важным делам и решили по пути навестить друга.

В этот момент в комнату вошли Хануко бен Шолум и вахмистр А. Садыков, и сын сразу, увидев отца, представил ему представителя командующего:

— Знакомься отец, Алибаба Садыков — наш земляк, приехал к нам по важному делу и с окази-

ей привез письмо от твоего любимого внука Гаврила и его матери, твоей невестки Довро.

Старик тепло обнял гостя и пригласил к столу.

— Вы видели моего внука Гаврила, уважаемый Алибаба? — спросил раби Шолум вахмистра.

— Нет, дядя Шолум, к сожалению, не видел, — ответил Алибаба. — Письмо передал мне ваш друг, купец Исаак, когда я две недели назад был в Москве. — Прекрасный человек, скажу я вам.

— О да, — живо отозвался раби Шолум. — Радуюсь я, когда встречаюсь с такими людьми, как вы, и горжусь вашей дружбой с моим сыном. Но... как говорят, соловья песнями не кормят, давайте приступим к трапезе...

За едой говорили о том о сем, но о сути своего приезда не заговорил ни один. Даже выпитый стакан вина не принес раби Шолуму желаемого результата.

— То от одного, то от другого краешком уха слышу, сопоставляю разрозненные сведения... Скажи мне, Рустам-хан, как там в Иране, правда ли, что там к власти пришел какой-то живодер? — решил все же спросить раби Шолум.

— Вообще-то, дядя Шолум, положение там неважное, распоясался Ага-Мухаммед-хан, думает, что ему все дозволено... — ответил Рустам-хан. — Но Аллах велик, все образуется...

— Ну, а теперь, уважаемые, нам пора в дорогу, спасибо за тепло, за хлеб и соль, — поднялся Магомед-хан. — Надо постараться до ночи добратсья до дома.

— Не смею задерживать, — с пониманием сказал Хануко бен Шолум, — путник, говорят, должен быть в пути. А вот летом, Бог даст, милости прошу, дорогие друзья!

— Спасибо, друг! — обнял Хануко Магомед-хан. — Благодарим вас, дядя Шолум. Одно могу сказать твердо — на свадьбу Гаврила приеду обязательно.

— Иншалла! — сказали Рустам-хан и Алибаба.

— Да благословен Господь наш! В добрый путь, дети мои! — пожелал им раби Шолум.

Гости уехали.

Глава 9

Проводив своих друзей, Хануко бен Шолум через некоторое время и сам поехал в Кизляр, а по возвращении домой рассказал отцу, что в скором времени ожидаются весьма неприятные перемены. Дагестан, и в первую очередь Дербент, в силу своего стратегического расположения, может оказаться в самом пекле военных событий. А поскольку Аба-Сово, по существу, находится на переднем крае города, то село никак не сумеет оказаться в стороне от ожидаемых событий, оно будет захвачено ими в любом случае. Правда, несколько дней назад генерал Савельев заверил, что российское командование не допустит не только сдачи Дербента неприятелю, но и вообще не пустит его на территорию Дагестана, тем более что ему уже предписано со своим отрядом немедленно направиться к Дербенту, к чему он в настоящее время и готовится.

Ничуть не сомневаясь в силе Российской Империи, Хануко бен Шолум знал также и о постигшей Грузию беде, о чудовищном разорении Тбилиси. Такой участи своим единоверцам, жившим в этом регионе, он не желал и, конечно, хотел заранее такую возможность предотвратить, поскольку по опыту своих предков знал, что в случае неожиданного вторжения головорезов Ага-Мухаммед-хана в эти края в первую очередь пострадает «козел от-

пущения» — то бишь евреи. Не высказав своих опасений своему другу, генералу Савельеву, он все же попросил его дать ему заранее знать о возможном возникновении критической ситуации.

Кроме того, в доставленном ему вахмистром А. Садыковым письме Гаврила была высказана просьба, мол, поскольку учеба его идет к завершению, то пусть отец в начале мая приедет за ним и матерью и увезет их домой. И теперь Хануко бен Шолум был в растерянности, не знал, как ему поступить, какой предпринять шаг: то ли на некоторое время самим уехать из селения, а значит, в очередной раз поднять с насиженных мест своих соплеменников, то ли успокоиться и привезти сына и жену сюда. Поскольку задача была не из легких, Хануко бен Шолум, еще раз посоветовавшись с отцом, решил повременить с принятием решения и подождать, пока ситуация полностью прояснится.

Будучи в Кизляре, купец воспользовался еще одним известием. Дело в том, что генерал Савельев сказал ему, что по высочайшему Указу Ее Императорского Величества в Дагестан прибывает главнокомандующий новым экспедиционным корпусом генерал-поручик Зубов В. А., и в связи с этим он передал Савельеву прошение на высочайшее имя о присвоении ему звания купца I гильдии и соответствующий денежный взнос. Генерал пообещал другу оказать всевозможное содействие в решении этого вопроса.

О том, что учиненный Ага-Мухаммед-ханом разгром Грузии, находившейся под покровительством России, будет воспринят гордой Императрицей как прямое оскорбление достоинства великой державы, как прямой вызов ей, Хануко бен

Шолум знал и, как логическое продолжение всего этого, ждал соответствующих действий Императрицы. Но о том, что поход этот, в так называемый «Лес львов», находится в тесной связи со знаменитым греческим проектом графа Платона Зубова, ставившим перед братом, Валерьяном Александровичем, задачу, общими усилиями покончив с Персией у себя в тылу, неожиданно повернуть войска вправо, захватить в свои руки Анатолию и угрожать Константинополю с малоазиатских берегов, в то время как Суворов пойдет через Балканы и Андрианополь, а сама Екатерина II, находясь лично на флоте с Платоном Зубовым, осадит турецкую столицу с моря и покарает этого лицемера и двурушника, — об этом ни Савельев, ни купец знать не могли.

Предысторией этого проекта было следующее...

Побив Оттоманскую Порту в войне 1787—1791гг., которая была развязана потерпевшей стороной в надежде вернуть Крым и плодородные земли Кубани, Екатерина Великая привела дела свои в Европе «к желаемому концу и, утверждая пользы... в сей части света подвластных России народов прочным и наивыгоднейшим образом» теперь была обеспокоена положением дел на юге Империи. Она понимала, что если Россия сумеет оградить себя от посягательств Ирана, расположенного на границе с ней, Империя только выиграет, ибо это даст новый толчок развитию торговли, а в конечном итоге приведет к обогащению всех государств и народов, живущих здесь. Таким образом, страна обеспечивала себе мир, в котором особенно нуждалась, и возможность пользоваться как людскими, так и богатыми природными ресурсами этого региона.

И хотя Императрица располагала сведениями, что берег Каспия и некоторые страны и народы, ранее подвластные Персии и подвергавшиеся ею опустошению и разорению, ставшие теперь под скипетр России, снова испытывают злодейские нападки обезображенного с детства, презирующего весь род человеческий, кровожадного деспота Ага-Мухаммед-хана Каджара, все же она не ослабляла своего миролюбивого стремления и делала попытки найти общий язык с Каджаром.

Сподвижники Екатерины II считали, что после жестокого свержения благородных Сефевидов с законного трона в этой стране один за другим к власти приходят хищники, убийцы и бандиты, которые путем кровавых междоусобных войн разоряли свои же города и села, ввергали народы в нищету и отчаяние, не обеспечивали им личной и имущественной безопасности и, таким образом, сделали их мятежными и воинственными. И что намерения Петра Великого, желавшего в свое время занять прикаспийские провинции и тем самым положить конец всяким мятежам и войнам, путем развития торговли, использования естественных богатств и миролюбия превратить в этом регионе отношения владетелей во взаимовыгодные — не только забыты; более того, взаимоотношения ухудшились и приобрели в последние годы со стороны Персии еще большую враждебность и коварство.

Примером подобного поведения стал Ага-Мухаммед-хан Каджар, который путем лютых убийств и бесчеловечных мучений умертвил законных шахов и владетелей многих областей своей страны и объединил их под своей властью, считая, что чем больше в стране междоусобных

войн и разрушений, из-за которых растет нищета и отчаяние людей, тем больше будет в его ополчениях неустрашимых бойцов, способных пойти на новую бойню, не щадя своей жизни.

Человеконенавистническая политика, заимствованная им у жестокого Надир-шаха, все больше убеждала Ага-Мухаммед-хана, что обессиленный внутренними войнами народ Ирана легко поддастся единению под эгидой сильной власти и, движимый надеждой на обогащение, руководимый предприимчивым и хитрым вождем, — таким, как он, — будет способен к самой невероятной лютости и безумным подвигам. Все дипломатические предложения петербургского двора о миролюбии и добрососедских отношениях им категорически отвергались, ибо шли вразрез с его помыслами и стремлениями.

Мало того, что Персия не шла на сближение с Россией, не желала открыть для нее богатый торг на берегах Каспия и внутри своей страны, не обеспечивала русским купцам безопасного передвижения через свою территорию, что кратчайшим способом открывало бы путь в Великую Индию — страну диковинных красот, о чем нашептывал Екатерине II ее фаворит Платон Зубов, — наоборот, порочная власть Ирана всячески вредила своему соседу, задевала его гордость, терзала тех, кто стал под его скипетр. Это был прямой вызов. Императрица понимала, что захваченная подобным образом власть продолжительной быть не может, ибо свойство всякой порочности есть собственное разрушение, а злоупотребление властью разрушает саму власть.

«Таким образом, — писала Екатерина Великая командующему на Кавказе генералу Гудовичу, —

после многих, частых и скоропостижных перемен, доведших Персию до настоящего положения, а торговлю нашу на Каспийском море и в тех странах — до сущего ничтожества, хитрый и коварный Ага-Мухаммед-хан, вышедший из заточения после смерти Керим-хана, ознаменовал начальное правление свое в Астрабаде изменою и неблагодарностью к брату своему, Муртаз-Кули-хану, коему был обязан свободою и восстановлением, не токмо сделался ему врагом и гонителем, но, лишив его астрабадской и мазандеранской, а после того и гилянкой области, других братьев своих предал смерти. С того же времени явно обнаружил нерасположение свое к Российской Империи известным изменническим и наглым поступком с графом Войновичем, начальствовавшим тогда над Каспийскою флотилиею нашею».

Свой приход к власти Ага-Мухаммед-хан ознаменовал захватом Исфагана и разграблением его, затем организовал гонение на Гилян и овладел процветающим за счет торговли городом Решт, в результате чего награбленное богатство его еще более увеличилось. Успехи вскружили ему голову, и у него появилось неукротимое желание распространить свою власть на земли ширазского владельца Лютф-Али-хана, имевшего не только дружеские отношения с англичанами, но и финансовую поддержку. Преодолев сопротивление, Ага-Мухаммед-хан взял в плен Лютф-Али-хана и захватил города Шираз и Керман, а взамен за плененного владельца получил все его сокровища.

Все это дало ему возможность собрать большое войско и сосредоточить его в области Курдистана, что ввергло Турцию в крайнюю тревогу. Поняв остроту ситуации, Порта дала указание багдадско-

му паше — не считаясь со своей гордостью, пойти к Ага-Мухаммед-хану на поклон и на любых условиях заключить с ним тайный договор. Однако вскормленный ишак сделал вид, что хочет лягнуть своего же кормильца. Это стало явью сразу же, как только шах иранский, больше для показухи, чем с намерением применения военной силы, прошелся вдоль границ турецких, «не касаясь однако же пределов Порты Оттоманской».

Русскому командованию стало ясно, что зарвавшийся шах Ирана намерен напасть на сопредельные с Россией провинции, что, в конечном итоге, задевало интересы Империи. Поэтому обо всем этом было доложено Императрице, что привело ее в крайнее раздражение, и вслед за этим генералу Гудовичу последовал строжайший приказ: снабдить царя Ираклия артиллерией и боеприпасами, используя в этих целях и военную силу. Кроме того, Гудовичу велено было также дать знать Ага-Мухаммед-хану, что если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то должен отказаться от притязаний на области, расположенные вдоль Каспийского моря, и на владетелей, скипетру российскому подвластных: царя Картлинского, шамхала тарковского, уцмия Кайтага, ханов дербентского, бакинского, талышинского, шушинского и, таким образом, по реке Аракс установить границу между Россией и Ираном.

Кроме того, Ага-Мухаммед-хану было четко заявлено, что народы Дагестана, Азербайджана и Грузии Россия берет под свою защиту и покровительство. Но несмотря на это, окрыленный успехами внутри страны и подстрекаемый французскими эмиссарами, Ага-Мухаммед-хан собрал теперь уже огромную армию с артиллерией, которой

командовали французские офицеры, перешел реку Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана карабахского.

Не преминула этим воспользоваться и султанская Турция. Под видом защиты своих границ султан стал укреплять артиллерией и боеприпасами ряд приграничных с Россией пашалык и скрытно отправил на содержание иранского войска 150 тыс. кулей пшеницы, масла, баранов и прочего продовольствия.

Однако взять Шушу Ага-Мухаммед-хану не удалось, карабахский народ встал стеной на защиту своей земли и агрессору ничего не оставалось, как, взяв осадой крепость Шушу, оборону которой, объединившись, несли мусульмане и христиане, пойти на Грузию и занять Тбилиси. В продолжение нескольких дней войска Ага-Мухаммед-хана грабили и разрушали город, насиловали женщин, убивали мирных жителей, не щадя даже мусульманское население.

Современники и очевидцы, описывая картину чудовищного разорения Тбилиси, отмечали, что их охватил ужас, когда они увидели посеченных мечом женщин и детей, что в одну только башню варвары Ага-Мухаммед-хана забросили более тысячи трупов, что в городе после этого погрома остались лишь бродившие по улицам полусумасшедшие старики. Город почти весь был выжжен и дымился, а от гниющих убитых тел воздух был наполнен таким смрадом, что невозможно было дышать. Кроме того, значительная часть населения была взята в плен.

Как оказалось впоследствии, все эти дикости совершались с дальним прицелом, как показательные, с целью запугать тех, кто не хотел идти

с Ага-Мухаммед-ханом в одной упряжке. И прежде всего, — народы Дагестана, от которых Каджар потребовал покорности. В противном случае он грозил «смертью, разорением и разрушением сел и деревень подобно тому, какое учинил в Грузии». Встревоженные этим, большинство владельцев Дагестана собрались на общий совет и единодушно отклонили требования персидского завоевателя, решили оказать ему всенародное сопротивление и обратились за помощью к России, которая, независимо от того, что была занята организацией новой коалиции для борьбы с Французской республикой, все же не могла допустить того, чтобы Кавказом овладела Персия.

Поэтому петербургский двор решил, воспользовавшись обращением владельцев Кавказа, направить армию генерала Гудовича на защиту не только Грузии, но и Ширвана и Баку. Если же Ага-Мухаммед-хан, несмотря на это, все же овладеет последними и приблизится к Каспийскому морю и пределам подвластных России земель, то на этот случай было приказано, предварительно заняв Дербент, принять все меры, чтобы остановить движение вражеских войск и не оставить без покровительства и поддержки народы Дагестана, обезопасить их от иранских варваров.

Гудович тут же отправил вахмистра А. Садыкова в Дагестан с письмами, в которых заверял владельцев страны гор, что им со стороны России будет оказана военная и прочая помощь. Вернувшись из этой поездки к генералу, Садыков доставил ему ценные сведения о настроениях в Дагестане, однако не преминул заметить, что «шамхал и его подвластные весьма смущены взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было подано помощи от

России», но, мол, шамхал совместно с ханами кази-кумухским, аварским и другими владельцами намерены держаться твердо и выставить вооруженные посты по двум путям, которыми Ага-Мухаммед-хан может проникнуть в Дагестан — дербентскому и кубинскому.

Во время своей следующей поездки к владельцам Дагестана Садыков вместе с Рустам-ханом и Магомед-ханом посетили Хануко бен Шолума в Аба-Сово. Алибаба Садыков рассказывал, что он еще тогда доложил генералу Гудовичу, что дагестанцы очень ждут прибытия русского войска и находят, что было бы крайне полезно, не дожидаясь дальнейших действий Ага-Мухаммед-хана, как можно быстрее занять Дербент, Баку и Гилян. Садыков не стал тогда напоминать о своем раннем разговоре с кайтагским уцмием Рустам-ханом, который был весьма обеспокоен успехами персов, поскольку персидская армия, если ее не остановить, не минует его владений и народ его крайне пострадает от этого нашествия. Не стал он вспоминать и о том, как тогда же майор Ахвердов заверил его, что ему будет оказана помощь в самое ближайшее время, и лишь после этого Рустам-хан принял подданство России и отправил к российскому двору своего нарочного с изъявлением покорности. Промолчал тогда и Хануко бен Шолум — о том, что, прежде чем сделать этот шаг, Рустам-хан тайком приезжал к нему за советом и получил его.

Ших-Али-хана А. Садыков ни тогда, ни теперь в Дербенте не застал, однако наиб города Надирхан в конфиденциальной беседе заявил ему, что народ также обеспокоен взятием Тифлиса и понимает, что в случае нашествия полчищ Ага-Мухам-

мед-хана Дербент в который раз в своей истории или будет подвергнут жестокой осаде и разорению, или же вынужден будет сдаться. Но когда А. Садыков сообщил ему, что в Грузию уже отправлены русские войска и Дербенту тоже будет оказана помощь, наиб, будучи настроен пророссийски и не зная о намерениях Ших-Али-хана, без обиняков заявил вахмистру, что горожане нисколько не расположены к Ага-Мухаммед-хану, а желают быть покорными России и просят прислать войска.

Стало известно, что в Грузию отправлены войска под командованием Сырехнева, а в Дагестан — отряд под начальством генерал-майора Савельева, о чем последний тогда же уведомил своего друга Хануко бен Шолума. Отряд состоял из трех батальонов пехоты, шести орудий, одного регулярного эскадрона казачьей команды, 400 казаков и 500 калмыков. Владетелям Дагестана было предложено собрать ополчение и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, на что все они изъявили готовность. Предусмотрительная императрица через главнокомандующего Гудовича дала указание выдать на содержание этих ополчений уцмию Кайтага 2 тыс. руб., кадиям табасаранскому и акушинскому — по 500 руб. Один только Ших-Али-хан на предложение Савельева прислать своего уполномоченного для заключения договора о совместных действиях против Ага-Мухаммед-хана отозвался письмом, что будет противиться вступлению русских в его владения.

Подобная выходка Ших-Али-хана совершенно не удивила владетелей Дагестана, а русское командование не замедлило усилить отряд Савелье-

ва двумя новыми батальонами и приказало ему двигаться к Дербенту и занять его, если Ших-Алихан сам ворот города не откроет. Однако по прибытии отряда к Дербенту стало ясно, что Савельев своими силами не сможет занять сильно укрепленную крепость.

Тогда русское правительство, во исполнение особой программы Императрицы, снарядило экспедицию, войско которой насчитывало более 30 тысяч бойцов и 100 орудий, а в Астрахани были созданы огромные склады с продовольствием, запасы которого должны были обеспечить нужды этой армии в течение 3 месяцев. Командование этим экспедиционным корпусом было поручено генерал-поручику Валерьяну Александровичу Зубову, которому были подчинены русские войска, находившиеся в Грузии, отряд Савельева и русский флот на Каспийском море. Начать движение решено было с двух сторон: со стороны Грузии и берегом Каспийского моря.

Екатерина Великая предписывала В. А. Зубову, чтобы войско русское при продвижении через Дагестан никаких притеснений жителям не чинило, было безукоризненно справедливо и внимательно к ним, к их просьбам. Любыми способами привлекать владетелей к себе, к решению общей задачи, ограждать их личную и имущественную безопасность, не стеснять свободно отправления ими религиозных обрядов и, по мере их усердия и верности, награждать их деньгами и подарками. Кроме того, дабы предотвратить междоусобные конфликты между самими владетелями, генерал-поручику дано было особое указание стараться примирить их, помочь четко определить границы их владений и обя-

зять их перед властью Ее Величества, «под опасение потери получаемой помощи и довольствия», не нападать и не захватывать собственности другого, справедливым посредничеством стараться решать все разногласия.

А в тех землях, которые будут освобождаться русской армией от ига Ага-Мухаммед-хана, свергнутых владетелей возвращать к власти и всячески помогать им в установлении порядка. С освобожденных же городов, упорно не желавших стать под скипетр России, командующему разрешалось брать военную дань, но обязательно с учетом возможностей освобожденных.

Указ этот имел огромное политическое значение и сыграл немалую роль в расположении народов Кавказа к России.

В конце марта 1796 г. В.А. Зубов прибыл в Кизляр, где сосредоточивались основные силы экспедиционного корпуса, однако назначенные в поход части прибывали с большим опозданием. Поэтому, опасаясь упустить время, В.А. Зубов по предложению своих генералов через две недели, не ожидая окончательного сбора, с отрядом численностью около 12 тыс. человек при 21 орудии выступил на юг. И надо сказать, что горцы Дагестана встречали русские войска с радушием и оказывали их продвижению посильную помощь: за свой счет чинили и строили заново мосты, своими силами привозили провиант. Тогда же к отряду В.А. Зубова присоединились и ополчения дагестанских владетелей: шамхала тарковского Магомед-хана, кайтагского уцмия Рустам-хана и табасаранского Рустам-кади. Вскоре, всюду встречая только «помощь и содействие», русские подошли к Дербенту.

Переметнувшись до этого на сторону Ирана, владелец Дербента Ших-Али-хан, несмотря на то, что жители города были благосклонно настроены к русским и требовали сдачи им города, надеясь на помощь Персии, решил оказать русскому войску сопротивление. А трусливый Ага-Мухаммед-хан, не осмелившись вступить с русскими войсками в открытую борьбу, снял лагерь в Мугани и ушел в Иран, предварительно отправив к владельцам Азербайджана и Дагестана посланников с требованием быть готовыми по первому его зову подняться на борьбу против России и уверяя при этом, что ни одного русского воина живым обратно не выпустит.

Верный данному слову, генерал-майор Савельев в тот же день, когда эта весть дошла до него, сообщил своему другу в Аба-Сово, что Ага-Мухаммед-хан не только не выступил против русских войск в поддержку Дербента, а наоборот, позорно бежал к себе домой, в Иран. Естественно, Хануко бен Шолум был очень рад, что черные тучи, которые долгое время висели над его соплеменниками, наконец, рассеялись, что теперь, да благословен Бог Израиля, им ничего не грозит, и собрался в дорогу. С помощью сыновей покойного Авшалума Давида, Юсуфа и Ихиила он загрузил мареной свой караван и вместе со своими помощниками решил вначале через Кайтаг направиться в Астрахань на ярмарку, а затем, оптом продав этот товар, заехать за сыном и женой и привезти их домой.

Однако какое-то предчувствие, какая-то тень тревоги постоянно преследовала его и не давала ему покоя.

— Знаешь, отец, — прощаясь, признался он раби Шолуму, — что-то не по себе мне нынче, что-то тревожит, будьте осторожны...

— Что ты, сынок, — успокоил его старик, — теперь уже, когда этот изверг иранский от нас далеко, что нам может угрожать... Успокойся и отправляйся в путь, нам не впервой, все будет хорошо. Да будет вам помощь от Господа нашего! Езжайте.

Хануко бен Шолум непривычно тепло обнял отца и сына, нехотя поднялся на коня, и караван его тронулся в путь. Хотя предчувствие и предостерегло его, но не ведал Хануко бен Шолум, какие ужасные события последуют за его отъездом и кто будет их подстрекателем и виновником, как отголоски давних событий сыграют трагическую роль в судьбе его близких. Как говорят, человек предполагает, а Бог располагает...

Русскому командованию стало известно, что одновременно с посланниками иранского шаха к владетелям Кавказа были отправлены и эмиссары турецкого султана, на щедрые посулы которых «клюнули» Сурхай-хан кази-кумухский и Ума-хан аварский, который вскоре от своих обещаний отказался. Когда об этом стало известно в стане Екатерины II, даже те, которые уговаривали ее отказаться от новой войны против Турции, вынуждены были согласиться, что Императрица права и Порту надо еще раз и основательно «побить».

Зная, что в Дербенте происходит «борьба партий», генерал В. Зубов отправил к Ших-Али-хану парламентариев с предложением сдаться, но это не имело успеха. Мало того, подошедшие к Дербенту передовые отряды русских войск были встречены огнем. Тогда было решено овладеть городом силой, хотя последовавший за этим штурм тоже не удался. Известный читателю Фархад, по указанию владетеля Рустам-кади, повел десяти тысячное войско генерала Булгакова в обход, по

Дарвагскому ущелью, через леса и по перевальной дороге к южным воротам Дербента, и это войско, одновременно с северными войсками, приняло участие в штурме города. В городе началась паника, партия, добивавшаяся сдачи города, стала численно увеличиваться и, наконец, под ее давлением Ших-Али-хан вынужден был отправить к В. Зубову депутатов с просьбой о пощаде.

10 мая Дербент пал — командующему русскими войсками генералу В. Зубову преподнесли ключи от городских ворот, причем в числе передававших ключи был 120-летний старец, который 74 года тому назад преподносил их Петру Великому. В лагерь русских войск добровольно явилась сестра Ших-Али-Хана Периджа-ханум, известная сторонница русской ориентации, которая долго уговаривала брата сдать Дербент и не раз присылала к В. Зубову своих посланников с изъявлением верности России. К удивлению жителей, русские войска не разграбили город и обращались с населением так, словно им и не пришлось штурмовать Дербент. На следующий же день в городе восстановилась нормальная жизнь, открылись ремесленные заведения и лавки, оживилась торговля. Правительницей Дербента была назначена Периджа-ханум, в помощь ей — наиб Надир-хан, а Ших-Али-хан был взят под стражу.

Взятие Дербента стоило русским одиннадцати офицеров и ста семи нижних чинов, а взято было в крепости двадцать восемь орудий, пять знамен и одиннадцать тысяч разного оружия. В тот же день комендантом Дербентской крепости назначен был генерал-майор Савельев, и четыре батальона вступили в цитадель со знаменами, музыкой и барабанным боем. Окруженный блестящей

свитой — генерал-майор Сергей Булгаков, Иван Савельев, Александр Римский-Корсаков, Гавриил Рахманов, князь Павел Цицианов, барон фон-Бенингсен, Матвей Платов и бригадир граф Федор Апраксин, — главнокомандующий, двадцатичетырехлетний Валерьян Зубов, проехал через богато украшенный персидскими коврами и флагами город и направился к ставке Савельева.

За покорение Дербента Императрица пожаловала Зубову Георгия 2-ой степени, бриллиантовое перо на шапку и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного, а генералы, фактически покорившие Ключград, получили лишь по Анненской ленте.

Прекрасна в мае природа юга Дагестана: тысячи роз и маков, подобно заре, отбрасывают свой румянец на все окружающее, воздух наполнен их ароматом, и не умолкают соловьи в серебре миндалевых и абрикосовых садов.

Тут и там пасутся игривые стада баранов. Статные кони аскеров наиба Надир-хана и других владельцев, разбросав на ветру свои гривы, гордой рысью бегают от одного всадника к другому.

Главнокомандующий Зубов В. А. доволен и горд. И несмотря на уговоры новой правительницы Периджи-ханум занять шахские покои в цитадели, Зубов В. А. решительно отказался от них. Вместо них генерал приказал недалеко от петровской гауптвахты, у южной стены Нарын-Кала, на зеленой поляне разбить шатер и походную церковь, которые уже через час были сооружены умелыми солдатами его армии. Здесь, в большом шелковом шатре, главнокомандующий решил, одного за другим, вознаградить за верную службу владельцев Дагестана — выдать им денежные по-

дарки. А плененного Ших-Али-хана и изменника Сурхай-хана казикамукского он принародно решил обойти, поскольку те с самого начала выразили не только двуличие, но и непокорность трону российскому.

Главкомандующий Валерьян Александрович Зубов...

В царствование императрицы Екатерины II случались удивительные метаморфозы, когда вчера еще ничем не примечательный молодой человек, принадлежавший к среднему классу общества, вдруг, за день, благодаря счастливому жребию, приближался к земному божеству и поднимался на такие высоты, что у него тут же кружилась голова и он уже не только не помнил своего вчерашнего окружения, но даже начинал относиться к нему с презрением.

Именно такими молодыми людьми и оказались братья Зубовы: Платон и Валерьян. Платону было 22 года, и он служил поручиком в одном из гвардейских полков, когда попался на глаза Императрице. Хитрый и весьма изворотливый, он стал разыгрывать сентиментального юношу и нашел себе полезных помощниц из окружения Императрицы: всегдашних ее наперсниц Анну Нарышкину, Протасову и Перекусихину, которых Зубов П. сумел так обвести вокруг пальца, что они стали для него посредниками. Конечно, не прочь была внять их голосам и Екатерина, поскольку те твердили ей о возрасте вечной весны... Это в шестьдесят-то лет! Платон Зубов вошел в историю как последний фаворит Великой Екатерины.

До возвышения Платона Валерьяну было 19 лет и служил он прапорщиком в конной гвардии. На следующий же день после возвышения брата

Валерьян был командирован в караул в Царское Село, где и понравился Императрице, которая после этого почти ежедневно допускала его в свое общество. Невысокого роста, но чрезвычайно красивый молодой человек с живыми глазами хоряка пришелся по вкусу государыне, и она стала оказывать ему столько же внимания, сколько оказывала его брату. Чтобы придать его возвышению какое-то правдоподобие, Валерьян в чине майора гвардии был послан в армию князя Потемкина.

Недовольный возвышением Зубовых, Потемкин всячески публично высмеивал Валерьяна и окружал его презрением. Но так как Потемкину намекнули из Петербурга, чтобы он после какой-либо очередной победы послал В. Зубова обратно, то князь уступил требованию этой политической интриги и послал Валерьяна в Петербург с известием о взятии крепости Измаил. Когда Валерьян, перед отъездом из лагеря, явился в последний раз к князю, чтобы получить очередное приказание, произошел разговор, который вошел в историю екатерининских времен как анекдот.

— Если Императрица спросит тебя, — дружески сказал князь Валерьяну, — как я себя чувствую, скажи ей, что зубы причиняют мне боль, но когда я приеду в Петербург, то вырву их.

Но этого не случилось. Потемкину в Петербурге мастера «зубного врача» не хватило.

Едва Валерьян прибыл ко двору, его повысили в чине, сделали флигель-адъютантом Императрицы и, кроме других подарков, он получил орден св. Георгия 4-ой степени. Теперь он жил в Петербурге, ежедневно бывал у Императрицы и был осыпан знаками милости. Уже в 1791 году его до-

ход составил более 22 тысяч рублей. Довольно ограниченному уму Валерьяна такая жизнь казалась пределом мечтаний, однако тщеславие постоянно нашептывало ему, что при сложившейся ситуации он может добиться большего — стремительного полета по пути военной славы. И случай не заставил себя долго ждать.

После бурно проведенного часа Екатерина провела Валерьяна в Арабскую комнату дворца, села за свой письменный стол и, усадив его напротив, стала тонкими пальцами маленькой ручки раскладывать и рассматривать бумаги. За запертыми высокими, тяжелыми, в бронзе, дверями был слышен сдержанный гул голосов собравшихся гостей, пиликали скрипки, певучую руладу пропела флейта, хрипел фагот — музыканты настраивали инструменты.

— Да, милый, сейчас я объявлю, что войска наши, отправляемые на усмирение Польши, возглавишь ты...

Валерьян, в знак благодарности, осыпал ее маленькую ручку поцелуями. Его мечты и желания сбывались.

Императрица Екатерина Алексеевна встала и уже одна, без сопровождения Валерьяна Зубова, вошла в душное тепло ярко освещенного громадного зала Петергофского дворца. В серебристо-сером, тяжелом парчовом платье, в уложенных буклями седых волосах, в тесном, как кираса, длинном и узком корсаже, перетянutom наискось широкой орденой лентой со звездой, в тяжелой и блестящей арматуре драгоценных камней государыня казалась выше ростом. Глаза ее блистали счастьем обладания и победы, довольная улыбка витала у ее прелестных губ.

И судьба Польши была решена. Дело в том, что по второму разделу Польши в 1793 г. к России отошли земли Белоруссии и Правобережной Украины. Это усилило национально-революционный подъем, и весной 1794 г. в Польше началось восстание под руководством Тадеуша Костюшко. На подавление этого бунта и было направлено русское войско во главе с генерал-майором Валерьяном Зубовым, ставшим к тому времени и кавалером ордена св. Александра Невского.

Свое пребывание в Польше В. Зубов отметил следами безрассудства и жестокости. Крайне низкое, бесстыдное и возмутительное обхождение его с некоторыми польскими панам и их женами снискало ему, кроме всего прочего, и славу распутника. Восстание было подавлено, однако в самом конце этой поистине кровавой операции произошло событие, словно наказание Божье, которое оставило в жизни и на теле Валерьяна Зубова неизгладимый след.

Командованию стало известно, что близ польской деревни Поповки поляки, переправившись через Буг, разбирают и ломают мосты, а по другой стороне реки засели их егеря с пушкой, которые не дают русским солдатам подойти ближе и препятствовать этому разбою. Будучи недалеко от этого места с целью рекогносцировки, главнокомандующий В. Зубов вместе с софийскими карабинерами, волонтерами и штабными офицерами не придали этому факту особого значения и оказались в крайне опасной ситуации. Узнав об этом, полковник Рарок, посадив гренадеров своего полка на лошадей из фрунтового обоза, прискакал к графу Валерьяну Александровичу и уже издали крикнул:

— Господа, разъезжайтесь, неприятель, увидя генерала, окруженного столь многочисленную свитой, будет по нему стрелять!

Но не успел он сделать и нескольких шагов к графу, как выпущенное польскими егерями роковое ядро взорвалось в самом центре свиты командующего, в результате чего у него оторвало левую ногу. Истекающего кровью графа тут же положили на плащ и отнесли в деревню, в господский дом, где медики занялись отнятием ноги.

Таков был последний выстрел этой бесславной войны.

Егерей тех польских почти всех уничтожили, а одного, раненого, по приказу графа привели к нему.

— Кто стрелял? — тихо спросил его бледный, как смерть, граф.

— Не, пане, не я, — испугался хитрый поляк и, чтобы отвести от себя подозрение, добавил: — Еврей один, их у нас много, пане...

«Еврей» — это слово на всю жизнь запало не только в мозг Валерьяна, но и в его душу. С этого дня он будет мстить евреям любыми средствами, используя для этого любую возможность.

Да, в войсках славного генерала Костюшко, боровшихся за независимость Польши, было много евреев, но в числе стрелявших егерей их не было ни одного. А вот слово, неосторожное слово, попало в цель и в течение почти целого столетия в судьбе российских евреев играло роковую роль. После трех разделов Польши, когда уже и государства этого не стало, в Россию потекли польские беженцы-евреи. Наименее склонная принимать евреев, Россия стала теперь управлять большей частью еврейского народа,

которая по численности равнялась, а то и превосходила, еврейское население всех остальных стран, вместе взятых. И если во всех странах Европы уже не вводилось гетто, забыли о черте оседлости для евреев, в России же она, эта пресловутая «черта», не только сохранялась, но еще больше стимулировалась в течение многих десятилетий, поскольку, по иронии судьбы, синодский комитет по рассмотрению еврейских вопросов возглавлял тогда же не кто иной, как екатерининский «герой» Валерьян Зубов, а после него — такие же, как он, «евреелюбцы».

Так вот, весть о тяжелом ранении главнокомандующего графа Валерьяна Александровича Зубова привела екатерининский двор в ужас. Императрица не только написала своему любимцу, чтобы он возвратился в Петербург, но послала ему очень удобную английскую дорожную карету и 10 тысяч дукатов на дорожные расходы. А по приезду вручила ему орден св. Андрея Первозванного, вследствие чего он стал генерал-лейтенантом, и 300 тысяч рублей на уплату долгов.

«Великая во всем, и в своих чувствованиях, — писал современник, — государыня не могла удержать слез при виде Валерьяна. Она хотела подарками выразить свое участие и облегчить его судьбу». Мало того, В. Зубов был отправлен на лечение за границу и вернулся назад с искусственной ногой, так хорошо сделанной, что мог ездить верхом и оставаться на коне в течение нескольких часов. Впоследствии, когда он уже возглавлял персидский поход, горцы прозвали его «Гызыл аяг», то есть «человек с золотой ногой».

Тогда же В. Зубов был назначен, в качестве генерал-аншефа инфантерии, директором кадетского

артиллерийского и инженерного корпуса, а также важным представителем синодского комитета. Иными словами, Екатерина II своего фаворита не забывала. Однако властолюбивого Валерьяна подобная доля не удовлетворяла, он не мог примириться с ролью калеки, его деятельная натура требовала действий. И он уговаривает брата Платона и государыню позволить ему возглавить отправляемый на войну с Персией экспедиционный корпус.

Итак, главнокомандующий Валерьян Зубов приказал адъютанту вызвать к себе по одному владельцев Дагестана для выдачи подарков...

Глава 10

Будучи в хорошем расположении духа, Валерьян Зубов приказал вызвать к себе в шатер толмача, владевшего, к удивлению командующего, кроме тюркского, еще несколькими языками дагестанских народов, с похвалой отозвался о его способностях, плоско пошутил в связи с этим вообще по поводу мужских достоинств, слегка рассмеялся и сам, а затем, неожиданно прервав смех, так сказать, в самом его апогее, велел адъютанту пригласить ожидавшего в приемной шамхала тарковского Магомед-хана, к которому за короткое время знакомства генерал проникся особой симпатией. После недолгих, но теплых приветствий В. Зубов, с трудом передвигая протезом, прошелся к столу и вежливым жестом предложил шамхалу место рядом с собой. От предложенной выпивки Магомед-хан с улыбкой отказался, сославшись на привычку при деле не пить.

Памятуя, что впереди у него еще немало встреч, Валерьян Александрович не стал откладывать суть разговора в долгий ящик, а сразу поблагодарил шамхала за активную помощь в передвижении русских войск по территории его владений и в обеспечении их продовольствием. При этом не забыл упомянуть, что Императрица высоко ценит его усердие и просила передать ему слова Ее особой благодарности и подарок. Команду-

ющий взял с края стола конверт, в котором лежали 200 рублей — щедрый подарок государыни, и преподнес его Магомед-хану. Тот, в свою очередь, тоже поблагодарил Императрицу за заботу и внимание, выразил теплые чувства жителей своих владений, благодарных за защиту их интересов. После официальных церемоний Магомед-хан поблагодарил и генерала за дружеские чувства и пригласил его погостить в своих владениях, заметив, что наслышан об охотничьих успехах генерала, а в таркинских лесах, мол, очень много кабанов и туров.

После того, как толмач перевел приглашение шамхала, В. Зубов улыбнулся и, подмигнув ему, весело заметил:

— А я думал, что владетель приглашает меня на другую охоту.

Поняв шутку генерала, не менее молодой Магомед-хан, тоже улыбнувшись, в тон ему ответил:

— За этим тоже дело не станет...

— Что ж, ловлю на слове! — весело заключил генерал и добавил, что непременно воспользуется его приглашением.

Провожая шамхала к выходу, генерал вдруг остановился и спросил:

— Скажи, Магомед-хан, может быть, у тебя есть пожелания или вопросы?

— Нет, уважаемый Валерьян Александрович, — произнес он по-русски его имя и отчество, — благодарю вас!.. А я, как всегда, к вашим услугам...

Они пожали друг другу руку.

Следующим был приглашен уцмий Кайтага Рустам-хан. Он и сам не мог себе объяснить, но к этим двум владетелям В. Зубов питал чувство осо-

бого расположения. Может быть, это было связано еще и с тем, что они тоже были молодыми, легко понимали друг друга.

— Как дела, Рустам-хан? — как доброго приятеля, спросил его командующий.

— Благодарю, господин генерал! — молодец-то бойко ответил Рустам-хан. — Вы, я вижу, тоже в добром расположении духа?

— Да, друг мой, но борьба еще предстоит долгая, — ответил В. Зубов и весело добавил: — Хвост мы Ага-Мухаммед-хану придавили, а вот змеиную голову он спрятал...

— Мне кажется, эту голову там свои же и отрубят, — заметил Рустам-хан.

— Дай-то Бог, — в задумчивости ответил генерал.

Затем церемония повторилась. Последовали поздравления, взаимные благодарности и добрые пожелания. Сумма вознаграждения государыни была такой же щедрой.

— Скажи, пожалуйста, Рустам-хан, — спросил его генерал, — почему Ума-хан аварский вначале продался туркам?

Уцмий задумался. Он знал, что командующий располагает всеми необходимыми сведениями об Ума-хане, догадывался, что легкая смена им ориентации, мягко говоря, смущает генерала, наводит на мысль, что в случае непредвиденной опасности Ума-хан так же легко изменит и России, но вопрос задан ему, Рустам-хану, и требует ответа. Было еще одно немаловажное обстоятельство — мужественный горец никогда за глаза никого не станет охаивать, а тем более, такого же владельца, как он сам, с которым не раз делил кусок хлеба. «А может, это проверка меня самого?» —

мелькнула вдруг подозрительная мысль, однако, взглянув на простодушное лицо генерала, уцмий успокоился.

— Что сказать, генерал, — взвешивая каждое слово, отвечал Рустам-хан, — после трагических событий в Тбилиси сомнения в помощи от России охватили многих... Сами понимаете, никому не хочется быть растоптанным, ограбленным и униженным. А тут как раз подоспели льстивые, многообещающие эмиссары султана Порты и их щедрые посулы... Однако Ума-хан не лицемер, не двурушник, а настоящий джигит. Узнав, что обещания турков и персов — обман, что настоящая помощь горцам идет от братской России, он разорвал эти отношения и вернул с гонцом все, что те ему дали. Кстати, гонцу этому лживые турки отрубили голову...

— Весьма честная и правдивая характеристика, друг мой, — поблагодарил Рустам-хана генерал. — Твой рассказ снимает с Ума-хана многие подозрения, но согласишься, что со времен Петра Великого Россия не оставляла Дагестан без внимания...

«Э, не скажи, не скажи, друг мой, — вспомнив недавнее прошлое своих предков, подумал Рустам-хан, — при нападении Надир-шаха Дагестану никто не помог, кроме Аллаха...» А вслух, опустив голову, с улыбкой заметил:

— Я историю плохо знаю, генерал... но не смею вам возражать...

— Ну, да ладно, оставим эту неинтересную тему, — улыбнулся, в свою очередь, В. Зубов, — скажи лучше, есть ли у тебя просьбы или пожелания?

— Нет, уважаемый, благодарю вас! — искренне поблагодарил генерала Рустам-хан и, пожав протянутую ему руку, покинул шатер.

День шел к концу. Рустам-кади табасаранского командующий пригласил не одного, а вместе с наибом Мухтаром и его заместителем, Фархадом, ставшим в русской армии всеобщим любимцем и чуть ли не героем.

В. Зубов приветствовал каждого рукопожатием. Вошедший в этот момент генерал-майор Сергей Булгаков, чье войско Фархад так мастерски и незаметно провел по горным и лесным тропам к южным воротам крепости, тоже сердечно приветствовал их и, не вмешиваясь в предстоящую беседу командующего, сел рядом с толмачем.

— Ну, молодец, — обращаясь к Фархаду, сказал В. Зубов и, хромя, подошел к нему ближе. — Во-первых, выражаю тебе благодарность русского командования за великую помощь в проведении важной операции. Во-вторых, вот тебе ценный подарок в 100 рублей от самой государыни, Екатерины Великой! — В. Зубов вручил Фархаду конверт. — В-третьих, от меня лично дарю тебе этот дорогой, инкрустированный золотом пистолет, чтобы в любое время ты имел право служить офицером в российской армии!

— Благодарю вас, уважаемый генерал! — зардевшись от смущения, произнес Фархад.

— Молодец, что так краток! — похвалил его командующий. — Не люблю многословных и много обещающих.

— Вас благодарю, наиб, за хорошего и умного помощника! — еще раз пожав ему руку, произнес генерал.

— Уважаемый Рустам-кади, — театрально повернулся командующий к владельцу Табасарана, — я решил начать нашу встречу с младших чинов, чтобы показать, что Великая Императрица

весьма благосклонна ко всем, кто оказывает России свою помощь и усердие. Я рад также передать, что Ее Императорское величество весьма довольна вами, вашей помощью и поддержкой русской армии в борьбе против ненавистного нам общего врага и выражает вам благодарность, а я от Ее имени вручаю вам этот ценный подарок, — В. Зубов вручил Рустам-кади конверт с 200 рублями.

— Благодарю вас, господин генерал, — приняв конверт, произнес Рустам-кади, — прошу передать Великой Императрице, что не только я, но и мои предки всегда были с Россией. Кроме того, прошу вас, пользуясь пребыванием в наших краях, посетить мой дом и побывать в живописных местах моих владений!

— Спасибо, уважаемый Рустам-кади, за гостеприимство, если бы не дела службы, непременно воспользовался бы вашим приглашением...

Ни адъютант и толмач, ни генерал С. Булгаков, ни даже наиб с Фархадом не могли понять той метаморфозы, которая вдруг произошла в командующем. Сухость и официальность, прозвучавшие в его обращении к Рустам-кади после теплоты и сердечности по отношению к Фархаду, были настолько разительны, что невольно насторожили всех, а тем более, самого владельца. Как будто все шло так же, как и с предыдущими, но все же что-то было не так, не было того жара, той отзывчивости, искренности, что были ранее. И это не на шутку напугало владельца и наiba.

Нервозность чувствовалась и в поведении В. Зубова. Неожиданно, нелегко передвигая протезом, — видно, он причинял ему не только какую-то боль, но и неудобства, — он подошел к своему

столу, взял с него какую-то бумагу и, бегло просмотрев ее, спросил:

— Скажите, Рустам-кади, вам знаком купец Хануко Шолум-оглы?

Наиб и Фархад насторожились.

— Да, он живет в селении Аба-Сово, в трех верстах отсюда, — ответил Рустам-кади и невольно подумал, что купец снова пожаловался на него, видно, упомянул недавний случай нападения на него.

— Он что, еврей? — неожиданно спросил В. Зубов.

— Да, генерал, — ничего не понимая, ответил Рустам-кади.

— Говорят, это еврейское село — зажиточное, благополучное, а жители его, во главе с этим Хануко Шолум-оглы, под самым вашим носом нагло грабят ваших же мусульман? — продолжал задавать непонятные и неприятные вопросы командующий. — И как вы все это терпите?

Ситуация менялась от вопроса к вопросу. «О...о... а ведь все складывается не в пользу купца... — подумал Рустам-кади и взглянул на наиба. Тот злорадно ухмылялся. — Интересно, за что он попал в немилость?»

— Селение еврейское, это верно, но мы владем ситуацией и никому не позволим грабить и обирать, господин командующий, — уже успокоившись, более уверенно отвечал Рустам-кади. — Может быть, вы, уважаемый господин генерал, объясните, в чем дело?

— Этот еврейский купец, не довольствуясь тем, что имеет огромное богатство, набрался нахальства и просит, чтобы его, вопреки нашему позволению, приняли в купеческую гильдию и дали звание купца I гильдии, ишь чего захотел!..

«Так вот, оказывается, в чем дело! Купец, всегда такой предусмотрительный, на этот раз попался, как кур во щи. Мало этого, его шишки опять летят в мою сторону, — думал Рустам-кади. — Нет, поведение этой семьи становится нетерпимым, не поддается контролю...»

— Если господину генералу угодно, я объясню некоторые детали? — спросил Рустам-кади, решившись на хитрый ход.

— Извольте, — дал согласие В. Зубов.

— Дело в том, уважаемый генерал, что это селение перешло в мои владения чуть больше двух лет назад, — начал Рустам-кади издалека.

— Как? — не понял В. Зубов.

— Произошло это следующим образом, — продолжал владетель, — небезызвестный Ших-Алихан, этот транжира и распутник, во владениях которого было оно раньше и жителям которого покровительствовали не только он сам, а и его отец, Фет-Али-хан, в свое время закрепивший за этими евреями землю на вечное пользование, задолжал мне огромную сумму и в счет долга передал селение мне. Теперь жители этого селения дань платят мне, кстати, исправно...

— И что, это дает им право на ваше покровительство? — с хитринкой спросил В. Зубов. — Кстати, я все хотел спросить: вы, уважаемый Рустам-кади, мусульманин?

— Да, иншалла, я, по воле Аллаха, мусульманин, — гордо заявил Рустам-кади.

— А мне один ученый рассказывал, я, правда, этому не поверил, что табасаранцы в прошлом были евреями, — может, потому вы и потворствуете этим евреям? — не то в шутку, не то всерьез спросил генерал.

Трудно себе представить, как легко взбунтовать горца. Самые нелепые слухи, самые невероятные домыслы, самые несбыточные обещания могут вызвать в них пожар негодования, восприниматься ими на веру или вызвать оскорбленное чувство.

И Рустам-кади, который почти всегда умел сдерживать свои эмоции, а пытливый и рассудительный ум его в самых запутанных случаях находил в шелухе фактов драгоценное зерно, стал не похожим на самого себя, вспыхнул, как сухой августовский стог от маленькой искорки, в пронзительных глазах его появились негодование, ненависть и решительность немилосердно, жестоко убрать со своего пути того, кто долгое время так или иначе вставлял палки в его колеса.

— Нет, господин генерал, я не еврей и никогда им не был! И в доказательство этому я завтра же это селение вместе с этим купцом-занозой вырву и уничтожу!

Наиб торжествовал, провокация генерала, как говорится, словно семя, легла на удобренную почву, наконец, пришел час расплаты, он теперь вдоволь поиздевается и над этим зловредным ковхо, и особенно над этим ненавистным купцом, который в последнее время не давал ему житья, даже владельца чуть было не настроил против. В глазах его появился блеск удовлетворения и злорадства.

Обещание владельца, за которым обязательно последует действие, ввергло Фархада в шок. Это было настолько неожиданно, неправдоподобно, что он почти минуту стоял в замешательстве. Потом все же, осознав размеры того несчастья, которое могло скоро обрушиться на головы близких

ему людей, на ни в чем не повинных жителей селения, ни сном ни духом не ведавших об этом, его пытливый ум стал лихорадочно искать выхода. Отбрасывая одно решение за другим, он вдруг вспомнил, что утром говорил наибу о болезни матери и под этим предлогом мог попросить у того позволения на полчаса уехать прямо сейчас. «Слава Аллаху, Хануко бен Шолума и братьев Истир в селении нет, — мелькнуло у него в голове, — может, пронесет... но все равно, надо немедленно сообщить старосте о надвигающейся беде...»

— Знаете, господин генерал, вы сейчас помогли мне скинуть с плеч тяжелую ношу, — неожиданно улыбнувшись, заметил Рустам-кади. — Благодарю вас. Если не возражаете, мы можем уйти?

— Да, пожалуйста, но не забудьте, нас ждет банкет... — ответил В. Зубов.

Когда представители Табасарана спешно покинули шатер и толмач тоже ушел, к главнокомандующему обратился удрученный только что услышанным старый генерал С. Булгаков.

— Извините, Валерьян Александрович, но вы невольно спровоцировали этого невыдержанного владельца на большую резню... пострадают ни в чем не повинные люди...

— Да что вы, генерал, мало ли что эти люди могут наобещать?! Не волнуйтесь, выкиньте из головы, — превратив этот инцидент в шутку, ответил В. Зубов, в душе желавший все же этой «резни» евреев.

— Не скажите, Валерьян Александрович, эти азиаты — народ необузданный... — прощаясь, заметил С. Булгаков.

Из дальнейшего разговора владельца и Мухтара Фархад понял, что намерения Рустам-кади —

крайне жестокие, тем более, что эту кровавую операцию он поручил наибу, который давно мечтал об этом. В полночь, не дождавшись конца банкета, Фархад напомнил наибу о матери, отпросился до утра и, пообещав дожидаться их у въезда в Аба-Сово, вихрем умчался не в Джалган, к действительно больной матери, а на помощь к друзьям.

Раби Шолума он нашел дома, старик уже лег спать. «Хорошо, что дом их на самом краю села, у дороги, — подумал Фархад, — надо, чтобы меня здесь не видели...»

— Что случилось, сынок, на тебе лица нет? — спросил раби Шолум, встав со своего ложа.

— Беда надвигается, дедушка Шолум! — не стал тянуть время Фархад, поскольку его оставалось все меньше и меньше, и рассказал старику обо всем, чему был свидетелем.

— Что же делать? — задумался кавхо и решил: — Надо немедленно поднимать людей, чтобы до утра успеть отправить их в город. Периджа-ханум моей просьбе не откажет, примет людей... А я, конечно, останусь встречать наиба, может, удастся...

— Да, дедушка, — согласился Фархад, — но по дороге нельзя, вдруг им навстречу выедут аскеры наиба, тогда беды не миновать...

— Верно, Фархад, ты прав, сынок, тогда как же?

— Я думаю, здоровые и сильные мужчины сами спустятся на веревках с отвесной скалы на краю села, — предложил Фархад, — а детей, женщин и стариков на северах надо будет спустить тем, кто здесь останется с вами...

— Молодец, сынок, у тебя голова умная, — заметил ковхо, — оттуда и до ворот Орта-Капы рукой подать...

— Именно Орта-Капы, дедушка, — сказал Фархад, — иначе могут напороться на наиба, он, я думаю, со своей сотней будет выезжать сюда или от западных ворот, или от Баят-Капы...

— Да, верно, — согласился раби Шолум, — а тебе надо немедленно уходить, чтобы никто тебя не увидел. Сейчас середина ночи, люди все спят...

— Спасибо, дедушка, вы мне облегчили задачу, — ответил Фархад, — я сам хотел вас об этом попросить... Да, чуть не забыл, знаю, что моих друзей, братьев Истир, дома нет, пусть Сави передаст ей, чтобы она взяла с собой мой посох, она знает о нем...

Это был тайный намек, что он остается в шалаше.

— Хорошо, сынок, обязательно и сейчас же передам, — пообещал Фархаду старик. — Спасибо тебе, да благословит тебя Бог!

Фархад незаметно покинул село, обогнул его и, оставив коня в урочище джалганского пира-родника, спустился по ущелью Дерей-мар и, поднявшись на вершину дуба-шалаша, стал наблюдать за селом. В свете луны он увидел, как люди, словно муравьи, передвигались с места на место, тащили узлы и заходили за невидимую ему полосу.

После того, как основную массу людей спешно эвакуировали, на защиту селения остались тридцать человек. Десять из них, умевшие метко стрелять, получили от предусмотрительного ковхо пистолеты и ружья, а остальные взяли свои или оставшиеся от эвакуированных соседей кинжалы, сабли и даже охотничьи луки со стрелами. Все они искусно попрятались в ловко смастеренных тайниках вокруг майдана, в центре которого должен был встретить непрощеных гостей сам раби Шолум.

Просьбу Фархада Сави передал Истир, и она, конечно, догадалась, что Фархад ждет ее в укромном шалаше, однако пойти туда не поторопилась. В категоричной форме отказался покинуть село и Сави, вопреки просьбам и заклинаниям дедушки не пожелавший оставить старика одного. У него был свой пистолет, полученный им в подарок от купца Исаака Мейлина, которому понравились гордость и бесстрашие Сави.

Все защитники селения были строго-настрого предупреждены раби Шолумом, особенно молодые и горячие Илье и Эсеф, о том, что без его команды нельзя стрелять, своего тайника не покидать, а ждать... ибо любой выстрел может спровоцировать непоправимую беду.

Итак, последние шестеро женщин, стариков и детей были опущены вниз в ловко связанных веревками корзинах — северах, и защитники собирались уже сбросить вниз концы веревок.

«Главное сделано, — думал тем временем раби Шолум. — Теперь надо любой ценой задержать непрошенных «гостей» как можно дольше, если они действительно придут, чтобы эвакуированные успели дойти до городских ворот незамеченными. Каков бы ни был исход дальнейших событий, они, спасибо Фархаду, — наше продолжение...» Раби Шолум вспомнил вдруг удивительно похожую историю одного из старожиллов Аба-Сово о том, как несколько веков назад люди так же, как сегодня, бежали, оставляя за собой все нажитое и обжитое.

— Вы поняли, о чем я вам толкую, братья и дети мои? — спрашивал ковах каждого защитника, еще и еще раз напоминая, что без его команды шума не поднимать. — И еще я вас должен преду-

предить вот о чем, — раби Шолум умолк, чтобы, подумав, сказать о самом главном. — Может случиться, да не допустит Творец этого, и самое страшное — в нас будут стрелять и убить нас могут, мы, с благоволения Всевышнего, постараемся избежать этого, но такое вполне возможно. Если среди вас есть кто-нибудь, кто... не хочет оставаться здесь... скажите лучше сейчас, и мы поможем ему, пока не поздно, спуститься вниз... есть такие?

— Нет, ковхо, мы с вами!

— Нет, раби Шолум! — ответил Мататья, сторож синагоги.

Концы веревок были брошены вниз.

Первым появление всадника на окраине селения заметил из своего укрытия внук старосты Сави и тут же выкриком предупредил деда:

— Дедушка, смотри на дорогу!

Раби Шолум вышел на середину майдана и стал ждать приближения всадника — видимо, наиба Мухтара. А тот, взглянув в сторону села, поднял руку и командным взмахом приказал своей сотне следовать за ним. И аскеры наиба в черкесках из черного сукна, на которых выделялись белые газыри, в легких сапогах под цвет серых каракулевых папах галопом помчались с поднятыми вверх саблями за своим кровожадным командиром. Все они были заранее предупреждены наибом о том, что должны сегодня совершить угодное Аллаху дело — уничтожить всех до одного евреев, а селение сжечь и снести с лица земли.

Конь наиба, статный гнедой великан мчался на стоявшего в центре майдана старосту с белой кипой на голове и у самого его носа, на всем скаку, поднимая копыта вверх и обдав его пылью, резко остановился. Раби Шолум даже не шелохнулся.

— Где твой мерзкий сын, старик? — вложив в эти слова всю свою ненависть, выкрикнул наиб.

— У меня нет подобного сына, наиб, ты ошибся адресом! — чеканя каждое слово, ответил раби Шолум, а про себя подумал: «Вот, кажется, и конец пришел! Надо было все же отправить внука со всеми... Что ж, придется выдержать все унижения, чтобы предотвратить катастрофу...»

— Так где же он? — вскипел наиб и поднял кнут. — И где остальной народ, я что-то никого не вижу?

Раби Шолум не удостоил его ответом, но продолжал смело смотреть ему в глаза.

Тяжелая плеть наиба, взметнувшись, с силой опустилась на голову старика, отчего кипа отлетела, а на открытой части осталась красная полоса.

— Отвечай! Где твой сын? — орал взбешенный наиб.

Раби Шолум, преодолевая боль, условленным движением руки дал знак укрывшимся защитникам не стрелять, набраться терпения и ждать его сигнала.

— Отвечай, старик! До каких пор этот твой собачий сын, этот ублюдок, будет идти нам наперекор? — гарцуя на своем скакуне, орал наиб.

Раби Шолум решил ничего не отвечать, пока весь пыл взбесившегося наиба не иссякнет. «Значит, Рустам-кади сам не решился приехать, — думал тем временем старик, — а послал этого выроodka, кровожадного «бижа», ярого ненавистника евреев...» И в этот момент на голову раби Шолума кнут обрушился с такой силой, что причинил ему страшную боль. На его голове остался еще один кровавый след, и заплыл один глаз. Однако старик все еще надеялся, что наиб не возъ-

мет на себя тяжкий грех, не решится его убить и кровопролития удастся избежать.

— Отвечай! Где твой сын? Пусть выйдет сюда, а не прячется, как трус! Я дам ему купца I гильдии, о чем он просит русского генерала! Ах, снова молчишь?! — и, снова не получив ответа, наиб еще раз ударил старика кнутом, отчего тот пошатнулся, но удержался на ногах.

— Зачем ему были нужны эти гильдии? — допытывался наиб. — Чтобы стать выше нашего правителя? — сойдя со своего скакуна и взяв смотревшего прямо ему в глаза старика за шиворот, спрашивал разъяренный Мухтар. — Отвечай, ковхо, где твой сын? Ах, не отвечаешь, считаешь ниже своего достоинства? Вот тебе, вот тебе... — И удары кнутом посыпались на голову, плечи и спину старика. .

— А помнишь, ковхо, однажды владетель сказал тебе, что у нас шакалов нет, он оказался прав, ха... ха... — стал смеяться наиб, нанося старику все новые удары.

— Ты опять ошибаешься, наиб! — прервал его дикий смех раби Шолум. — Они есть, их немало, и первый среди них ты и твой владетель, сукин сын!

Однако как только наиб приготовился к следующему удару, старик неожиданно сильно схватил его за руку, удержал ее на несколько секунд и, взглянув ему в лицо, произнес:

— Кто ты такой, ублюдок, чтобы я, Шолум, сын Гаврила, отвечал тебе?! Не дожدهшься, нас не раз убивали, харамзаде, тех убийц и след простыл, а мы живем и будет жить! — и отпустил руку наива.

Тот сперва опешил, отошел на шаг от неустрашимого старика и, вскочив снова на коня, крикнул:

— Убейте его! Жгите дома, всех убивайте!

И на голову коваху обрушился удар кнута Ахмеда-богатыря, отчего из нанесенной раны потекла кровь. Тогда уже Сави не выдержал, он прицелился из своего укрытия в этого безжалостного убийцу и выстрелил. Ахмед-богатырь охнул от неожиданности, на секунду замер с поднятым для нового удара кнутом и, схватившись за сердце, кулем упал с лошади. За первым выстрелом с разных сторон последовали другие, убивая аскеров одного за другим.

— Нас предали! Они нас ждали! — трусливо крикнул наиб и полоснул раби Шолума своей острой саблей, отчего старик согнулся, упал сперва на колени и затем медленно сполз на землю.

Отбросив пистолет, Сави выбежал из своего укрытия и бросился к деду, однако добежать до него мальчику не удалось — наиб выхватил свой пистолет и на всем скаку выстрелил в него. Кувыркнувшись, смертельно раненый Сави упал лицом на землю.

— Сжигайте, убивайте всех! — кричал взбешенный наиб. — Всех, до единого! — с саблей в одной руке, с пистолетом в другой, призывал он своих головорезов. — Всех уничтожить!

Убив двоих аскеров, пал неустрашимый Илье. Истратив патроны, уже саблей отбивался Эсеф. Однако, убив одного, он не заметил напавшего на него сзади всадника-аскера, который вонзил ему в спину острие своего клинка и сразил мужественного парня. Топот лошадиных копыт смешался с криками раненых и поверженных людей. Загорелись дома, рушились крыши.

Неожиданно из горевшего дома старика Шумина с криком выбежали его маленькие внуки; ничего не понимавшие дети разбежались в разные сто-

роны. Вслед за ними выбежали и старики, однако не успели они крикнуть какие-то слова обезумевшим от страха, огня и крови детям, как подскочивший к Шумину аскер на всем скаку зарубил его саблей. Затем была заколота больная и старая Неспет. Трое аскеров преследовали бежавших маленьких детей.

Увидев убитую бабушку, старший, восьмилетний внук кинулся к ней, с трудом повернул к себе лицом отяжелевшее вдруг тело и ужаснулся. Он поднял маленькую голову, и на аскера глянули обезумевшие от страха детские глаза. Однако мальчик не успел даже понять, что такая же участь уготована и ему, когда острая сабля безжалостного аскера прошлась по его телу, окрасив кровью этого невинного существа копыта коня и землю под ними.

Шестилетнего мальчика закололи вслед за старшим братом, а четырехлетний бежал от догонявшего его всадника-аскера, не ведая, что его хотят убить, он убегал, унося свои быстрые ножки, думая, что с ним играют в догонялки. На какую-то секунду ребенок остановился, повернул улыбающееся личико к тому, кто его нагонял, думая, что с ним играют, но увидев поднятую на него руку с окровавленной саблей, в страхе поднял ручки, словно хотел ими защититься, и испуганно заплакал. Однако аскер-изувер, что гнался за ребенком, со всего размаху полоснул его саблей и поскакал за другими жертвами.

Почему они остались в селе, каким образом забыли их в спешке уходившие жители, было неизвестно. Может быть, старик Шумин сам решил не уходить, подумал, что их не тронут, что надо быть человеконенавистником, чтобы убивать стариков

и детей. Видно, забыл старик, что в истории его народа таких случаев было немало!

Повсюду валялись трупы, сперва грабили, а потом поджигали дома, не жалели никого: ни малых, ни больших. Убивали даже немощных и больных женщин и стариков, видно, не пожелавших или не сумевших по состоянию здоровья покинуть селение и понадеявшихся, что их-то, по-существу, и не живых уже, не тронут, оставят умирать своей смертью. Конечно, силы защитников были значительно слабее носившейся, как ураган, сотни наиба, хотя ей тоже был нанесен значительный урон.

Неожиданно у одного из домов трое защитников, вооружившись трофейными саблями и заняв круговую оборону, стали отбиваться от нападавших на них пеших аскеров. Вокруг них уже валялось несколько трупов неприятеля, когда к ним подскочил наиб.

— Остановитесь! — крикнул он аскерам. — Где ваши кони? Почему деретесь пешими?

Пристыженные аскеры прекратили бой и отошли на пару шагов от оборонявшихся, а те, правильно посчитав себя обреченными, кинулись на аскеров и вонзили в них клинки своих сабель. Увидев это, наиб выхватил пистолет и убил вначале одного защитника, затем, вытащив из-за спины второй пистолет, убил второго, а третьего приказал пятерым аскерам догнать и прикончить. Что те и сделали так же хладнокровно, как и их наиб.

Нескольких аскеров догнали метко выпущенные в них стрелы, и они замертво попадали со своих скакунов. Правда, судьба не пощадила и самих лучников.

Неожиданно к дому Авшалума прискакал с большим факелом в руках аскер и стал поджигать — сперва стог прошлогоднего сухого сена, затем сарай и вслед за этим, сойдя с лошади, открыл двери в дом и бросил туда зловещий факел. Разгневанная Истир, забыв об опасности, схватила висевший на стене отцовский кинжал, незаметно подобралась сзади к поджигателю и убийце и с криком вонзила его в спину ненавистного врага.

Поскольку оставаться дольше в горевшем доме было опасно, Истир бросилась к ущелью Дереймар, где ее должен был ждать Фархад.

Аскеров, подбежавших с факелами к синагоге, встретил старик Мататья, сторож еврейского храма. Он вышел им навстречу с саблей в руках и сказал:

— Конечно, набросившись на меня все вместе, вы можете меня, старика, убить. Но если вы не трусы, давайте сразимся с каждым в отдельности...

Один из аскеров, здоровый, почти двухметрового роста богатырь, жестом остановил своих товарищей, выхватил из ножен саблю и набросился на тщедушного старика. Однако тот проявил чудеса такой виртуозности, что аскер из нападающего постепенно перешел в позицию оборонявшегося и неожиданно, молниеносным ударом старика, был смертельно ранен, и уже в состоянии агонии сердцем напоролся на острое клинка Мататии.

Оттащив убитого в сторону, в бой вступил второй аскер, осторожный и хитрый, но мастерски владевший своим оружием. Мататья часто отступал, уходил от острых атак, боялся или делал вид, что боится противника, вызывая того на не-

обдуманый шаг, и когда тот, приняв отход Мататьи за защиту, за боязнь, бросился на старика нахрапом, тот неожиданным приемом убил и этого тоже.

Мало кто знал, даже из своих, что старик Мататья когда-то давным-давно, под русским именем Матвей, оказавшись в Крыму, принимал на стороне России участие в русско-турецкой войне тридцатилетней давности и в одном из боев попал к туркам в плен. А там, воспользовавшись своей внешностью и знанием тюркского языка, подружился с мастерски владевшим саблей начальником охраны тюрьмы в бухте Чешме, 5 лет учился у него этому мастерству, и по окончании войны, в 1774 году, тот помог Мататье уехать домой.

Когда же в бой вступил третий аскер и также был за минуту убит, остальные всполошились и, посоветовавшись, кинулись на старика вчетвером, окружив его со всех сторон. Мататья понимал, что силы неравны и что его сейчас тоже убьют, однако радовался, что ему удалось такой ценой отдать свою жизнь. Удача не сразу покинула старика, в тот момент, когда он отправил к праотцам еще одного аскера, три клинка вонзились в него, и смерть пришла к нему моментально.

Как раз в тот момент, когда оставшиеся в живых аскеры поджигали синагогу, к этому месту, преследуя убегающую в ущелье Дерей-мар Истир, прискакал наиб. Оставив коня и позвав за собой одного из аскеров, он кинулся туда, куда убежал, как думал Мухтар, этот лакомый кусочек.

Увидел девушку и Фархад. Он видел и слышал, какую кровавую бойню учинили его собратья по сотне, ему было стыдно за своих единоверцев. Он был воспитан в лучших традициях добра и спра-

ведливости, его сознание не принимало этой жестокости, отказывалось понимать ее. В нем в течение всего этого времени росла ненависть к наibu, этому разбойнику, подлинному гачагу — с гачагами тот дружил и тех же гачагов легко предал — и вот теперь, когда он, по существу, оказался один на один с наibом, он решился сразиться с ним, убить его, не дать ему издеваться, глумиться над своей любовью, защитить честь и достоинство этого чистого, как хрусталь, создания.

Фархад не видел, как наib, оставив коня, подозвал к себе еще одного аскера, как они с двух сторон кинулись к его шалашу, куда устремилась Истир, и именно это послужило причиной его собственной гибели.

Он вышел навстречу наibu, и тот оторопел от неожиданности.

— Фархад, как ты здесь оказался? — и вдруг его осенила догадка. — Так это ты нас предал, своих единоверцев, своих братьев? — закричал наib на своего заместителя.

— Мне стыдно быть тебе братом и единоверцем! — ответил Фархад мужественно. — Ты всегда был предателем, я давно знаю об этом.

— Ах, вот как? Значит, ты из-за еврейки, что спряталась за тобой, предал свою веру? Значит, я змею грел за пазухой? Нет тебе пощады! — с этими словами наib кинулся на Фархада, и их сабли скрестились. Мощный тридцатипятилетний мужчина — и не менее крепкий молодой человек; грязный в делах и помыслах наib — и чистый, как воды родника, юноша; мусульманин по вере, неизвестно кто по происхождению, убивавший ни в чем не повинных людей кровожадный наib — и мусульманин по вере, но с верой в дружбу

любие и чистоту человеческих стремлений; один — дьявол в человеческом обличье, другой — посланник Бога за справедливостью сцепились друг с другом не на жизнь, а на смерть.

И в тот момент, когда Фархад уже одолевал наиба, чаша весов в пользу молодого стала перетягивать, в шалаш неожиданно ворвался аскер, которого наиб предусмотрительно повел за собой. Не увидев Истир, которая с кинжалом в руке готова была кинуться на помощь Фархаду, аскер стал спиной к ней, поднял пистолет и, выстрелив в Фархада, убил его. Обезумевшая от этого Истир сзади вонзила аскеру под левую лопатку кинжал, отчего тот сразу скончался, и кинулась с этим же окровавленным кинжалом на наиба. Но ловкий и сильный наиб перехватил ее руку, вырвал кинжал и сильным ударом свалил ее на землю.

Истир, на грани безумия, схватила с земли горсть песка и листьев и, бросив все это наибу в глаза, хотела убежать, однако тот ловко увернулся и схватил ее за косу.

— Э, нет, сучоночка, теперь ты от меня не убежишь, я узнал тебя — защитницу, теперь я должен тобой насладиться... — оскалив свои шакальи зубы, усмехнулся наиб.

— Нет, лучше убей, злодей! — наполненный ужасом крик Истир раздался на дне ущелья, однако его никто не слышал.

Наиб скрутил ей руки, повалил на землю и стал быстро срывать с нее сперва платье, а затем шаровары. Но когда Истир попыталась помешать насильнику и, нагнувшись, укусила ему руку, наиб вскрикнул от боли и так сильно ударил ее по лицу, что девушка лишилась чувств. И в таком состоянии он совершил ругательство над ней.

Очнувшись от боли, Истир увидела его обезумевшие от страсти глаза, налитое кровью лицо и, ничего не соображая от страшной боли во всем теле, нащупала рукоятку его позвякивавшего от движений кинжала, неожиданно вынула его из ножен и, собрав остатки своих сил, вонзила его в левый бок наиба, прямо меж ребер. Наиб охнул, остановил свои эротические движения и, схватившись за сердце, успел произнести:

— Ты же уби...ла ме...ня... су...

И замертво упал на нее всем телом.

Истир некоторое время лежала под наибом, не имея сил отодвинуть его в сторону. Потом уже, задыхаясь от этой ненавистной тяжести, она каким-то невероятным образом, оставляя кровавый след, отползла в сторону, увидела распростертого на земле Фархада и, скуля, как раненая собака, подползла к нему, ласково прикоснулась к его холодеющему лицу, прижала его голову к своей груди и тихо хихикнула:

— Хи...хи... ну что же ты лежишь, Фархад? Вставай, пойдем к нам домой, наверное и мои братья уже пришли... хи... хи...

Неожиданно Истир удивленно уставилась на Фархада, словно в ней проснулось сознание, и замерла в ужасе. Потом неуклюже, судорожными, можно сказать даже, порхающими движениями собрала разорванную одежду, примерила к себе часть платья, улыбнулась кому-то и, схватив убитого аскера за ногу, оттащила его к наibu и уложила его так, что рука его оказалась рядом с рукояткой торчащего из тела наиба кинжала... Обессилев от этой операции, точнее, от потери крови, которая все еще продолжала течь из нее, Истир прилегла рядом с Фархадом и снова загадочно улыбнулась...

Вдруг где-то рядом прозвучали чьи-то голоса, и Истир инстинктивно собралась с силами, пролезла в дупло дуба внутри шалаша, с трудом, теряя последние силы, взобралась на незаметный лежак — и здесь уже потеряла помутневшее сознание. Оставшиеся в живых аскеры собирали трупы своих братьев. Увидев распростертые тела убитых наиба, Фархада и аскера, который почему-то вонзил в сердце наиба кинжал, они были крайне удивлены и опечалены. Подсчитав потери, они вынуждены были признать, что на шестьдесят два взрослых и четыре детских трупа евреев они имеют пятьдесят своих трупов и двоих тяжело раненых. Мало того, сотня потеряла всех своих руководителей.

Положив убитых аскеров на их же коней, остальные, уже ближе к вечеру, покинули разоренное, сожженное ими селение с разбросанными повсюду трупами его жителей и взяли курс к дому владельца Рустам-кади. Понурые, убитые горем, они не заметили, как праведная кровь ни в чем не повинных жителей Аба-Сово и посеченных детей их, словно маковый след, превратилась в яркую багровую зарю и уходила за горизонт, невольно, в который уже раз за долгую историю этого народа став кровавым закатом их жизни.

Эпилог

Периджа-ханум и оставленный в городе комендантом генерал И. Савельев беженцев из Аба-Сово приняли, и заселение Дербента евреями, как считают, начинается именно с этого времени. О том, кто похоронил убиенных героев уничтоженного селения Аба-Сово, ничего не известно. Но то, что они нашли покой на своем кладбище, сомневаться не приходится, ибо похоронены они в одни и те же дни мая 1796 года, о чем ведают записи на могильных камнях. Есть предположение, что это сделали бывшие жители этого селения, оповещенные генералом И. Савельевым, который, будучи другом Хануко бен Шолума, посчитал своим долгом проводить их в последний путь. А может быть, это дело рук вернувшегося вскоре Хануко бен Шолума, которого предчувствие все же не обмануло.

Неизвестно также, мучили ли Валерьяна Зубова угрызения совести по поводу его обернувшейся трагедией провокации. Но, словно в наказание за содеянное, всего через 8 лет Бог в страшных муках отнял его никчемную жизнь.

Обезумевшую и уже никем не узнаваемую Истир, эту поседевшую молодую женщину, всегда босоногую, часто видели на пыльных дорогах бредущей от села к селу; некогда красивое лицо ее постоянно менялось от уродливых гримас. Она то

улыбалась, то плакала неизвестно от чего, но упорно искала кого-то или что-то. Может быть, она искала потерянное колено Бенъяминово?..

РАССКАЗЫ

ТАЙНА ТЕТРАДИ № 6

На небосклоне журналистского олимпа неожиданно, словно только что открытая звезда, заблестало вдруг доселе неизвестное широкому кругу читателей имя репортера популярной газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» Роберта Прогнози. Его информация в газете о совершенно свежих, можно сказать, всего лишь часовой давности событиях, лаконичная и выверенная до ювелирной точности, ошеломляла своей оперативностью, невольно выделяя его среди целого сонма известнейших репортеров не менее именитых газет. Основатели общественно-политических еженедельников, издатели популярных газет, обещая ему самые высокие гонорары, пытались любой ценой заманить его к себе, но Роберт Прогнози оставался верен своей газете, хозяин которой, в свою очередь, выплачивал ему все большие и большие вознаграждения, ибо тираж его детища рос в геометрической прогрессии.

Многие коллеги пытались узнать секреты его методов, ходили за ним чуть ли не по пятам, тайно заглядывали в окна его рабочего и домашнего кабинетов в то время, когда он работал за письменным столом, с помощью нанятых детективов пытались залезть в его шкафы, украсть блокнотные записи, но разузнать что-либо существенное им так и не удалось. Однако они вынудили Робер-

та, ставшего к тому времени не только известным, но и очень богатым человеком, усилить свою охрану таким образом, что теперь проникнуть к нему без опасения потерять собственную голову никто не решался.

Феномен Роберта Прогнози так и остался бы непознанным, тайна его так и осталась тайной и он унес бы ее с собой в могилу, если бы в одной из его многочисленных тетрадей не оказалась начертанная его рукой лаконичная запись: «Договор с дьяволом» и рядом цифра «6». Биографу Роберта Прогнози пришлось немало попотеть: основательно порыться в его архивах, простучать все стены кабинета, снять книги с полок шкафов, — чтобы найти тайник, где преспокойненько лежала толстая, похожая на амбарную книгу тетрадь, на которой была выведена цифра «6». В этой таинственной тетради хранился секрет десятилетних успехов знаменитого репортера, его скрупулезный отчет за каждый прожитый день с момента заключения им договора с дьяволом до последних часов жизни...

Двадцатисемилетнему Роберту постоянно не везло. Журналист из обоймы средних, он, за отсутствием средств, а значит, и транспорта, всегда и везде не успевал: не успевал вовремя прибыть к месту происшествия — и его информация приходила в редакцию после того, как уже ушла в набор за другой подписью, не успевал попасть на ярмарки, выставки, в музеи, где вывешивались редчайшие картины или экспонаты, опаздывал на презентации или вручения наград высокопоставленным особам. И хотя его материалы отличались иногда оригинальностью мышления, все равно они выбрасывались в корзи-

ну редактора, так как подавались с опозданием, после того, как поезд уже ушел. Коллеги подшучивали над его неудачами, а иногда они, эти неудачи, становились предметом их открытых насмешек. Однако главным было другое — невезения эти нещадно били по его и без того пустому карману, доводя его до отчаяния, до нервных срывов, которые в последнее время преследовали его даже дома. Недаром говорят: где тонко, там и рвется. Неудачи, бедность, бег за недосыгаемой мечтой привели к тому, что однажды его покинула и жена...

Бывали минуты, когда он, с тайной ненавистью разглядывая своих довольных жизнью коллег, жалел себя, считая, что он, Роберт Прогнози, — среди них самый одаренный, талантливый репортер, однако, по иронии судьбы, он же и самый невезучий, просто над ним, считал он, постоянно висит злой рок, который почему-то не дает ему жить.

Вот в таком состоянии безысходной тоски и полной беспросветности Роберт Прогнози оказался как-то ранним осенним утром в своем редакционном кабинете, поскольку хозяин квартиры выгнал его за неуплату, и после мрачных раздумий решил свести счеты с жизнью — повеситься на крючке от снятой когда-то большой люстры. Написав на листке газетной бумаги, чтобы в его смерти никого не обвиняли, он нашел кусок веревки, смастерил петлю, поставил на стол полумягкий стул, на котором всегда сидел, и хотел уже было подняться на него, как вдруг услышал незнакомый голос.

— Что, решил покончить с жизнью, дружок?..

— А что мне остается делать? — испуганно воскликнул самоубийца, оглядываясь по сторонам.

Не найдя говорившего, он удивленно спросил: — Ты кто?

— Я... — твоя судьба, — ответил голос, — хочу тебе помочь...

— А где ты была раньше? — возмущился Роберт. — Отвечай, черт тебя возьми, а не то дай мне умереть спокойно!

— Ишь чего захотел! Нет, дружок, ты умрешь тогда, когда велю я, запомни это, — уверенно ответил голос, — а пока я пришла тебе помочь. Небось, жить лучше, чем умереть? Так хочешь ты меня выслушать?

Роберт слез со стола, выбросил веревку, поставил стул на место и сел.

— Если ты не дьявол, говори,— все еще с сомнением произнес он, еще раз оглядываясь по сторонам, а потом решительно добавил: — Если даже дьявол, я выслушаю, мне теперь все равно...

— Называй меня как хочешь, суть не в этом, — снова заговорил голос, — я предлагаю тебе заключить со мной договор...

— Что за договор? — все еще не веря своим ушам, с сомнением спросил репортер.

— Если ты выполнишь его условия, станешь великим репортером, к тебе придут слава и богатство.

— Каким образом? Ты что, волшебник? — удивился Роберт.

Оставив последний вопрос репортера без внимания, голос ответил:

— Каждое утро я буду оставлять на твоем рабочем столе информацию о том, что произойдет сегодня в нашей стране. Короче, сегодня рано утром тебе станет известно по часам и минутам обо всех важнейших сенсационных событиях и про-

исшествиях, которые произойдут в течение дня. Информацию о них ты даешь в газету под своим именем. Понял?

— Как это? — не дошло до него сразу. — Как же ты будешь знать о том, что еще не произошло?

— Это уже мои проблемы... — недовольно пробурчал голос.

— И как долго это будет продолжаться? — поинтересовался репортер, все еще не представляя себе подобной перспективы.

— Год, может, десять лет, а может, и дольше, — ответил голос.

— Каковы же твои условия? — снова задал вопрос Роберт. — Может, я не сумею их исполнить?

— Они тебе вполне под силу...

— В таком случае, я согласен, — ответил репортер.

— Вот и хорошо, — обрадовался голос, — а условие таково: ты беспрекословно даешь в газету все, что я тебе предоставляю, можно с небольшими авторскими вариациями, но никогда ничего не пропускаешь и не прекращаешь исполнять договор без моего согласия, иначе тебя ждет смерть, договорились?

— Это же так просто, — удивился Роберт. — Я принимаю эти условия...

— Прекрасно. Считаем, что договор заключен, — торжественно произнес голос и незаметно положил на стол репортера обещанную информацию.

— Скажи, пожалуйста, — успокоившись, обратился Роберт к голосу с последним вопросом, — зачем тебе это нужно?

— Я провожу эксперимент! — ответил голос и более твердо добавил: — Все, аудиенция окончена.

на, впереди тебя ждет легкий путь к вершине и нелегкое испытание...

Так Роберт Прогнози, благодаря случаю, свернул с трагического пути неудачника и готового к самоубийству человека и вышел на доселе неизведанную стезю репортера-волшебника, о невероятных способностях которого в скором времени заговорит вся страна.

В это раннее, наполненное волшебством утро на его столе лежала редчайшая информация о сенсационном пожаре, который произошел всего час назад в Нью-йоркском офисе крупнейшей корпорации «Моторс» и унес жизнь всемирно известного главы компании. Не менее интересной оказалась информация и о двух других событиях.

Наскоро переписав их на свой манер, но с сохранением всех данных первоначальной подачи, — так же он будет поступать и в дальнейшем, — Роберт с волнением отнес их дежурному редактору, который немало удивился его оперативности, но похвалил и сразу же отправил в срочный номер.

Сенсационное сообщение репортера о происшествии потрясло всех, ибо подобные события обычно держали в строжайшей тайне и до поры не разглашали.

Первым Роберта Прогнози поздравил хозяин и преподнес ему конверт с вознаграждением. Такой чести за последние пять лет был удостоен лишь один сотрудник. Затем последовали похвалы и поздравления других. Теперь его репортажи с места событий появлялись и в последующие дни, вызывая восхищение особым взглядом на происходящее, острым пером репортера-мыслителя, поражая тонкой наблюдательностью и неправдо-

подобной оперативностью. Они подавались под удивительно редким углом зрения, как повернутая к свету и неожиданно заблестевшая грань алмаза. Редакторы давали их, как говорят, с листа, безо всяких дополнительных проверок и сомнений, ибо их точность могла служить эталоном.

Слава о его вездесущности, проницательности и связях в самых недоступных кругах стала притчей во языцех. Однако сам репортер обо всем этом не распространялся. Это и понятно — не мог же он говорить о том, что продал душу дьяволу. Для всех он оставался тайной за семью печатями. Вместе с тем, росло и его богатство. В скором времени он купил роскошный дом из восемнадцати комнат, с огромным бассейном, с великолепной зеленой поляной для игры в гольф. Для вечерних прогулок приобрел породистых лошадей, за два последних года сменил уже третью машину на новенький блестящий «шевроле» со всевозможными удобствами.

Произошли изменения и в его личной жизни — через три года после указанных вначале событий Роберт Прогнози удачно женился на единственной дочери владельца крупной автомобильной компании, получив, таким образом, доступ к огромному состоянию тестя и жены. Несмотря на щедроты, сыпавшиеся на него, словно манна с небес, репортер оставался всегда стройным, подтянутым и подвижным, став кумиром многочисленных поклонниц.

При этом он добрее не стал, никогда не забывал недавних насмешек и унижений, при случае старался навредить своим коллегам, сделать им больно, но делал это исподтишка, как бы чужими руками. Молодым собратьям по перу не мешал, но и не

помогал, правда, насмешек и унижений за неудачи над ними не чинил, оставаясь для них холодной статуей на недосягаемом пьедестале почета.

Иногда, сверх получаемых каждое утро потрясающих сведений, он не чурался и поступающей к нему самой информации, и просьб высокопоставленных особ, у которых он брал интервью и о которых за немалые вознаграждения писал репортажи или развернутые аналитические размышления, обещавшие этим особам определенную известность. Хотя материалы эти большой ценности не имели, все же теперь все, что выходило из под его пера, становилось сенсацией. Имя Роберта Прогнози стало легендарным.

Действительно, информация и статьи, которые он готовил по собственной инициативе, тускнели перед блеском и великолепием тех материалов, которые каждое утро оказывались на его столе, однако Роберт Прогнози считал «свои» — шедевром, образцом журналистского мастерства. А в последнее время он вообще все чаще приходил к мнению, что он и в самом деле непревзойденный репортер, можно сказать, колосс, титан, что сегодня равных ему нет и таковым он стал вовсе не потому, что ему помогает дьявол, нет, а благодаря лишь собственным способностям, своему таланту.

Однажды утром, по своему обыкновению просматривая сенсационную информацию от дьявола, Роберт Прогнози пренебрежительно произнес вслух:

— Ха... ничего особенного, такие вещи и мне под силу, — затем, подумав недолго, решительно добавил: — Да хватит ходить на привязи, пора подумать о расторжении этого пресловутого договора.

В связи с женитьбой у него, естественно, появились новые друзья: подруги жены с их мужьями, сыновья крупных банкиров и промышленников, с которыми он на равных проводил время на всевозможных банкетах, балах и веселых вечеринках. В качестве официального гостя и известнейшего репортера его часто приглашали на дипломатические встречи к президенту и в правительство, без него не обходились скольконибудь известные события в стране. Он постоянно был в гуще всего, что происходило в стране и за рубежом. О некоторых из них он узнавал раньше всех, еще до того, как они намечались, — каждое утро на столе его теперь уже нового роскошного кабинета оказывалась информация обо всем, что должно было произойти позднее. Если раньше он принимал это как должное, то теперь все чаще задумывался над тем, как, каким образом дьяволу удастся быть столь осведомленным, старался раскрыть его секрет, чтобы извлечь какую-то пользу для себя.

Дело дошло до того, что однажды в шесть часов утра Роберт засомневался, не поверил тому, о чем сообщалось в очередной информации дьявола.

«Сегодня на рассвете, в 5 часов 30 минут в своем загородном доме убит известный глава сицилийской мафии в Нью-Йорке Дон Винченцо Риголетти. Сведущие источники считают, что убийство произошло из-за сфер влияния. Полиция, как всегда, прибыла с опозданием».

Боже мой, подумал Роберт, прочитав это сообщение; наверное, убийцы еще находятся в доме Винченцо, не успели скрыться... Но опубликовать эту информацию следовало обязательно, поскольку не было еще случая, чтобы дьявол ошиб-

ся, дал неточные сведения. Так быть не могло. И Роберт Прогнози, вопреки своим сомнениям, отнес редактору уже готовый материал с кое-какими добавлениями из жизни убитого.

И действительно, работники судебно-медицинской экспертизы, осмотрев труп, пришли к заключению, что убийство Винченцо Риголетти произошло точно в 5 часов 30 минут утра. А если учесть, что информация для Роберта Прогнози готовилась заранее, с учетом доставки ее до места назначения, то невольно напрашивался вывод, что об убийстве мафиозного лидера дьяволу было известно еще до его исполнения! Этот вывод ошеломил репортера сверх всякой меры, и он долго не мог прийти в себя.

Если это так, рассуждал Роберт, получается, что дьявол-судьба или сам принимал участие в этом спланированном убийстве, или же это сделали с его непосредственного ведома. Выходит, что и в том, и в другом случае это дело его рук. Тогда, продолжал свои рассуждения репортер, такая же участь может ожидать любого, кто связан с ним каким-либо образом. Страх обуял Роберта Прогнози. Нет, надо немедленно, пока не поздно, расторгнуть этот нелепый договор, теперь он ему не нужен, он, слава богу, может обойтись и без него. «Ха, легко сказать», — вдруг вспомнил он об условиях договора и горько улыбнулся. Дьявол все тогда предусмотрел и предупредил, что любой отход от договора без его согласия повлечет за собою смерть. И справедливости ради следует признать, что свои обязательства дьявол выполнял исправно.

Ну, чего расклеился, нюни распустил, успокаивал он себя, ничего страшного не произошло, он,

Роберт, тоже не промах, до сего времени всегда выполнял свое слово, никогда условия договора не нарушал. К тому же еще тогда, в первую встречу, когда они говорили о сроках договора, дьявол заявил, что он будет продолжаться «10 лет, а может, и дольше». Так что причин для беспокойства нет, надо взять себя в руки и успокоиться.

Через два года, вспоминая об этих своих страхах и переживаниях по случаю убийства Винченцо Риголетти, Роберт Прогнози, улыбаясь, отнесет их к минутной слабости. Тем более, что дела его продолжали идти в гору, слава же росла прямо пропорционально богатству. К этому времени у него родилась дочь — вылитая красавица жена.

Беспечная и полная удовольствия жизнь: несколько месяцев в году — путешествия на лазурные берега лучших курортов, круизы на собственном корабле по морям и океанам в компании пресыщенных сынков известных богачей и соблазнительных красоток — все это уводило его в мир блаженства и неги, далеко от дурных предчувствий и мыслей. Забылось все и ушло в прошлое.

Однажды в разгар неудержимого веселья в доме к нему вприпрыжку, словно клоун, подбежал какой-то незнакомый человек с бесцветным лицом и лукаво спросил:

— Что, наслаждаешься, дружок?.. — и тут же скрылся. Это прозвучало как предупреждение.

Вначале этот нелепый человек и его каверзный вопрос застали Роберта врасплох, вызвали неясную тревогу. Затем он попытался вспомнить этот, как ему казалось, знакомый голос и обстоятельства, при которых к нему обращались со словом «дружок», но загруженная выпивкой и впечатлениями память так никого и не выдала. Вслед за

этим последовали эротические танцы приглашенных красоток, мир блаженства окутал его, и этот мимолетный, бесцветный образ исчез, словно его и не было.

Однако в конце следующего дня, уже под вечер Роберта Прогнози охватило предчувствие какой-то беды, как это бывает у зверей накануне стихийных бедствий, природных катаклизмов. Это состояние дискомфорта, магнетического давления не покидало его до тех пор, пока неожиданно не прозвучал телефонный звонок из штаб-квартиры ООН — и мелодичный женский голос передал ему, что завтра в 17 часов он, репортер с мировым именем, приглашается на очередное заседание Всемирной Ассамблеи. И все, обычный звонок, каких в его жизни было немало. Поэтому напряжение, вначале охватившее его, спало, и Роберт Прогнози успокоился.

Но уже рано утром, просматривая очередные послания своего информатора для вечерней газеты, Роберт Прогнози в своей обычной манере, как бы мимоходом прочитал:

«Вчера, в 16 часов 20 минут, на углу между шестой авеню и Вашингтон-стрит, по дороге в штаб-квартиру ООН в результате автомобильной катастрофы, в возрасте 37 лет погиб известный репортер Роберт Прогнози. О времени похорон будет сообщено дополнительно».

Прочитав это сообщение, он машинально выхватил из стопки белый лист бумаги и собрался было, в своем обычном стиле, подготовить очередную информацию, как вдруг, поняв, наконец, смысл прочитанного, замер с золотой авторучкой в руке. «Роберт Прогнози??..» Это что, о нем идет речь? Значит, сегодня, по дороге на Ассамблею,

он должен погибнуть? Вот вам! — и он показал невидимому врагу кукиш. Не дожидаться им этого удовольствия, не такой Роберт Прогнози дурачок, простофиля, чтобы самому, зная заранее, лезть в эту аварию. На Ассамблею он, конечно, поедет, это дело его чести, а вот к этой шестой авеню и Вашингтон-стрит его силком никто не затащит, ни черт, ни дьявол, ни судьба... Никакой информации о его гибели тоже не будет, ни в «Нью-Йорк дейли ньюс», ни в какой другой газете! Не дождетесь!

Почти весь день до 15 часов пополудни Роберт Прогнози из своего кабинета не выходил, на звонки не отвечал, секретаря не вызывал, привычного кофе не просил — он усиленно думал. Мысли его были заняты лишь тем, как перехитрить дьявола-судьбу, который так коварно и подло, подняв его на вершину славы и богатства, теперь, в рассвете сил, решил его убить, устроить ему спланированную аварию. Не видать ему этого, не на того нарвался!

Он усиленно изучал карту города, намечал маршруты своей поездки и, потирая от удовольствия руки, радовался, что сумеет обмануть своего лютого врага, поедет на Ассамблею совершенно другой дорогой, пусть на много миль длиннее, но зато подальше от устроенной дьяволом ловушки.

Положив карту на колени, в предчувствии единоборства с самим дьяволом, он в половине четвертого сел за руль своего любимого «шевроле» и поехал к намеченной цели. Уже через несколько минут он натолкнулся на препятствие — впереди шли земляные работы, и Роберту Прогнози пришлось свернуть на улицу, которая не входила в его планы. Проехав еще минут пятнадцать, он

увидел огромный каток, который, раскатывая свежий асфальт, шел прямо на него. Пришлось направить машину градусов на 20 левее, к дороге, которую ранее он категорически решил обойти. Однако когда он, избрав запасной маршрут, повел машину подальше от шестой авеню, его ожидало полное разочарование — как назло, перед самым его носом свалилось огромное дерево, и он снова поменял курс...

Вопреки всем его стараниям, всевозможным ухищрениям и попыткам обойти роковой перекресток, уйти от возмездия, причины которого он так и не понял, ему не удалось. Неведомая сила, а лучше сказать — сам дьявол, лукаво улыбаясь, устраивал ему разнообразные козни и вел его блестящую машину к намеченной цели. Сердцем чувствуя, разумом соображая, волей препятствуя приближению катастрофы, он в то же время видел, что предотвратить ее, остановить это движение к бездне не может, у него не хватает ни сил, ни воли к сопротивлению. Видно, в устроенном дьяволом эксперименте репортер не оправдал его надежд.

И тогда с Робертом Прогнози, считавшим себя гордым и бесстрашным человеком, перед лицом смертельной опасности произошла неожиданная метаморфоза: он вдруг стал хныкать, тихо, слезливо жаловаться, бессвязно выражая свою полную беспомощность, и наконец, превратился в хлюпика, потеряв человеческое достоинство.

— Нет, я не хочу умирать! — твердил некогда могучий репортер, обливаясь слезами. Судорожно хватая руль, он все еще надеялся, что избежит трагического конца, что произойдет чудо, которое сохранит ему жизнь...

На углу шестой авеню и Вашингтон-стрит в 16 часов 20 минут, как и предсказывалось, произошла авария, которая унесла жизнь Роберта Прогнози.

Обо всем этом, за исключением рокового момента, писал он в своей тайной тетради № 6, так до конца и не поверив в предсказание судьбы...

ПОЛОНЕЗ ЛЮБВИ

Эту историю поведал мне Юсуф, мой бывший сосед-иудей, некогда комсомольский вожак одного из больших районов республики, человек весьма мужественный и в то же время эмоциональный, с ранимой душой, уехавший несколько лет назад в Израиль на постоянное жительство. А доверился он мне, видно, с тайной надеждой, что к его повествованию я равнодушным не останусь, что оно заинтересует меня хотя бы профессионально, и хотел, наверное, подобным образом воскресить, уберечь от забвения прекрасный эпизод, оставивший неизгладимый след в его жизни, сказать ей, милой, обычно застенчивой, но на этот раз не сумевшей обуздать свои чувства горянке, что увозит ее образ с собой навсегда.

* * *

Даже на пороге восьмидесятых годов комсомольские свадьбы на селе были редкостью, тем более в горном ауле, где адаты шариата все еще довлеют над мусульманами. В этом же ауле, с диковинным названием Кулокдере, Юсуф впервые организовал подобную свадьбу молодому активисту, сыну местного учителя. Вопреки устоявшимся традициям, когда столы для гостей расставляются отдельно друг от друга по всему дворовому

участку, что лишает свадьбу общности и азарта, здесь же молодых — жениха в нарядном черном костюме и невесту в красивом белом платье — посадили вместе во главе стола, непривычно рядышком, а сами столы расставили в длинные ряды, буквой П, покрыли белыми скатертями, собранными и привезенными из города энтузиастами, украсили полевыми цветами и накрыли четвертями искрящегося сухого вина, тандырным чуреком, всевозможными закусками: дулмой из виноградных листьев с простоквашной подливой, овощными салатами, разнообразной зеленью и нарезанным тонкими ломтиками овечьим сыром. Тут же рядом готовился традиционный плов и манящий своим ароматом шашлык из баранины.

Если прежде аксакалов привычно сажали рядом с музыкантами, что невольно сковывало молодежь, особенно женщин, лишало их раскрепощенности, ибо не подобает при старших проявлять излишнюю вольность, то на этой свадьбе стариков усадили в сторонке, за отдельным столом, как говорится, почетно и подальше от шума. Зато на остальной территории господствовала молодежь, искрилось веселье, зажигательно играли музыканты, приглашенные в круг аульскими джигитами, непрерывно шли в пляс девушки и женщины. Смех и радость как нельзя лучше соответствовали яркому майскому солнцу.

Многое было непривычно ново на этой свадьбе, лишь на одном настояли родители жениха — уговорили Юсуфа не только не нарушать извечный обычай предков, а и самому стать участником в исполнении этого обычая: стать енге со стороны жениха, мол, будет рядом с ним и женщина-ен-

ге со стороны невесты. Вдвоем они должны были принять у жениха платок невинности после того, как молодые уйдут ночью в предназначенную им брачную комнату и станут мужем и женой. Что же касается их, енге, то им предназначалась комната рядом с брачной, отделенная от нее лишь единственной дверью, куда никому не разрешалось входить до особого разрешения и откуда жених должен передать им этот пресловутый платок.

Хотя Юсуф в душе был против подобного обычая, все же решил согласиться и еще накануне, из беседы со знающими людьми, узнал, что на роль женщины-енге, как правило, назначается замужняя, более или менее искушенная в подобных делах женщина. «А, бог с этим, — подумал тогда Юсуф, — поручу ей и свои функции, она вполне справится».

Но каково же было его удивление, когда, войдя в предназначенное помещение, он увидел ту самую очаровательную женщину, которая весь день помогала ему в проведении свадьбы: стремительно накрывала столы, подавала гостям горячие блюда, а затем так же быстро убирала использованную посуду и тут же рядом мыла и вытирала ее насухо. При этом она успевала принимать и приглашения на танец, пускалась в пляс плавно и нежно, размахивая руками, словно лебедь крыльями. Движения ее гибкого стана были так чарующе красивы, что Юсуф не мог отвести от нее глаз.

Не раз и не два замечал и он на себе ее заинтересованный взгляд. Правда, смотрела она на него так незаметно, быстро, словно невзначай, чтобы, не дай Аллах, никто не заметил, ибо проявление прилюдной заинтересованности к чужо-

му мужчине вызовет пересуды и покроет женщину-горянку несмываемым позором. Однако, несмотря на это, когда в очередной раз Юсуф снова стал танцевать, она, опустив голову, как это принято в горах, тоже вышла в круг, так как танцевать с гостем в подобных случаях женщинам адатом не возбраняется.

По какой-то необъяснимой причине она сразу, с первых же минут их встречи, почувствовала между ними некую связь, словно электрический разряд потянул ее к нему, и сила этого разряда была настолько велика, что остановить себя она уже не могла. Несколько раз, случайно оказавшись с нею наедине, Юсуф по взгляду ее удивительно ярких голубых глаз видел, что она хочет ему что-то сказать или о чем-то спросить, однако вдруг, неожиданно, появлялся кто-нибудь третий, и она, отвернувшись, уходила в сторону.

Да, ей нравился этот высокий молодой мужчина с правильными, немного жесткими, но необычайно привлекательными чертами лица, высокий лоб которого обрамляли волнистые каштановые волосы. Он излучал тревожную смесь красоты и чувственности, и ее потрясла не столько его внешность, сколько ощущение исходящей от него силы и уверенности.

— Вы?! — невольно вырвалось у Юсуфа, когда он увидел ее в предбрачной комнате. — Вы не ошиблись?..

Юсуф был готов ко всяким неожиданностям, его бойцовский характер был готов к любым сюрпризам, но он никак не предполагал оказаться в подобной ситуации именно с этой совсем еще молодой, а вовсе не «искушенной», как он ожидал, женщиной, которой восхищался весь прошед-

ший день. Поэтому он, вообще-то не робкого десятка, смущенно уставился в окно, хотя за ним было темным-темно.

В комнате горела лишь 15-ватная лампочка, и ее тусклый свет создавал полумрак неведомых ожиданий.

— Нет, не ошиблась... — тихо, не поднимая головы, наконец, ответила она. — Мне поручили родители невесты, я их родственница...

Хотя лица ее было не видать, но Юсуфу показалось, нет, он готов был биться об заклад, что при этом она слегка улыбнулась. Он отошел от окна, сел напротив нее на свободный стул, посмотрел на свою судьбой предназначенную «коллегую» и испугался ее призывного взгляда. На него смотрели влажные, наполненные жизненным светом, два сводящих с ума голубых глаза, на него смотрела божественной красоты женщина.

«Боже мой, что она со мной делает», — подумал Юсуф, и его ищущие карие глаза двинулись по ее шелковому бирюзовому платью вниз, к кромке подола, который до самых икроножных мышц закрывал ее длинные загорелые ноги.

— А вы молодец, — тихо, оценивающе сказала она, — все получилось здорово: весело, необычно красиво... у нас раньше таких свадеб не было. Теперь, с вашей легкой руки, может, и другие последуют... Кстати, меня зовут Гюльсеном, я работаю здесь медсестрой...

— Очень приятно, красивое у вас имя — «Нежный цветок», — любуясь ею, ответил Юсуф, а потом, улыбнувшись, добавил: — Вам спасибо, все старались...

— А где Вы учились? — невольно вырвался у нее вопрос. — Говорят, где-то в Москве?..

— Да нет, — улыбнулся Юсуф в ответ, — окончил наш Дагестанский сельхозинститут, два года агрономом работал, а теперь... как видите...

— Что это мы все на «вы» да на «вы», — с улыбкой заметила Гюльсенем. — Не старики, небось?

— Я — с удовольствием, — также улыбнувшись, ответил Юсуф и с восхищением взглянул на нее.

Но кроме веселого блеска в его глазах, она уловила что-то еще, отчего сердце ее забилося в радостном предчувствии — так бывает в хмельном состоянии, когда между мужчиной и женщиной непонятно почему вдруг начинает происходить интенсивный обмен магнетическими импульсами, которые будоражат кровь и волнуют сердце. Она даже не подозревала, что способна на такие эмоции, внезапный взрыв которых налетел на нее мощным ураганом и закружил с сумасшедшей силой.

«Мое сердце тоже тянется к тебе, “Нежный цветок”, — тем временем мысленно разговаривал с ней Юсуф, — я не могу отвести взгляда от твоего красивого лица, голубых, как небо, глаз и нежного стана...»

И, забывшись на мгновение, Юсуф протянул руку к лежащей на столе изящной руке Гюльсенем, чтобы прижать ее к своим губам. Однако, опомнившись, вдруг стыдливо опустил голову и остановился на полпути. Нет, нет, он не должен идти на этот шаг, он не имеет права дать волю своим чувствам, пронеслось у него в голове, он — иудей, а она — мусульманка, это противоречит соблюдаемым здесь религиозным законам и может вызвать бурю гнева и возмущения ее родных, они никогда не простят ее, да и его тоже... Нет! Юсуф судорожно глотнул, встал и отошел в сторону. Однако через минуту, забывшись, снова вернулся к столу и остановился, как вкопанный.

«Трус! Чего испугался? — осуждало его сердце, а разум хладнокровно диктовал: — Остепенись, нельзя подвергать девушку опасности...»

«Ну, что же ты, милый? Что остановился? — говорил тем временем нежный взгляд Гюльсеном. — Разве ты не видишь, что я хочу твоего прикосновения?..»

Гюльсеном была потрясена, когда осознала, что она, всегда считавшая себя сдержанной и умеющей владеть собой, вдруг оказалась неспособной противостоять этому охватившему все ее существо сильному чувству. Она сделала усилие над собой и, глубоко вздохнув, спросила совсем о другом:

— Ты обратил внимание, что наши старики вначале были раздосадованы своим уединением, но потом, когда уходили со свадьбы, покидали ее с улыбкой удовлетворенности? Они, по-моему, приняли тебя...

Весь в напряжении от мучивших его сомнений и чувств, Юсуф обрадовался ее отвлеченному вопросу и, улыбнувшись, не сразу ответил:

— Что? А, да... мы, если помнишь, все время оказывали им знаки внимания, не забывали о них. Вначале одному из аксакалов дали слово, в конце свадьбы другой тоже сказал тост, а потом даже пошел танцевать.

— О, это было так весело, когда он, отложив свой посох и забыв о возрасте, покрутил усы и пошел плясать... — вспомнив этот эпизод, Гюльсеном улыбнулась.

— Да, хорошо, когда люди радуются, улыбаются... — вспомнив о чем-то, с грустью произнес Юсуф и, опустив голову, добавил: — Скоро должна была состояться свадьба и моего друга, да вот... его не стало...

— Как... — не поняла Гюльсенем, — умер?

— Погиб, в Афганистане... месяц назад получили известие... — с горечью ответил Юсуф, — а накануне я получил от него письмо...

— Да-а, печально, когда гибнут молодые... — тихо, с какой-то тайной болью произнесла Гюльсенем. — Мне это ведомо... одни погибают, другие же возвращаются порой... живым трупом.

«Но я не об этом, милый, — снова устремив на Юсуфа взгляд, говорили грустные и нежные, зовущие глаза Гюльсенем. — Забудь об этом, прошу тебя, у нас нет времени...»

«А ты думаешь, я не вижу, — отвечали ей полные нежности и любви глаза Юсуфа. — Можем ли мы сейчас позволить себе это?»

В следующую минуту Юсуф оторвал от нее взгляд, широкими шагами направился к окну, устремив свой взор в ночную темень, будто там искал ответа на мучивший его вопрос, потом вплотную подошел к ней сзади, положил руки на ее изящные округлые плечи и нагнул к ней голову...

Ощувив на затылке его теплое дыхание, Гюльсенем замерла в ожидании, сердце ее затрепетало в груди, как пойманная в силки птица, и в следующую секунду его тонкие губы, едва касаясь, двинулись по ее щеке, задержались на уголке ее рта. И ей показалось, что кроме этого мгновенья на свете не существует ничего. Вся дрожь от разгоревшегося в ней желания, она ждала, представляя, каким будет его поцелуй!

О, Аллах, что с ней творится? Она сошла с ума. Если сейчас, сию минуту, сюда кто-нибудь войдет и узнает о ее падении, ей не смыть этого позора никогда...

Но, несмотря ни на что, она ждала...

И вдруг волшебная тишина этой ночи оказалась нарушена — раздался тихий стук, дверь новобрачных приоткрылась, и протянутая рука жениха предложила платок...

Так и не поцеловав, Юсуф вдруг отпустил ее, отчего Гюльсенем испытала разочарование, взял у жениха платок и, раскрыв окно во двор, негромко позвал:

— Ребята, где вы там?..

— Мы здесь, — тут же отозвался молодой голос, — давай, мы мигом... — и Юсуф увидел протянутую руку.

Юсуф передал платок, закрыл окно, виновато взглянул на Гюльсенем и тихо, с хрипотцой, произнес:

— Прости, дорогая, мне пора... — и вышел из комнаты...

Потом были веселый шум, смех, стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей невесты молодые вестники. В обмен на платок и радостную весть они получают от благодарных родителей подарки и в придачу к ним: вино, шашлыки на шампурах, чуреки и другую закуску, чтобы продолжать до утра гулять, весело гогоча от волнующих воспоминаний...

Юсуф возвращался в город уже за полночь. В небе мерцали звезды. На яркие фары его машины удивленно уставилась сова, потом спохватилась и, взмахнув крыльями, сошла с дороги. Он был уверен, что от переполнивших его дум и воспоминаний ему до утра не заснуть...

Через полгода, в середине осени, по зову истосковавшегося сердца, словно предчувствуя, что впереди его ждут еще большие испытания, Юсуф заправил свой издававший виды «виллис» и поехал в Кулокдере...

К этому времени он был уже не тот одухотворенный идеями юнец, не кукла в руках искусных кукловодов, а человек, открывший для себя великую истину, перевернувшую всю его жизнь, перечеркнувшую все, во что он верил, что боготворил, чему преклонялся и к чему стремился. Ему открылось вдруг, что война в Афганистане, кроме того, что была тяжелой обузой и принесла многочисленные жертвы, являлась бессмысленной и что его лучшего друга, как тысячи других, убил в этой бойне не тот, кто в него стрелял, а тот, кто послал его в это пекло.

«Ты знаешь, Юсуф, — писал ему друг в последнем письме, — на этой выжженной докрасна земле, среди хмурых гор, за одним из дувалов завязался бой, где я смертельно ранил одного из главарей душманов. Приставив к его голове дуло автомата, я хотел было сделать последний выстрел, как вдруг, собрав весь запас своих жизненных сил, он открыл уже угасавшие глаза и тихо, на ломаном русском языке произнес: “Не торопись...” — и, облизнув высохшие, безжизненные губы, добавил: “Я сейчас и так умру... я бывал в твоей стране, учился там... — по его бледному, как спелая айва, лицу промелькнула тень улыбки, — пойми... бандитами и душманами могут быть сотни, ну, одна-две тысячи... — он вдруг устало закрыл глаза, и я подумал, что он умер, но через несколько секунд, словно придя в себя, он продолжил: — Ты же видишь, что мы... нас много, мы... народ, скоро вы и сами поймете, что революция Бабрака — обман, ваши воюют против большинства... это ничего не даст, людей жалко, молодые гибнут...”, — и вдруг он вздрогнул, откинул голову набок и умер.

Как ни странно, в правоте его слов я убеждаюсь здесь постоянно и знаешь, Юсуф, о чем я думаю в эти дни? Может, прав этот «душман», ведь на самом деле их тысячи и тысячи... с кем же мы воюем, — с народом? За что же гибнут наши парни? Ты напиши в наши верхи, может, они не знают правды?..»

Юсуф знал и верил, что другом, написавшим эти строки, двигала не трусость, не страх за собственную жизнь, а нечто большее. И потому решил разобраться в этом сам, приложив немало усилий к поискам тех, кто в первые два года возвращался оттуда, в основном, увечными и калеками. С горечью вспоминал он потом о юноше, родители которого полгода не имели от сына вестей, а тот вдруг неожиданно, с костылем, без одной ноги и с огромным багровым шрамом на всю щеку, появился у порога своей квартиры. А ошеломленный отец, ухватив сына за рукав, лишился дара речи и упал, потеряв сознание.

Большинство из них старались избегать мыслей вслух, при разговоре с ним оглядывались — нет ли кого рядом, видно, не раз предупреждались о пресловутой «бдительности и излишней болтливости». Однако беседа с каждым новым «свидетелем из Афгана» приводила его к выводу, что друг писал ему правду. И потому, забыв об опасности, грозившей ему самому, Юсуф ринулся исполнить его последнюю волю.

В ЦК и в партийные газеты шли его наполненные убедительными фактами письма о бессмысленности этой войны, с верой и надеждой, что открывшаяся его другу и ему самому правда дойдет, наконец, до «верхов». Святая наивность! Ему было неизвестно, что «верхи» не хотели знать и слышать об этой правде, не хотели, чтобы о ней узна-

ли и другие. А человека, посмеявшего сказать о ней другим, решили проучить, вправить ему мозги. «Заблудшего» Юсуфа вызывали в большие кабинеты, старались «открыть» ему глаза, советовали неразумному отказаться от «бредовой» идеи. Однако Юсуф оставался непреклонным, наивно полагая, что его не поняли. Тогда его сняли сперва с работы, устроив шумный пленум-балаган, обвинив чуть ли не в предательстве, а потом исключили из партии. Из некогда всеми почитаемого человека он превратился в отверженного, изгоя.

Вначале Юсуф думал, что это нелепая ошибка, что группа его недругов решила сыграть над ним злую шутку, что очернили его не те, кто «наверху» и, мол, истина до них так и не дошла, а все это дело рук чиновников «пониже». И поехал в столицу, однако, побывав в граде стольном, понял, наконец, что на самом деле растоптала и превратила его в отщепенца некая отлаженная система — Молох, который затеял эту нелепую войну, а теперь вынуждает его покинуть страну...

Все эти полгода Юсуф с благоговением вспоминал о той свадебной ночи и чудесной девушке из сказки, с яркими голубыми глазами, дивным станом и нежным доверчивым взглядом. Она запала ему в душу навсегда, заняла в его сердце особое место. Он не мог простить себе того позорного бегства, и чувство вины не давало ему ни минуты покоя. Много раз Юсуф убеждал себя, что был тогда не прав, что именно поэтому поедет просить у нее прощения и скажет ей самые сокровенные слова любви, которых не говорил еще никому, что не мыслит жизни без нее, с ней связаны все его помыслы и надежды, что от выпавших на его долю болей и обид его спасало все эти меся-

цы лишь это всепоглощающее чувство и что, несмотря на все трудности на пути к их браку, он женится на ней и увезет ее с собой.

И вот, окрыленный этими мыслями, Юсуф накануне своей эмиграции ехал в Кулокдере.

Машина, натужно урча, медленно, с трудом одолевала подъем и шквальный встречный ветер. Справа осталась Гэрэ тэпе — местность, где в раскорячку росли неуклюжие дубки с сухими бежевыми листьями и навязчивые колючки — гэрэтикан, где горная полынь даже сейчас, в конце осени, источала свой приторно-дурманный запах, где уже в этот период собираются злющие метели и холодные ветры. Слева же, чуть впереди, в ущелье, где раньше был лесной массив, от которого сохранилось лишь название — Гурал меше, где до большой войны и после нее прятались разбойники-гачаги, а теперь местные жители собирали боярышник да дикий кизил с мушмулой, а беспомощные — вдобавок еще и дрова-беш для растопки, Юсуф вдруг увидел укутанную в чадру старую женщину, которая, еле передвигая ноги, с трудом поднималась по склону вверх, к дороге, неся на спине большую вязанку дров. Не раздумывая, он остановил машину, вышел и бросился к ней на помощь, при этом неожиданно поскользнулся, упал и вымазался в придорожной грязи. Однако, не обращая на это внимания, подал ей руку, чтобы той легче было преодолеть подъем, а потом, сняв с ее хрупких плеч тяжелую ношу, усадил рядом с собой в машину, а дрова уложил в багажник.

Лица женщины за чадрой было не видать.

— Что же Вы, бабушка, в такую стужу за дровами? — с сочувствием спросил ее Юсуф. — Неужто помощников нет?

— Нет... — как-то отрешенно ответила она.

— Как? — не понял Юсуф. — А дети?

— И детей нет... — бойко, удивительно молодым голосом ответила старушка и неожиданно добавила: — И в этом виноват ты...

Сперва Юсуф не понял ее слов, потом же, осознав их смысл, остановил машину, повернулся к ней всем корпусом и неожиданно спросил:

— Как?..

— На этот вопрос я отвечу позднее... — она скинула с лица край чадры, и на Юсуфа глянули до боли знакомые милые голубые глаза.

— Боже мой, Гюльсенем, ты?.. — Юсуф, не веря своим глазам, зачарованно разглядывал ее, будто видел впервые. — В такую погоду... ты же заболеть можешь...

— Со мной ничего не будет, я привычная... а вот тебе нужна помощь, ты весь в грязи, — заявила она решительно и тут же добавила: — Видишь, вон там, справа, небольшая постройка, подъезжай к ней с задней стороны, — она указала рукой, — там машина будет совсем не видна с дороги...

— Что это за постройка? — невольно вырвалось у него, когда он подъехал к указанному месту. Небось, здесь и воды нет?..

— Вода есть, да еще какая, лечебная, — успокоила его Гюльсенем.

— Вон погляди, в ста метрах от нас родник бьет, Исты-булагом зовется, принять ванны летом сюда стекается много народу... А постройка — так это маленький теплый домик на нашем бустане. Он из рваного горного камня и глины. В свое время отец, когда был жив, построил его для укрытия от здешних ветров, он часто приходил сюда отдыхать. Теперь, как видишь, я хожу... и дрова несла сюда. Вот мы и доехали, — добавила она и подо-

шла к двери. — Заходи смелее, там никого нет, — весело пошутила хозяйка и пропустила его вперед.

Опустив голову, Юсуф и Гюльсеном зашли в побеленную известью чистую прихожую. Справа топилась встроенная в стену и сложенная из кирпичей печь, на которой грелись ведро с водой и чайник. В центре же, на низкой деревянной подставке стояла ведер на десять-пятнадцать, уже наполовину заполненная водой, дубовая лохань, из которой дымкой струился пар. Слева — стол с двумя табуретками и старый шкаф с замысловатой посудой за одной из створок. Напротив была занавешенная дверь в другую комнату.

— Та-ак... — остановилась она в центре прихожей, — прежде всего сними, пожалуйста, куртку и ботинки, а я их почищу.

И когда Юсуф передал ей куртку и обувь, Гюльсеном ахнула:

— Да они сплошь в липкой грязи! Нет, ничего не выйдет, вначале их надо высушить... — и она повесила куртку на гвоздь у печи.

— А дальше? — улыбнувшись, спросил Юсуф.

— А дальше... садись за стол, я тебя чаем угощу, — однако заметив нерешительность Юсуфа, разглядывавшего свои брюки, подошла ближе: — Да, придется и брюки снять, они тоже заляпаны глиной, у нас тут кругом глина... — она открыла створку шкафа, взяла с полки ношенные брюки от спортивного костюма и протянула: — На, переоденься, они чистые, отцовские...

При этом случайное прикосновение рук обожгло обоих, и их взгляды встретились.

«Любимый мой, как я рада, что ты здесь, — говорили ее милые, нежные, полные откровенного желания глаза. — Тебя Всевышний послал...»

«Да, так и есть, любимая, — будто читая ее мысли, отвечал ей молчаливый взгляд Юсуфа, — меня привела сюда сама судьба...»

— После твоего... бегства в ночь свадьбы, — не скрывая своей радости, разливая чай, говорила, улыбаясь, Гюльсенем, — я несколько раз была в городе и у тебя, в райкоме комсомола, искала встречи... однажды даже увидела невдалеке, но подойти не решилась, что-то сковывало, думала, может, ты не захочешь...

— Да что ты... — любуясь ею, ответил Юсуф, — я был бы рад и счастлив... Я не раз вспоминал тебя...

— А что творилось со мной... я места себе не находила: почему ты так стремительно тогда уехал, что я сделала или сказала не так?.. Ты часто снился мне... стыдно признаться, ночью просыпалась вся в поту... Да, Юсуф, мои мысли и душа томятся в плену... — запинаясь, словно на исповеди, говорила Гюльсенем.

— Я бы давно приехал, дорогая... я должен был во всем тебе признаться... да у меня такое началось... ты, наверное, не знаешь... — Юсуф опустил голову.

— Знаю, Юсуф, все знаю... — с грустью ответила Гюльсенем, — так мог поступить только мужественный человек, поверь, я горжусь тобой, — она ненадолго задумалась и продолжила: — У нас правды боятся, как заразы, и на этом пленуме, подонки, так все преподнесли, я читала в газете, будто ты диссидент, чуть ли не предатель... если бы я тебя и о твоей правоте не знала, и я могла бы не понять...

— Правда?.. — Юсуф с удивлением взглянул на нее. — Я что-то ничего не пойму...

— Я ведь знаю обо всем этом не понаслышке... — она в задумчивости опустила голову. — Теперь отвечу на твои вопросы, Юсуф. Помнишь, в ту ночь свадьбы ты рассказал мне о своем друге, который погиб в Афганистане? Небось, забыл, что я тебе тогда ответила?..

— Поверь, не помню, прости... — искренне ответил Юсуф.

— Я уже тогда ответила на твой молчаливый вопрос, как, мол, я, молодая женщина, оказалась енге, вместо женщины многоопытной... Признаюсь, увидев тебя, я сама напросилась на эту роль, а на твою печальную весть о друге ответила, что мне это ведомо, мол, одни погибают, другие же возвращаются живым трупом.

— Да, я вспомнил...

— Так вот, живым трупом с войны в Афганистане вернулся мой муж...

— Боже мой, Гюльсенем... — удивленный Юсуф вскочил со своего места и схватил ее за руку. — Прости меня, я не знал... как же это случилось?

— Вернулся он с этой войны чуть больше года назад с ранением в позвоночник. Как оказалось, пуля чудом застряла между двумя позвонками, готовая в любой момент разорвать жизненную нить и лишить его не только движения, но и самой жизни. Видно, еще в госпитале врачи, вскрыв рану, не решились продвигаться дальше и, дабы не навредить еще больше, отправили его домой в надежде, что он не будет делать резких движений, а значит, будет продолжать жить. Его об этом строго-настрого предупредили. Но он, к сожалению, серьезности своего положения не понял или не придавал должного значения, никому из

домашних ничего не сказал, — она ненадолго задумалась, а потом продолжала, — видно, надеялся на свой организм... А с замужеством... что тебе говорить, ты и сам знаешь, как у нас это бывает... После десятилетки, не попав в мединститут, я окончила медучилище и, поскольку мы из одного аула, родители, ничего не подозревая, год назад, сразу после его демобилизации, выдали меня за него замуж... А через неделю после нашей свадьбы, поднявшись рано утром, он пошел нарубить дров и с криком, будто в него выстрелили, упал на землю — и с тех пор, все это время лежит без движения, исхудал, кожа да кости...

— Значит, до нашей встречи на свадьбе ты уже полгода была замужем? — удивился Юсуф, — а я считал тебя незамужней...

— О моих страданиях я никому не рассказывала, что говорить, если никто помочь не может. Вот так, через неделю после свадьбы, а потом уже и без отца и матери — они умерли два месяца назад, попали под машину — я оказалась и не замужней, и не вдовой... Правда, в последнее время, когда, по моему настоянию, из города стали часто приезжать врачи, людям все стало известно, в маленьком ауле ничего не скроешь... — с печалью в голосе говорила Гюльсеном.

— И что теперь говорят врачи? — с участием спросил Юсуф. — Неужто ничего нельзя сделать?..

— Куда там... в последний раз комиссия в составе лучших врачей республики заявила мне без утайки, как медработнику, что дни его сочтены, максимум два-три месяца... сейчас он у своих родителей, они захотели взять его к себе... — печально заключила она.

Услышав такой ответ и этот печальный рассказ, Юсуф поразился ее мужеству, выпавшим на ее долю испытаниям и горестной безысходности.

— Да-а... — в раздумье протянул Юсуф и с горькой иронией добавил: — Выходит, от соприкосновения с этой войной пострадал не только я, но и ты...

— Выходит... хотя нам легче, мы живы... — ответила она и, спохватившись, добавила: — Теперь, когда ты, дорогой мой человек, все обо мне знаешь, нам прятаться друг от друга незачем. Прошу тебя, пойди разденься и лезь в лохань, искупайся, а то вода остынет. Я же почищу твою одежду...

— Мой «Нежный цветочек», — смущенно ответил Юсуф и, взяв ее ласково за плечи, добавил: — Я так не могу, родная...

Гюльсеном нежно обняла его за шею, придвинулась к нему ближе, раскрыла губы навстречу его губам, всем своим переболевшим сердцем почувствовала, что никогда еще никого так не любила, никогда ни в ком так отчаянно не нуждалась, как в нем. Ее страсть удивила Юсуфа. Он еще раз убедился, что огонь между ними не гас все эти полгода разлуки. Настойчивость ее мягких губ, прикасавшихся к его рту и лицу, наполняли его таким жаром, что он не чувствовал в себе силы оттолкнуть ее. Он лишний раз убедился, что это его судьба.

Без колебания он разделся и залез в воду...

— Потом и я искупаюсь, — ласково сказала она, забрала его одежду и отошла.

Через несколько минут, услышав его зов, она подала ему чистую простыню и отослала в другую комнату.

— Иди, милый, я сейчас...

Вылив в лохань еще одно ведро горячей воды, она разделась и опустилась в воду...

В комнату она вошла совсем нагая и в нерешительности остановилась у застланного чистым бельем топчана. Юсуф, зачарованный ее красотой, тут же поднялся. Взял ее на руки и, когда она обвила его шею ласковыми руками, весь затрепетал, мягко положил ее на постель и, как голодный, стал целовать и целовать сладкие губы, нежную шею и, не в силах больше ждать, лег рядом с ней и крепко сжал ее в объятиях.

— Мой «Нежный цветочек»... — застонал он. — Ты же видишь, что я не в силах остановиться...

— А я и не хочу, любимый... — пробормотала она, отвечая на его ласки.

При виде ее чарующей наготы в тусклом свете лампы у него перехватило дыхание.

— Ты еще красивее, чем мне казалось вначале, — проговорил он, опуская голову, чтобы поцеловать шелковистую кожу на ее груди. — Ты должна уехать со мной, слышишь, ты мне нужна... — прошептал он ей на ухо.

Оставив его просьбу без ответа, Гюльсеном запустила пальцы в его густые каштановые волосы и нежно промолвила:

— Знаешь, милый, я так мечтала быть с тобой... как сейчас... оставь себя во мне...

— И я... — хрипло произнес он, придавливая ее своим весом и снова ища ее губы...

В полночь, покидая ее, Юсуф с щемящей болью взглянул в ее грустные любимые глаза и в который раз с мольбой произнес:

— Прошу тебя, любимая, поедem со мной, я подожду столько, сколько надо...

— Нет, милый, это невозможно... — непреклонно ответила она. — Я очень люблю тебя, прости, но на это я пойти не могу...

В следующий миг, словно по волшебству, в маленькое окошко этой памятной комнаты неожиданно заглянула истосковавшаяся по любви бледнолицая луна и осветила вначале его, прижавшего любимую к своему трепещущему телу, затем ее, босоногую, в белой ночной сорочке и с веером распушенной черной косой, крепко обнявшую его за шею и тихо, как молитву, нашептывающую: «Да сохранит тебя Аллах!»

И в этой звенящей тишине ему показалось вдруг, что где-то рядом, совсем близко, звучит музыка.

«Что это? — пронеслось в его затуманенной голове. — Может, это ветер воет в ночи? Или это песня их ноющих в прощании сердец? А может, это полонез любви?..»

Четыре месяца спустя, как и предсказывали врачи, муж ее умер — афганский Молох унес очередную жертву. Оставив аул, Гюльсенем уехала в город, устроилась на работу в больнице. Я видел ее недавно, державшую за руку четырехлетнего мальчугана с такими же, как у матери, голубыми глазами, высоким, не по возрасту, лбом и волнистыми каштановыми волосами, невольно вернувшими меня к истории пятилетней давности.

И верится, что, несмотря на все удары судьбы, эта мужественная женщина не согнется, выстоит, вырастит своего первенца настоящим человеком и свое счастье в жизни непременно найдет...

ВЫСОХШИЙ КОЛОДЕЦ

Единственное, что оставил нам в наследство дед, был колодец — гордость всей нашей семьи. Рассказывали, что строил он его целый год и построил на славу — глубокий, чистый, с лесенкой, ведущей вниз. Случайный прохожий или гость, испив из него воды, долго потом говорил, что не пил такой ни разу в жизни.

Действительно, вода в колодце была холодная, будто стекала в него с ледяных вершин, зеркально-чистая, с еле заметным привкусом горного пырея. Долго служил нам колодец, став предметом заботливого ухода, пока однажды к нам не провели водопровод.

С этого дня колодцу не повезло. Наши домашние перестали брать из него воду, ссылаясь на то, что это отнимает много времени, кто-то уронил в него старое ведро, дети стали бросать в него камешки, а потом и вообще все, что попадало им в руки, прислушиваясь, как булькает на дне вода.

Шло время, а оно многое стирает. Забыли и о колодце.

Но совсем недавно (по случаю ремонта водопровода) мы остались без воды. Вот тогда и напомнил о себе забытый колодец. С сожалением и грустью смотрели мы на него: со дна колодца несло чем-то неживым.

И сегодня, когда уже нет того чудесного колодца, которому мы прежде не знали цены, пришло понимание, что в свое время мы не отнеслись к нему с должным вниманием, не уберегли плодов добрых рук человеческих.

Не так ли мы не ценим и друга, пока он с нами, не бережем матерей, пока не вырастет могильный холмик?

...Мы не ценим воду, пока не высохнет колодец.

ПРИТЧИ

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

Трудно было поверить в то, что в доме Соломона произошел скандал, ибо, известный по всей округе виноградарь и чрезвычайно искусный винодел, он пользовался к тому же славой человека весьма мудрого и терпеливого. Трое его сыновей, следуя традициям семьи, не только создавали новые сорта великолепных вин, но и приумножали свои и без того немалые богатства.

В небольшом провинциальном городке жители знают друг о друге почти все, а в этой семье, как было известно всем, царила удивительная дружба и нежная любовь. И в радости, и в горе братья Соломона и их дети всегда оказывались вместе, будто всех их объединяла какая-то неведомая сила, словно с рождения были они связаны священным обетом. Вот почему событие, имевшее место несколько дней назад и непонятно каким образом ставшее достоянием жителей городка, было воспринято окружающими с недоверием, словно произошло что-то невероятное, неправдоподобное, что произойти вообще никак не могло.

Дело в том, что совсем еще не старый, но смертельно больной Соломон, потеряв надежду на свое выздоровление, решил в присутствии своих сыновей и внуков высказать последнюю волю, так сказать, сделать заявление о разделе своего состояния.

Как известно, природа не терпит однообразия: на смену урагану приходит покой, чрезмерно жаркое лето непременно сменяется холодной зимой, из глубоких, казалось бы, спящих недр земли вдруг с оглушительным грохотом вырывается огненный вулкан. Да, такова жизнь. Бывает, что рядом с добром ходит зло, из одного куса железа куют и меч, и соху, в ядре согласия исподволь растет раздор. Мудрость потому и называется мудростью, что позволяет вовремя найти грань между подобными противоположностями.

Так вот, скандал в доме умирающего Соломона произошел из-за несогласия младшего сына, посчитавшего решение отца о разделе недвижимости несправедливым, унижающим его честь и достоинство. Зная вспыльчивый характер своего «мизинца», кстати, поразительно похожего на него самого, Соломон не раз замечал в нем ростки эгоизма и несдержанности, иногда бывали даже вспышки гнева, но каждый такой случай затухал, не вызвав пожара, как блеснувшая и погасшая искра. Мудрый Соломон понимал, что так долго продолжаться не может, что этому опасному чувству надо дать выход, так сказать, разрядить его, чтобы, не дай Бог, оно не внесло разлад в сложный и слаженный механизм его семьи, в гармонию взаимоотношений, которую он пестовал всю жизнь, чтобы разрядка эта стала не холодным разрушительным градом в весеннюю цветущую пору, а живительным дождем после изнуряющего знойного дня.

Вот почему Соломон, заведомо зная, что эгоистичный, избалованный им самим младший сын сгоряча, не подумав может посчитать его решение в отношении себя несправедливым, все же заявил о нем внятно и во всеуслышание.

Как и ожидалось, «мизинец» взорвался на этот раз всерьез и по-настоящему, принял заявление родителя, что называется, в штыки, с раздражением, бросился с обвинениями на братьев, якобы склонивших отца к этому несправедливому, на его взгляд, решению. Не давая никому высказаться, он швырял братьям незаслуженные оскорбления, а когда один из них стал призывать его к благоразумию, сперва накинулся на того с кулаками, а потом с обидой заявил, что все они сговорились против него, что, мол, теперь ему уже ничего не надо, что он-де отказывается и от своей доли тоже и покидает семью навсегда. Вот тогда Соломон решил, что откладывать разговор нельзя, наступил единственный случай, когда выбора нет и у него не осталось времени.

— погоди, сын, наберись терпения... Я хочу рассказать вам одну старую историю, которая стала для меня незабываемой... — он ненадолго умолк, тяжело закрыл глаза, еще больше побледнел, видно, разговор этот давался ему нелегко. — Вы когда-нибудь видели, чтобы я и ваши дяди поругались или сказали друг другу обидное слово? — и не дождавшись ответа, продолжил: — Нет, конечно, такого не было. И вот почему... Мне нелегко будет рассказать обо всем этом вслух, но не сказать тоже не могу... Много лет назад, когда каждому из нас — четверых братьев — было не больше восьми-четырнадцати лет, произошел такой случай...

— Как — четверых, отец? — с недоумением спросил Соломона старший сын. — Вас же трое?

— Да, сын, потерпи и слушай дальше... — Соломон с трудом перевел дыхание, поднял с подушки уставшее тело и, облокотившись на пра-

вую руку, обратился к младшему: — Я был тогда самым младшим, как и ты, сын, но крепким, бодливым, с норовом... Однажды под старым ковром в доме я нашел кучу монет, которые, надо думать, каждый раз оставляли друзья отца, когда в очередной раз бывали у нас в гостях. Видно, обычай был такой... Собрал я эти красивые, искрящиеся серебром монеты и стал хвастаться. Братья справедливо потребовали, чтобы я разделил их с ними, однако я категорически отказался, заявив, что нашел их сам и потому они принадлежат мне. Сегодня, с высоты своего жизненного опыта, я понимаю, что был не прав, но тогда... я оттолкнул одного из братьев, потом второго, который сделал попытку взять одну из монет. Тогда двое старших братьев обиделись, презрительно фыркнули, не сказав ни слова, покинули дом и пошли на улицу играть с друзьями, а тот, который родился за год до моего появления на свет, накинулся на меня с требованиями справедливого раздела. Короче, мы подрались, исцарапали друг другу лица и руки, и дело дошло до того, что я, разозлившись, схватил металлический кувшинчик для омовения и бросил его в своего десятилетнего брата... и... убил... — от этого воспоминания на бледном челе Соломона появилась еле заметная судорога и он, закрыв запавшие глаза, ненадолго умолк. — Я не сразу понял, что случилось... мой любимый брат с проломленным черепом лежал на полу, будто лег от...дох...нуть... — Соломон судорожно вздохнул и закашлялся. — Потом я, забыв о ссоре, бросился к нему, стал плакать и звать на помощь... Пришло, наконец, понимание, что брат умер и что убил его я, я... убил своего родного брата.

Услышав мои стенания, прибежала мать и, увидев распростертого сына, бросилась к нему, сразу все поняла, завывала от горя и вся в слезах побежала звать отца. Что она сказала отцу, какими словами объяснила случившееся, не знаю до сих пор, эта тайна ушла с ними вместе. Но отец не бил меня и не кричал, а как-то сгорбившись, словно взял на свои могучие плечи тяжкий грех, непосильную тяжесть, обнял меня за хрупкие, трепещущие от плача плечи, отвел от трупа в сторону и строго сказал:

— Запомни, сын! Твой брат случайно упал с лестницы, ударился головой и умер... — и, заметив мой молчаливый, недоуменный вопрос, продолжил: — Ты понял, сын? Именно так и случилось! Тебя не было дома, первым его увидела мать. Только так! Обо всем остальном забудь! Навсегда!

Об истинной причине нашего горя родители решили никому не говорить, даже моим братьям. Было сказано лишь о том, что мальчик неосторожно упал с лестницы и разбился, так сказать, несчастный случай... Для других — да, это было так, но не для меня, я-то знал, кто убийца, кто злодей, меня преследовали кошмары... и по сей день эти страшные видения не дают мне покоя... Да, дети мои, зло возвращается, тот, кто совершил злодеяние, страдает порой не меньше того, на кого оно было направлено. Возмездие за злодеяние — неминуемо, сколько бы ты в жизни потом ни сделал добра и благодеяний, стараясь искупить свой тяжкий грех. На весах судьбы зло всегда тяжелее, ибо оно есть зло! Сознание однажды совершенного все эти годы, как рок, день ото дня преследовало меня, истощая мозг и разрушая сердце, вот почему я, не справившись с

этой тяжелой ношей, уйду теперь из жизни, не испытав старости...

— Прости, отец, мне стыдно! — младший сын опустился к изголовью больного.

— Да, верно, за деньги можно многое купить: и дома, и украшения, и удовольствия... — Соломон оглядел своих притихших детей и внуков и, словно подводя итог сказанному, добавил: — Главное предназначение человека — это достойно прожить до старости, все остальное — суета сует... — Соломон снова бессильно упал на подушку, чтобы, набравшись последних сил, закончить начатый разговор. — А теперь подойди ко мне, сын, — попросил он младшего сына. — Я хочу попросить тебя об одолжении... можешь ты дать слово, что исполнишь его?

— Да, отец! — твердо ответил сын, подойдя ближе к его изголовью.

— Никогда не обижай другого, не делай ему больно! Любите друг друга, дети мои, ибо любовь к ближнему — великая земная сила!..

— Обещаю, отец, ты только не волнуйся! — снова заговорил младший.

— Да... теперь я спо...ко...ен... — Соломон устало закрыл глаза и ушел в иной мир, оставив заветную эстафету своим детям.

УРОК У ПЕРЕКЛАДИНЫ

У богатого купца рос единственный сын, Бахши. В постоянных разъездах из одной страны в другую, он и не заметил, как сын вырос и превратился в красивого юношу. Но в последние два года каждый раз, возвращаясь домой, он находил Бахши в компании подгулявших друзей, хмельного и беспечного, словно мир состоял из одних лишь удовольствий и богатству отца никогда не будет конца.

Отец, конечно, любил сына, и ему не было жалко денег, которые тот тратил, не зная счета, нет, умудренный жизнью, он видел далеко вперед и знал извечную истину, что, в конечном счете, все его состояние так или иначе достанется единственному наследнику. Отца тревожило и смущало другое — то, что сын, лихо растрачивая накопленное им богатство, все еще не дошел до понимания не только того, что оно не безгранично, но и того, что создавалось это богатство тяжким трудом, ценой долгих и изнурительных поездок, многих лишений и опасностей, отсутствием покоя, элементарных удобств и домашнего уюта и что все это исподволь, день за днем, словно червоточина, подтачивало его здоровье. Чувствуя это, зная о своей тяжелой болезни, отец беспокоился о том, что эта легкость, бесшабашность в тратах может привести сына к иллюзии, что

жизнь состоит из одних лишь радостей, и первая же серьезная трудность, даже небольшое испытание, может сломить его, а может быть, и поломать. Вот почему он, щадя самолюбие и гордость сына, старался ненавязчиво, мягко привести его к пониманию охвативших его раздумий и тревог.

Однако сын, становясь взрослым и приобретая новых и новых друзей, не только не слышал и не понимал больного отца, а становился все более раздражительным и непослушным. Его кутежи, постоянные попойки не прекращались, а наоборот, приобретали новые, все возрастающие масштабы.

Поведение сына, не меньше, чем отца, тревожило и убитую переживаниями, опечаленную, больную мать.

— Что ты с собой делаешь, сынок, — не раз и не два с горечью спрашивала она его, — ты что, хочешь убить нас?

— Оставьте меня в покое! — отвечал Бахши возмущенно. — Я никому не мешаю! Вам что, денег жалко?

— Да разве в деньгах дело, сынок? Ты себя губишь! Ты посмотри, на кого стал похож, чтобы ослепнуть мне! — в сердцах взывала мать к его разуму.

Однако сын не менялся, и тревога за него, словно черная грозовая туча, нависла над их домом. И надо ли удивляться, что под тяжестью этой горечи, бессилия перед бедой, так немилосердно свалившейся на семью, больная женщина не выдержала и в скором времени угасла, как свеча.

Лишь один из друзей, которого звали Мизандаром, не поддакивал ему, не играл, как многие из его окружения, в одну дуду с ним, а прямо, не за

глаза, говорил, что путь, на который он стал, чреват и может привести его в конце концов к печальному, полному разочарования исходу, а может быть, и к гибели.

Но однажды Бахши рассердился, обозвал друга выскочкой, высмеял и под улюлюканье остальных прогнал из своей компании.

Поскольку из родника Зюм-Зюм никому еще не удавалось испытать животворной воды, то и для купца настал его смертный час, тем более что дала о себе знать неизлечимая болезнь, да и безвременный уход жены и горькие раздумья о сыне тоже ускорили его конец. Для такого тонкого, чувствительного, легко ранимого человека, как он, достаточно было и одной из этих причин.

Лежа на смертном одре, он подозвал к себе сына и тихо, из последних сил, произнес:

— Знаю, что в своей беготне по жизни я непросительно многое упустил, да и тебя тоже... прости, сын... Хочу попросить тебя об одной милости... — от волнения он глухо, с надрывом закашлялся, долго не мог вздохнуть, отчего губы и лицо его неожиданно покрылись дымкой синевы, на бледном лбу выступили капельки пота и, казалось, вот уже и наступил конец. Но жизнь будто дала ему еще один, последний шанс высказаться, и дыхание его с трудом восстановилось. — Пока есть деньги, сын, к любовнице ходи рано утром, на рассвете; компанию друзей посещай, когда застолье идет к концу; а когда увидишь, что деньги кончились и друзья от тебя отвернулись... — заметив сомнение в лице сына, он добавил: — Поверь мне, так оно и будет... когда к тебе придет понимание никчемности, бессмысленности жизни, — вот тогда повесься на этой пере...кла...ди...не... —

и его застывший взгляд показал сыну на дверную перекладину.

Сорок дней после похорон сын не выходил из траура: не покидал дома, не выпивал в компании друзей, не предавался блуду. Но как только прошел установленный адатом срок, он снова окунулся в свой привычный омут, словно не было отцовских заветов и, оставив его одного, не покинули этот мир мать и отец, оберегавшие свое чадо от жизненных напастей. Снова были дорогие любовницы, шумные пьяные оргии и веселая, беспечная жизнь.

Но подобно тому, как полные винные бочки постепенно иссякают и пустеют, так же стало иссякать и его богатство. Наступил день, когда продолжать вести прежний образ жизни стало невозможно — денег уже не хватало, а потом вообще их не осталось даже на хлеб насущный. Неделю — другую он гулял за счет друзей, но таких беспечно щедрых, как он сам, оказалось среди них немного. Теперь уже бывшие друзья вообще перестали его приглашать. Недаром говорят, что застольные друзья — недолговечны.

«А как поведет себя та, которая в последнее время давала мне усладу?» — подумал он и на рассвете отправился к своей любовнице. Дверь открыла совсем не та, которую он знал, — краснощекая и белолицая, с пышной грудью, молодая красавица. Перед ним стояла морщинистая и тощая женщина лет сорока, с облезлыми волосами, скрывавшая, как видно, свою безволосость под париком, с бледными щеками, на которых все еще оставались следы макияжа. «Да она же безобразна! — с ужасом подумал он. — Как же я не увидел этого раньше?!...»

От нее он не уходил, а убегал, как нашкодивший мальчишка от первого греха.

О том, что бывшие друзья собираются сегодня вечером на очередной кутеж, он узнал от того же Мизандара, который, несмотря на горькую обиду, которую ему нанесли, все же старался в эти дни быть рядом с ним. Сделав вид, что ни сам Мизандар, ни сообщение о кутеже его не интересуют, Бахши где-то в полночь, в то время, когда, как он считал, «гулянье» идет к завершению, направился к месту встречи друзей.

Войдя в зал ресторана, он, впервые трезвый здесь, ужаснулся, увидев, что один из его бывших друзей полулежал прямо на столе, уронив голову на тарелку с холодцом, другой — свалился на пол, намочив от недержания новые, дорогие брюки, третий — со спущенными штанами навалился на размалеванную подругу, да так и заснул на ней. В таких же неприглядных позах были и остальные. Стоял такой смрад, кругом было столько грязи, отрыжек и мусора, что ему стало не по себе. Ни одного живого лица! «Неужели и я такой же? — удивился Бахши про себя. — Да, прав был отец, я действительно слепец и глупец!..»

Разочарование в себе было столь велико, а бессмысленность подобной жизни привела его к таким горьким раздумьям, что он пришел к самому печальному заключению, что жить ему дальше нет никакой необходимости, что корабль его жизни оказался на мели и вот-вот разлетится в щепки. Налицо были крушение всех надежд и полная безысходность. Эх, если бы можно было все начать заново, но... жить больше незачем и не на что!

Вспомнив о последнем наставлении отца, он вернулся домой, подошел к той самой дверной

перекладине, связал веревкой петлю и... оплакивая свои несбывшиеся мечты, повесился...

Однако перекладина не выдержала, неожиданно поломалась надвое и откуда-то сверху на голову незадачливого самоубийцы свалилась шкатулка работы искусного мастера. В шоке от случившегося, придя в себя, он протянул руку и взял шкатулку, открыл ее и ахнул от изумления — она была полна драгоценностей.

Словарь собственных имен, обиходной лексики, названий и выражений.

Абу-Муслим — истый пропагандист ислама в Дагестане.

Адат — обычное право, совокупность обычаев, которыми руководствуются народы Кавказа и Средней Азии в своей повседневной жизни.

Аксакал — белобородый почтенный старик.

Алейкум Салам — ответ на приветствие.

Альбис (тат.) — дьявол, сатана.

Альчики — бабки, мелкие бараньи косточки, которыми играют горские мальчики.

Арба, араба — двух- или четырехколесная телега или подвода на Кавказе.

Армуды-стакан — стакан, похожий по форме на грушу.

Аскер — воин, боец, солдат, страж и т.д.

Ашуг — певец, поэт.

Баят-Капы — название старинных ворот в южной крепостной стене города Дербента.

Берекет — доход, благо, урожай и т.д.

Бере-ов — название родника. Что означает «Бере» — неизвестно, а вот «ов» — вода.

Беш — лесной хворост.

Бешчи — тот, кто собирает хворост.

Биж — незаконнорожденный ребенок, т.е. рожденный вне брака.

Богара — **неполивные** земли в зоне орошаемого землевладения.

Буста́н — огород.

Владе́тель — правитель, хозяин административной территории, района.

Гачаг — разбойник, бандит.

Горя́нка — женщина или девушка, живущая в горах.

Гулла́р — слуги, рабы, название села в районе пос. Белиджи.

Даг ба́ры — горная стена, бравшая начало от крепости Дербента.

Даргине́ц — одна из национальностей Дагестана.

Дерви́ш — странствующий монах у мусульман, давший обет бедности. В народе дервишей называют мудрецами.

Дерей-гуш — орлиное ущелье.

Дерей-мар — змеиное ущелье.

Джалганская возвышенность — одна из вершин отрогов Кавказа в нескольких верстах к югу от Дербента, получившая название от одноименного села или наоборот.

Джамаа́т — народ, большое скопление людей, собрание.

Джамаа́тский суд — суд народа.

Джиги́т — сильный и мужественный, в основном, молодой мужчина.

Джума — пятница, день молитвы мусульман.

Джууд — иудей, еврей.

Дом в трауре — у горских евреев есть обычай: посещающих такой дом в дни траура угощали чаем.

Дувал — забор дома в кишлаке, в ауле.

Енге — свидетель(ница) целомудренности невесты в брачную ночь.

Зинда́н — тюрьма, карцер и т.д.

Зороастрийцы — огнепоклонники в Иране и на Кавказе.

Родник Зюм-Зюм — родник бессмертия.

Иншалла! — слава Аллаху!

Исты-булаг — теплый родник.

Кади или кадий — священнослужитель у мусульман, мулла, выполнявший еще и роль судьи.

Кидуш — еврейская вечерняя пятничная молитва в честь вина и виноградной лозы.

Кайтаг — кайтагский район Дагестана, районный центр.

Камах — селение в Дербентском районе Дагестана.

Караван-сарай — постоянный и торговый двор в городах и на дорогах Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии.

Кеманча — скрипка.

Ковхо — староста.

Комсомольская свадьба — свадьба без соблюдения религиозных требований, а иногда вопреки им.

Куба — современный город на севере Азербайджана.

Кубачинские насечки, изделия — есть в Дагестане селение Кубачи, селение знаменитых золотых кузнецов.

Кырхляр-Капы — название старинных ворот в северной крепостной стене Дербента.

Маслама — арабский полководец.

Мидо — катафалк у евреев.

Мюшкюрская равнина — некогда вся территория от юга современного Азербайджана до Дербента населяли «мускуты» — ирано-язычные племена. Слово «мускут» за многие века трансформировалось в «мюшкюр» — отсюда и «Мюшкюрская равнина». До недавнего времени селение Нюгди в Дербентском районе Дагестана называлось «Мюшкюр».

Наиб — командир сотни правителя, его помощник.

«Нарын-кала» — название цитадели в изголовье г. Дербента.

Нукер — слуга.

Орта-Капы — название старинных ворот в южной крепостной стене Дербента.

Охмах — (азерб.) дурак.

Паша, пашалык — военачальник, территория расположения его войск.

Пенждии — старое название села в Табасаране, переводится как «пять сел».

Пир — святое место или какое-то дерево, источник у мусульман, где они просят Аллаха о благодеянии, надо полагать, — отголоски идолопоклонства.

Платок невинности — доказательство целомудренности невесты в брачную ночь.

Праздник Ханука — еврейский праздник.

Раби, реби — учитель, в широком смысле — название еврейского священнослужителя.

Реш галют — глава оказавшихся в плену евреев.

Рубас-чай — река Рубас, т.е. чай-река.

Салам, салам алейкум — здравствуй, привет.

Река Самур — и сегодня служит границей между Азербайджаном и Дагестаном.

«Сары бугда» — сорт пшеницы.

Сасаниды — династия царей Ирана.

Севдегер — деловой человек, купец.

Севёр — большая плетеная корзина, в которой может уместиться человек.

Скифы, сарматы, аланы, гунны, савиры, авары, хазары — древние обитатели этого региона.

Солнце, покинув глубины Каспийского моря... — выражение, связанное с тем, что солнце в

Дербенте поднимается из-за моря, словно из глубины Каспия.

Сорок дней — траур по умершему, у евреев день и ночь считается за два дня.

«Соуг су вор» — в переводе с Азербайджанского: «Есть холодная вода».

Стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей вестники — обычно молодые люди, друзья жениха, сразу же по получении платка невинности от енге доставляют его родителям невесты — как доказательство ее невинности и начинают стрелять в небо. А родители невесты, хотя и уверены в чистоте своей дочери, все же радуются и шумно, во всеуслышание, чтобы в ауле узнали об этом как можно больше жителей, преподносят «молодым вестникам» всевозможные подарки. Бывают, правда, очень редко, случаи, когда невеста оказывается не «невинной», и тогда родители жениха, посадив ее на осла, лицом к хвосту, отправляют обратно к ее родителям, при этом музыканты играют «обратный марш».

Табасаран — район в Дагестане.

Талмуд — свод комментариев «Ветхого завета».

Тандыр — круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки чурека, хлеба.

Тара — струнный музыкальный инструмент.

Тахта — широкий низкий диван без спинки, обычно покрываемый ковром.

Толмач — переводчик.

Тутовое дерево — шелковица, тутовый шелкопряд.

Уцмий — владелец, правитель у даргинцев.

Ханум — уважительное обращение к женщине.

Харамзаде — нечестивец, негодник, паршивец и т.д.

Харе — скирда.

Хинкал — дагестанское блюдо — суп из баранины с добавлением порезанного на кусочки теста.

Хункор — злодей, кровопийца.

Хюм — большой глиняный сосуд для хранения вина и зерна.

Чайхана — чайная.

Чауш — глашатай.

Чурек — круглый хлеб, выпекаемый в тандыре.

Шамхал — правитель, владелец у аварцев и кумыков.

Шилхон — (стар.) низкий столик, за которым евреи едят, однако на стулья не садятся, а облакачиваются на подушки.

Шобот шолум! — субботнее приветствие у евреев.

Шольях — (евр.) посланник Бога для оказания помощи.

Эмир — титул правителя в мусульманских странах.

Эршефи — старинная иранская золотая монета.

Эфенди — господин.

Язык Торы — язык древних евреев (иврит), на котором написаны священные книги, в т.ч. Тора.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман «Маковый след»	5
Рассказы	259
Притчи	299
Словарь собственных имен, обиходной лексики, названий и выражений	311

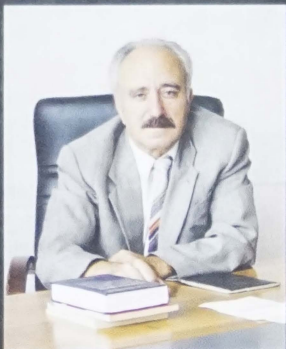
Михаил Борисович ДАДАШЕВ

МАКОВЫЙ СЛЕД

Роман

Подписано в печать 26.11.2002.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 84х108/32. Объем 10 п. л.
Гарнитура Baskerville.
Тираж 2500 экз. Заказ № 7242

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

Михаил Борисович Дадашев

Известный прозаик, автор ряда романов, повестей, рассказов, притчей и пьес. Его исторические романы «Братья» и «Маковый след», по существу, - первые в литературной истории небольшого горско-еврейского народа. Герои романа «Маковый след» - соплеменники автора, показаны людьми трудолюбивыми, добрыми, отзывчивыми, в то же время мужественными, умеющими в критической ситуации защитить свою честь и достоинство. Горские евреи – горцы в полном смысле этого слова, лишь со своей верой, которую они пронесли и сохранили в течение многих и многих веков пленений, бегства, скитаний, редких радостей и нескончаемых страданий.